

Киевский Эколого-
Культурный Центр

серия: **Охрана дикой природы**
выпуск Киев—2000

В.Е. Борейко

ЭССЕ

о дикой природе

Борейко Владимир Евгеньевич
ЭССЕ О ДИКОЙ ПРИРОДЕ

Серия: “Охрана дикой природы”.
Вып. 16, 2000, 148 стр.

Киевский эколого-культурный центр

В книге поднимаются этические, эстетические, религиозные, культурологические вопросы охраны дикой природы.

**Издание осуществлено
при поддержке
фонда МакАртуров**

Оглавление

ИДИТИ ЗВЕЗДАМИ (вместо предисловия)	5
ИДЕЯ ДИКОЙ ПРИРОДЫ	8
РЕЛИГИЯ ПРИРОДООХРАНЫ	51
О ПРАВЕ ДИКОЙ ПРИРОДЫ НА СВОБОДУ	67
ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА	70
ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ	76
О КРАСОТЕ ДИКОЙ ПРИРОДЫ	82
МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДРЕВНИЕ ЛЕСА	87
ПЕРЕИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ: СВЯЩЕННЫЕ РОЩИ — ЗАПОВЕДНИКИ БУДУЩЕГО?	98
ОДА ВЕКОВОМУ ДЕРЕВУ	112
О ПОЧТЕНИИ ПАМЯТИ ПИОНЕРОВ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ	117
ДИКАЯ ПРИРОДА КАК ЛИК БОГА ИЛИ ЛЮБИМОЙ	121
ЗАПОВЕДНИКИ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ	126
КРОХОТКИ	131
ПРОЕКТ “ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ”: ОПЫТ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ	138

Светлому ангелу всех
экологистов стран СНГ
Татьяне Дмитриевне
ЖДАНОВОЙ
посвящается

Благодарности

В работе над книгой я воспользовался помощью, советами и идеями Елены Поминовой, Наталии Данилиной, Евгения Симонова, Михаила Поддубного, Александра Никольского, Николая Морохина, Эмиля Шукурова, Виталия Грищенко, Дугласа Уинера, Феликса Штильмарка, Антона Стручкова, Олега Яницкого, за что им премного благодарен.

Я выражаю также искреннюю признательность Эми Вильсон, Людмиле Белецкой, Сергею Колосу, Елене Кривошеевой и своему сыну Диме за помощь в приобретении и переводе иностранной литературы.

Идти звездами (вместо предисловия)

В едином, бедственном положении оказались нынче леса и воды, птицы и рыбы, поэты и мечтатели, дети и ангелы, — сказала известный российский богослов Татьяна Горичева.

Причин тому много, и одна из них в том, что у нас до сих пор практически не существует философии дикой природы. Именно поэтому отечественное заповедное дело по сути остается антропоцентричным, антиэкологичным и неморальным. Убийство животных ради научных и иных целей, да еще в заповедниках, там, где по идее любая дикая жизнь находится под охраной — святотатство! Заповедному лосю или кабану все равно, от кого получать пулю — от браконьера, или научного сотрудника, изучающего гельминтоз. Я уже не говорю о полевках и других мелких млекопитающих, которых тысячами ради науки губят в заповедниках. Это позор! Чем тогда заповедники отличаются от противочумных станций?

Я не могу понять, почему в национальных парках разрешается охота и рыбалка, действия, напрямую связанные с гибелью дикой жизни, да еще в коммерческих целях.

Ведь бедной дикой природе больше негде спрятаться от человека, как на охраняемых природных территориях со строгим режимом — в заповедниках и национальных парках. Еще можно как-то скрепя сердце согласиться с небольшим количеством пеших экотуристов в национальных парках, с ведением летописей природы в заповедниках, но вот для убийства диких животных ради удовольствия неужели недостаточно обыкновенных охотничьих хозяйств?

К сожалению, наши законы и концепция заповедного дела не распространяют моральную заботу на всю дикую природу заповедников и национальных парков.

Мы далеки от идеи глубинной экологии, и никак не можем осознать, что дикая природа является законченной

в самой себе, благом в самой себе, имеет свою собственную ценность, ценна сама по себе. И это уже достаточная причина для предоставления ей полной свободы, хотя бы на заповедных территориях.

Меня могут упрекнуть в том, что в своих работах по заповедному делу и охране дикой природы я слишком много уделяю внимания этической и религиозной ценностям дикой природы.

Это, мол, слишком идеально, оторвано от жизни, неясно народу. Именно об этих ценностях молчит отечественная “заповедная” литература за последние 30—40 лет. Зато буквально в каждой популярной книжке и статье упоминается научная, хозяйственная, рекреационная “полезности” заповедного природного объекта. Предполагалось, что прочитав эти книги, люди осознают важность охраняемых природных территорий, начнут поддерживать заповедное дело. Причем эти умозаключения строились на сугубо теоретической основе, не подтверждались никакими опросными данными. Более того, отечественными деятелями заповедного дела, учеными-биологами (авторами этих книг) почему то совершенно не принимался в расчет пример США, Канады, Англии, Австралии (лидеров заповедного мира в мире). где в борьбе за свободу дикой природы природоохранники активно используют этические и религиозные аргументы. Я уже не говорю об эстетических и историко-культурных.

Но может быть наши широкие слои населения действительно настолько черствы, глупы и невежественны, что им непонятна религиозная и этическая ценности дикой природы?

В 1999 г. Киевский эколого-культурный центр провел анкетирование 400 жителей городов Киева и Львова, а также Киевской и Львовской областей. Оказалось, что среди десятка предложенных ценностей дикой природы они отдали предпочтение именно религиозной и этической ценностям. Простые люди хорошо осознают, что скрывается за словами “дикая природа ценна сама по себе” и “дикая природа — священное пространство”. Другое дело, что наши природоохранники ведут пока с людьми разговор на непонятном им языке, и пропагандируют те ценности дикой природы, которые население не поддерживает. Но ведь как писал еще в 1918 г. классик российского заповедного дела профессор Г.А. Кожевников — “то,

что чуждо народу, никогда не будет иметь настоящего успеха”.

Действительно, что-то не в порядке в наших странах с аргументами в защиту дикой природы. Как правило, у нас не ведутся общественные дебаты, если предлагается какой-нибудь объект архитектуры объявить заповедным. Это и так всем понятно. Но вот когда дело касается заповедания участков дикой природы — дебаты развязываются. Очень трудно добиться общественной поддержки новой охраняемой природной территории. И одна из причин этого мне видится в игнорировании природоохранниками этических, религиозных, эстетических и иных идеальных ценностей дикой природы.

В этой книге, опираясь на труды англоязычных зарубежных экофилософов, отечественных пионеров охраны природы, основателей этико-эстетического подхода, народные экофильные традиции и религиозные воззрения, лучшие образцы русской поэзии и живописи я постарался усилить и развить понимание этической, духовной, религиозной, символической, эстетической, политической, воспитательной, историко-культурной, внутренней ценностей дикой природы, ценности “дикости” природы, ценности свободы, ценности наследия дикой природы.

Думается, это улучшит наше понимание и охрану участков свободной природы в третьем тысячелетии.

Владимир БОРЕЙКО

Идея дикой природы

“...низких истин нам дороже
нас возвышающий обман”.

А.С. Пушкин

Без новых идей и концепций мы обречены вновь и вновь повторять старые ошибки. Нам необходимо создать новые мифы, чтобы в третьем тысячелетии сохранить биосферу. Одной из таких свежих и перспективных идей является идеал дикой природы.

Это великая пан-культурная идея, к которой рано или поздно придут все народы. Если в какой-либо культуре пока еще нет концепции дикой природы, то это лишь дело времени. Возможно культура, которая не имеет ее, пока не смогла ее открыть, принять или не нуждается в ней. Как политическая идея, как культурный идеал понятие “дикая природа” моложе, нежели относительно новое понятие прав человека.

Вопрос дикой природы (этой особой сверхприроды, “элиты” природы) — более философский, чем биологический.

Достаточно знать, что дикая природа существует, гарантирована в этом мире, видеть ее не обязательно. Особенно в наше время, когда будущее защищено больше, нежели прошлое.

Дикая природа — постоянная и важная часть цивилизации. Но она не ресурс, дикая природа — это самоценность, начало, первопричина всего.

Дикая природа не входит в наш разум, если не преобразована предварительно культурной формулой. Американцы первыми пришли к пониманию, что дикая природа — это Совершенно Иное, отличное от человеческого существования бытие, которое мы должны ценить прежде всего за ее неповторимость. Дикая природа кра-

сива, загадочна, дика, свободна, божественна и нравственна. Ее можно считать святилищем подлинности и оригинальности, убежищем чистоты. Это современный сад Эдема.

Идея дикой природы состоит в мифопоэтическом, образном выражении моральных природоохранных взглядов через физическую природу. Ее задача — повышение значимости нематериальных, внутренней ценности дикой природы, с целью охраны последних участков свободной природы. Нынче дикая природа стала впечатляющим, широко используемым символом заботы об участках слабоизмененной человеком природы, мощным двигателем заповедного дела, ярким и понятным девизом для постиндустриального общества. Идея дикой природы — это культурный идеал.

Она пробуждает индивидуальное восприятие и преобразует его в духовный опыт, в метафизическое понимание мира. Идея дикой природы учит состраданию, покорности и сочувствию. За ней — великое будущее.

Перед дикой природой следует молча преклониться. А ее защита должна идти параллельно с преобразованием нашей души. Ибо теряя дикую природу, как сказал американский эколог Пол Шепард, — мы теряем последний шанс вернуться в себя.

В поиске дикой природы

К сожалению, в отечественной терминологии нет точного определения, что подразумевается под термином “дикая природа”. Попробую сослаться на зарубежную интерпретацию. В утвержденном в 1964 г. Конгрессом США “Закоме о дикой природе” сказано: “Областью дикой природы в противоположность тем объектам, где человек и его деятельность господствует над ландшафтом, настоящим признается область, где земля и ее живое сообщество не испытывает препятствий со стороны человека, где сам человек является посетителем, который не остается”.

Область дикой природы далее определяется этим законом как участок неразработанной федеральной земли, сохраняющий свой первозданный характер и влияние без постоянных улучшений или человеческого обитания, который защищается и управляется так, чтобы сохранить его

природное состояние, и который в общем выглядит как испытавший в перую очередь влияние сил природы с существенно незаметным отпечатком человеческой деятельности.

Согласно американского законодательства область дикой природы должна иметь по меньшей мере пять тысяч акров земли (20 кв. километров) или достаточный размер, чтобы сохранить ее в нетронутом состоянии, а также “может содержать экологические, геологические и другие характеристики, имеющие научную, образовательную, пейзажную или историческую ценность”.

Существенной характеристикой участка дикой природы является его величина. Американский природоохранник Роберт Маршалл подразумевал под участком дикой природы территорию такой величины, чтобы ее невозможно было пересечь без каких-либо технических средств передвижения за один день. Олдо Леопольд сформулировал свой стандарт — способность региона дикой природы “поглотить” двухнедельное путешествие (2 тыс. кв. километров). В отчете американской Комиссии по рекреации внешних ресурсов 1962 г. “дикая природа” определена как территория земли площадью более 100 000 акров, на которой нет общественных дорог.

Можно сказать так: место, где постоянно живет цивилизованный человек, является территорией, где нет дикой природы, и наоборот.

Символом дикой или свободной природы становятся крупные хищники — дикие львы, тигры, медведи, орлы. Без этих животных дикая природа всего лишь пейзаж. Как правило, “окультуривания” дикой природы они не выдерживают. Другой важной характеристикой дикой природы является ее отдаленность.

Под определения “дикой природы” могут попасть альпийские и субальпийские гористые области, пустыни, тундра, арктические области, подводные участки, пещеры. С некоторой натяжкой — старовозрастные леса, заросшие дельты крупных рек, большие болота, речные каньоны, участки свободного воздуха. Даже утренний туман может образовать кусочек дикой природы.

Конечно, совсем дикой природы, полностью независимой от влияния человеческой цивилизации, в настоящее время не существует. Однако при помощи особого научного приема — идеализации, понятие “участок дикой, свободной при-

роды” можно распространить на довольно значительное число природных территорий, существенно не измененных человеком. Ведь могут же математики оперировать понятием “точка” и “окружность”, физики — “идеальный газ”, и “несжимаемая жидкость”.

Поэтизируя понятие “дикая природа” можно сказать, что участок дикой природы — это такое место, где никто не знает, где начинаются горы и где кончается небо. В дикую природу идут не для того, чтобы найти, а для того, чтобы исчезнуть.

Американский природоохранник Майкл Кохен полагает, что дикая природа может иметь по крайней мере пять толкований:

- 1) как существительное или прилагательное (имя или качество);
- 2) как образ или изображение (символ);
- 3) как идеология (где она вписывается в систему ценностей);
- 4) как представление (как ее передает литературная или политическая риторика);
- 5) как правовое определение (“Закон о дикой природе” как общественное соглашение и инструмент).

На четвертом международном Конгрессе дикой природы было принято несколько расширенное определение дикой природы: “Участок дикой природы — это обширная природная территория, защищенная законодательно и обладающая достаточными размерами, чтобы сохранить нетронутые природные элементы, которые могут служить физическому и душевному благополучию. Это территория, где допускается небольшое или ненастойчивое человеческое вторжение, так, чтобы естественные процессы продолжали эволюционировать”. Это определение, в отличие от терминологии американского “Закона о дикой природе”, разрешает присутствие коренных народов (скажем, охотников-собирателей), чьи традиционные культуры легко “ходят” по земле, оставляя незначительные следы пребывания. Четвертый Конгресс также добавил, что участками дикой природы могут считаться специально восстановленные до дикого состояния некогда культурные земли.

Некоторые авторы полагают, что участки дикой природы должны обладать следующими качествами:

1. Вид или пейзаж необычайной красоты или представляющий научный интерес.

2. Область, удаленная от видов, звуков и запахов механизации, и всего, связанного с цивилизацией.

3. Место, где можно почувствовать свою личную удаленность от современной цивилизации.

4. Место, где можно испытать дух приключений.

5. Место, где полное наслаждение природой зависит от личного восприятия, физического умения и находчивости.

Дикая природа — это символ, идеал, модельная схема, имеющая независимую от человека ценность. Она означает некую символическую “непохожесть”, а не абсолютную форму. Она жива вне человека, в саду или на опустошенных землях — мертва. Дикая природа не лжет. Она всегда искренна.

Американские природоохранники Филипп Смит и Ричард Ватсон утверждают, что участками свободной природы могут являться места, где человек получает “опыт дикой природы”. По их мнению “опыт дикой природы” состоит из чувства эстетического восхищения, уверенности в себе и отдаленности от обыкновенной деятельности и произведений человека. Авторы считают, что участки дикой природы являются не просто географической концепцией и их границы не могут быть только географическими линиями.

Ну а какие взгляды имеют отечественные экологи и философы на определение “дикой природы”? Более десятка биологических, экологических и философских словарей, изданных в 1990-х годах в разных городах СССР и СНГ не обращают внимания на термин “дикая природа”. Лишь Н.Реймерс, единственный, дал более-менее расширенное определение: “Природа дикая — участки природы, не нарушенные хозяйственной деятельностью человека, на которые человек влияет лишь как биологическое существо или только опосредовано через глобальные изменения мира; понятие субъективное, с точки зрения горожанина. Природа дикая не будет казаться таковой охотнику-промысловому”.

Дикая природа как культурный миф

В дикой природе границы между человеческим и нечеловеческим, между естественным и сверхъестественным всегда казались менее определенными, чем в любом дру-

гом месте. Именно поэтому ранние христианские святые и мистики часто подражали уходу Христа в пустыню, поскольку стремились сами получить опыт видений и духовных испытаний, которые Он перенес. Можно было встретить дьяволов и подвергнуться риску потерять свою душу в таком месте, но можно было встретить и Бога. Для некоторых эта возможность была достойна любой цены.

Величественные ландшафты дикой природы являлись редкими местами, где у человека было больше чем где-либо шансов мельком увидеть лицо Бога. Бог был на вершине горы, в пропасти, в водопаде, в грозовом облаке, в радуге, в закате.

Недаром первые американские национальные парки сохраняли прежде всего дикую величественную природу, до 1940 г. не прославлялось ни одно болото, и по сей день в США нет национального парка в травянистых равнинных местностях.

К сожалению, в современной западной культуре имеется очень мало моделей и традиций, которые ценят дикие местности или говорят о том, что природная дикость может позитивно влиять на людей.

Долгое время в истории человечества термин “дикая природа” имел негативный оттенок. Так, в Библии он встречается около 300 раз и все его значения являются отрицательными. Как в Ветхом, так и в Новом Завете это словосочетание обычно относится к засушливым землям с крайне низким количеством осадков, где обитали дьяволы и демоны. После того, как Иисус был хрещен в реке Иордан, Дух отвел его в дикую местность (пустыню), чтобы его не пугал дьявол.

Долгое время дикая природа представлялась европейцам местом бедствий, недостатков, глубоких страданий и смертельных опасностей. Выдающейся характеристикой дикой природы являлось отсутствие в ней прямой полезности.

Владимир Даль определял слово “дикий” как “в природном виде состоящий, не обработанный человеком, невозделанный, природный, необразованный”, а также “неручной, необузданный, свирепый, суровый, застенчивый, чуждающийся людей, странный, необычный”.

Однако в отличие от христианского мира, в китайской и японской ландшафтной живописи более чем тысячу лет назад последователи синто обожествляли дикие леса, без-

людные горы, шторма и ливни, исповедывали перед ними религиозное благоговение.

Позже эта тенденция стала отмечаться и на Западе. Святой Франциск Ассизский один из первых среди средневековых христиан показал пример восхищения дикой природой. Подобного взгляда придерживался в середине 16 века и швейцарский натуралист Конрад Гесснер. Жан Жак Руссо, Петрарка, Водсворт оказали огромное влияние на появление любви и уважения к дикой природе в европейских странах.

Любопытно, что если проезжающим регион пика Дербишир в Англии вплоть до 18 столетия предлагалось держать шторы своих экипажей задернутыми, дабы не пугаться уродливости и дикости пейзажа, то уже в 19 веке это место слыло среди поэтов и художников одним из самых живописных.

Присхождение взгляда о том, что дикая природа имеет особую ценность как противовес цивилизации, связано с европейским романтизмом во второй половине 18-го столетия. Это была идея “величественного в природе” Бурка и Канта.

Ее поддержала в Северной Америке группа писателей Восточного побережья в начале 19-го столетия. Символическое положительное значение термина “дикая природа” начало возрастать, когда американские националисты стали пропагандировать дикость американской природы как особенно ценную характеристику национального наследия, а также как что-то отличительное и уникальное по сравнению с европейскими культурными понятиями.

“Трансценденталисты” 19 столетия Эмерсон и Торо, а ближе к концу века — Мюир продвинули эту идею еще дальше, и настоящий “культ дикой природы” в США зародился в начале 20 века. Общество дикой природы учреждено там в 1935 г., а “Закон о дикой природе” принят в 1964 г.

Следует однако подчеркнуть, что в отличие от европейцев и американцев, американские индейцы никогда не считали свои земли “дикими”. Лютер Стоящий Медведь из племени сиу говорил: “Только для белого человека природа является “дикой”... Для нас она была прирученной. Земля была обильна, и мы были окружены благословением Великой Тайны. “Дикий запад” начался тогда, когда пришел белый человек”.

Вообще туземные народы избегают термина “дикая природа”. Для них это место — где они живут. В данном случае значительные отличия их культур от западной не позволяют одинаково взглянуть на одно и то же явление.

Американцы Генри Торо и Джон Мюир первыми среди деятелей охраны природы подошли к дикой природе как нравственному началу и эстетическому совершенству. В их интерпретации “дикое” в природе стало звучать не как “свирепое”, “страшное”, а “неиспорченное”, “чистое”. Дикое становится способом наименования священного в природе. Того священного в природе, которое в конце концов представляет собой место, где мы встречаем явление из другого, более вечного мира, что нарушает течение времени в нас самих.

В своем эссе “Прогулка” Генри Торо писал: “Я хочу замолвить словечко за Природу, за абсолютную свободу и отсутствие цивилизации... Я бы хотел жить, имея с одной стороны деревню, а с другой дикую природу и каждый раз удалиться в эту природу (...). В диких местах находится сохранение мира. Каждое дело посылает своих гонцов в поиске за диким. Города импортируют это за любую цену (...). Из лесов и дикой природы к нам является нечто тонизирующее. Наши предки были дикими. История о Ромуле и Реме, вскормленными волчицей — не просто бессмысленная басня. Основатели любого государства, которое достигло выдающегося положения, черпали силу и энергию из такого дикого источника (...). Подайте мне дикую природу, где нет места цивилизации... Хочется отправиться туда, где обитают лесные дрозды, в незаселенные человеком земли, я думаю, я уже к этому готов (...). Как близко к добру то, что является диким (природным). Жизнь состоит из дикой природы. Самое дикое — это самое жизненное. Еще неокончательно покоренная человеком, дикая природа освежает (...). Я черпаю свою силу в болоте, а не в культивируемых деревенских садах (...).

Все же, пусть вы будете думать обо мне как об извращенце, если бы мне предложили жить по соседству с самым красивым садом, созданным человеческими руками или ужасным болотом, я без сомнений выбрал бы болото. Как тщетны ваши усилия, люди, для меня. Мой дух неизменно возвышается в прямой пропорциональности кажущейся всем неинтересной, внешней скуке диких мест. Подать мне океан, пустыню или еще какую-нибудь глухомань! В пус-

тыне свежий воздух и уединенность компенсируют недостаток влажности и плодородия.

Путешественник Бартон говорит об этом: “Ваш дух улучшается, вы становитесь откровенным и радушным, гостеприимным и решительным. В пустыне спиртное лишь вызывает отвращение” (...).

Когда я отдыхаю, я ищу самый темный лес, самый густой и бесконечный, и самое страшное для людей болото. Я вступаю на болото как на святую землю, как в убежище. Здесь сила, сердцевина Природы (...). Городу повезло, если он не только содержит праведников, но и окружен лесами и болотами. Если в населенном людьми регионе имеется девственный лес — такой район будет давать не только зерно и картофель, но и философов и поэтов для будущих веков. В такой земле выросли Гомер и Конфуций, из такой глуши пришел Реформатор, питающийся саранчой и диким медом (...).

Цивилизованные нации — Греция, Рим, Англия — черпали свои силы в первозданных лесах...

Короче, все хорошее — дико и свободно”.

В другом своем великом произведении — “Уолден или жизнь в лесу” Торо писал: — “Зрелище дикой природы стало удивительно привычным. Я ощущал и донныне ощущаю, как и большинство людей, стремление к высшей, или, как ее называют, духовной жизни и одновременно тягу к первобытному, и я чту оба эти стремления. Я люблю дикое начало не менее чем нравственное”.

Подобных взглядов придерживался и Ральф Эмерсон: “В лесах скрывается непроходящая молодость. На плантациях господ царят благопристойность и святость, праздник длится здесь целый год, и гость, очутившийся на нем, не поверит, если ему скажут, что этот праздник утомит его — хотя бы через тысячу лет.

В лесах мы возвращаемся к разумности и вере (...). Я — возлюбленный красоты, ни в чем определенном не сосредоточенной и бессмертной. Среди дикой природы я нахожу нечто более для себя дорогое и родное, чем на городских и сельских улицах”.

На челе дикой природы никогда не написана низость. Там царят Вечная Справедливость и Вечное Добро. Дикая природа имеет право на чувство обязанности, защиты со стороны человека, а не только право на существование. Ее сущность есть высшая красота или высшая правда.

Дикая природа имеет внутреннюю ценность из-за своей дикости. Формы дикой природы возникли спонтанно, вне чьих-либо замыслов и трудов, сами по себе, безразлично к человеческим желаниям и изобретениям. Именно этот факт должен добавлять еще больше чувства изумления и восхищения перед дикой природой.

Джон Мюир писал, что ни один из природных ландшафтов не считается уродливым, пока является диким. Дикая природа порождает поэзию, философию, религию и науку. Она — концентрация особых моральных сил.

Экофилософ Э. Партридж полагает, что “прямое общение с дикой природой есть самостоятельное непреходящее благо”. Недаром древние отшельники стремились в дикую природу за свободой и очищением веры.

В связи с этим при уничтожении или порче уголка дикой природы можно говорить еще об одном измерении потери — моральном измерении.

Участки дикой природы — это “элита” природы. Уничтожив элиту, мы лишим природу возможности возобновляться.

Страдание от осознания нашего неотвратимого физического упадка и смерти заметно ослабит, если мы начнем лелеять и ценить вещи, которые будут сохраняться и после нас. К ним можно отнести шедевры живописи, зодчества, а также участки дикой природы. Как писал Ральф Эмерсон — “нравственное воздействие дикой природы на человека измеряется правдой, которую она ему открыла”.

Переоценка дикой природы среди европейцев и американцев проходила в первую очередь благодаря росту культуры. Примерно об этом, но другому поводу сказал автор “Русского леса” Леонид Леонов — “Люблю природу дикую, а людей культурных”.

Резкая переориентация по отношению к дикой природе, как природе “безгреховной”, изначально невинной, позволяет нам задуматься о зачатках новой природоохранной идеологии, найти свежие веские аргументы в защиту природы.

Дикая природа, в конце-концов, это образ мышления, состояние ума, идея.

Дикую природу можно рассматривать как качество, определяемое в контексте личных ощущений, чувств и выгодных преимуществ. Она обладает сознанием и душой.

Чувства к ней, как правило, рождаются там, где нет дикой природы — в крупных городах, университетских центрах. Сельские жители, живущие по соседству с дикой природой, чаще всего ее не ценят и не понимают.

Как утверждает американский историк Вильям Кронон, поразительная власть дикой природы состоит в том, что изумление перед ее лицом не требует волевого акта, оно само навязывает его нам.

Учиться почитать дикую природу — значит помнить и признавать некоторые моральные принципы — справедливость, благожелательность, рациональность и автономию. Они определяют наше моральное поведение по отношению к дикой природе. По мнению экофилософа Роджера Пейдена принцип справедливости требует, чтобы мы действовали справедливо, отстаивая интересы всех ее частей. Принцип благожелательности предлагает признавать и увеличивать общую ценность в дикой природе. Принципы рациональности и автономии требуют избегать принудительно или обманным способом навязывать свою волю дикой природе, уважать автономию дикой природы и способность диких видов флоры и фауны самим определять ход их собственных жизней.

Дикая природа и девственная природа. Степени дикой природы

Довольно часто дикую природу отождествляют с природой девственной. Эти оба эпитета используются как синонимы. Но дикая природа не есть девственная природа. Девственность, как и беременность, не имеет степеней. Нельзя быть “немножко беременной”. По видимому, в настоящее время девственной (первозданной) природы на Земле не существует. Во-первых, человек сейчас глобально влияет на все без исключения участки Земли, во-вторых, во многих местах древние человеческие цивилизации в той или иной степени изменили девственную природу.

Что же касается дикой природы, то она имеет много степеней изменчивости, так как всегда является изменчивой. И эти изменения происходят во многих формах. В отличие от термина “девственная природа”, термин “дикая природа” не может быть использован как абсолют. Подобно температуре и скорости это вопрос “степеней”. Понятие

“дикая природа” где-то сродни понятию “тишины”. Как таковой абсолютно дикой природы не существует, как и нет полной тишины. Вместе с тем, как справедливо заметил американский писатель Уоллес Стегнер — “лучше раненная дикая природа, чем вообще никакая”.

Дикая природа — это природа, сохранившая “дикий”, естественный тип воспроизводства, саморегуляции за счет внутренних связей. В отличие от природы недикой, окультуренной, требующей для своего воспроизводства определенных энергетических затрат со стороны человека. Как справедливо полагает киргизский эколог Э. Шукуров, дикая природа (ненарушенные экосистемы) может иметь три степени. 1) ненарушенные нетронутые; 2) ненарушенные естественные; 3) ненарушенные со слабым использованием.

Имеется также переходная стадия между природой дикой и природой окультуренной. Как утверждает Э. Шукуров — это “сильно измененные человеком естественные экосистемы, но сохранившие заметные элементы дикой природы, или в основных чертах воспроизводящие естественные природные циклы”. Эти участки полудикой природы нельзя сбрасывать со счетов. При полном заповедании со временем они могут “одичать” и пополнить число территорий дикой природы.

Природа полудикая может иметь по мнению этого автора две степени: 1) Слабонарушенные участки полудикой природы со слабым экстенсивным использованием, 2) Слабонарушенные участки полудикой природы с сильным экстенсивным использованием.

Естественно, возникает вопрос о методике определения степеней дикой природы. И здесь, мне кажется, вполне приемлемым, в первом приближении, может стать предложение Э. Шукурова: “Предлагается в основание членения, в соответствии с его задачами, положить сочетание естественных и антропогенных процессов и состояний. Тогда все выделы уложатся в шкалу между совершенно нетронутыми, полностью сохранившимися “дикими” типами самовоспроизводства экосистемами и полностью созданными человеком и неспособными к самовозобновлению. Если условно оценить “естественность” и “искусственность” от 0 до 10 баллов, то можно выстроить встречные числовые значения возрастания — убывания этих признаков. Их сочетание дает исчерпывающий ряд возможных бальных оценок выдела.

“Естественность”

10; 9; 8; 7; 6; 5; 4; 3; 2; 1; 0

“Искусственность”

0; 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10

В итоге мы имеем комплексные выделы с баллами “естественность”/“искусственность” 10/0; 9/1; 8/2; 7/3; 6/4; 5/5; 4/6; 3/7; 2/8; 1/9; 0/10; — всего 11 типов.

Таким образом, задача сводится к характеристике каждого из 11 типов выделов и их идентификации на местности”.

Опираясь на вышесказанное, можно дать экологически более точное (в сравнении с американским), определение термину “дикая природа”.

Природа дикая (свободная): 1) мифопоэтический образ; 2) обширные, с чистым воздушным пространством, удаленные от человека и ненарушенные его деятельностью участки земли (воды), где сохранилось местное биоразнообразие, включая хищников, и полноценные экологические и эволюционные процессы. На этих участках дикая природа воспроизводится естественным путем, по “дикому” типу, сохраняя саморегуляцию за счет внутренних связей. На нее человек влияет лишь как биологическое существо или только опосредованно через глобальные изменения мира. Дикая природа не бывает статической и может иметь несколько степеней изменчивости. Дикая природа — это земля (вода) с собственной волей, и ценна сама по себе. Дикая природа вызывает у человека чувства священности, свободы, загадочности, вдохновения и восхищения.

Под охраной же дикой природы я понимаю защиту, в первую очередь ее естественности и свободы.

Критика идеи дикой природы

Американский природоохранник Мишель Суль полагает, что существует несколько основных направлений критики идеи дикой природы.

Первое исходит от коммерческих структур, взявших на вооружение идеи рационального (мудрого) использования природных ресурсов. Они провокационно связывают дикую природу с природой девственной (первозданной), а затем утверждают, что такой природы не существуют, что, мол, она давно изменена современным человеком. А если это так,

то можно и должно рационально эксплуатировать природные ресурсы в заповедниках и национальных парках.

Ответ этим оппонентам может базироваться на различиях в смысловом понятии “дикая” и “девственная” природы, о чем было сказано выше. Конечно, некоторые участки дикой природы имеют меньшую степень “дикости”, но это не значит, что по этой причине их можно уничтожать.

Второе направление критики исходит от сторонников этического обращения с животными. Они ставят права индивидуальных животных выше права видов, экосистем, дикой природы в целом. Так, например, они выступают против отлова одичавших домашних свиней в гавайских лесах (вида, чуждого данной экосистеме), где эти пришлые животные уничтожают дикую природу Гавай.

В данном случае аргументация сторонников дикой природы может базироваться на идее, что любая система всегда имеет большую ценность, чем отдельная часть. Дикая природа Гавай является системой (пусть даже подпорченной человеком), а разбежавшиеся из загонов домашние свиньи не только ее частью, а вообще посторонним элементом, и значит, не могут цениться выше экосистемы Гавай.

Третье направление критики исходит от социальных экологов. Они заявляют, что небольшие туземные народы, живущие в Африке, Америке или Сибири, и сделавшие дикую природу своим домом, являются ее наилучшими хозяевами. Поэтому как таковой дикой природы не существует. На самом деле это не так. Природа эволюционировала по своим законам миллионы лет. Изменения же, произведенные в ней туземцами, необыкновенно малы, несущественны, и как считают специалисты, около 1 процента. Туземный человек влиял на дикую природу как существо биологическое, нежели социальное. По силе своего воздействия, к примеру, на сибирские леса племена манси ни как не сравнятся с современной цивилизацией. Поэтому территории, где обитали или еще обитают племена, ведущие в основном охотничье-собираТЕЛЬНЫЙ образ жизни, могут считаться участками дикой природы.

К вышеизложенным направлениям критики можно добавить следующие, о которых не упомянул Мишель Суль. Это миф о ноосфере, наиболее популярный в бывшем СССР и странах СНГ. Его основоположники Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский верили, что человеческий разум, превращаясь в планетарную геологическую силу, приведет

к упорядоченной природной и социальной действительности, создаст новую сферу — сферу разума. Другими словами, из биосферы, благодаря человеку, возникнет ноосфера. Я не буду подвергать критике учение о ноосфере (это замечательно сделал современный российский философ В.А. Кутырев в своей книге “Естественное и искусственное: борьба миров”), замечу только, что научно управляемая дикая природа также невозможна, как дикая жизнь в зоопарке. Учение о ноосфере не только глубоко утопично, оно анти-экологично, так как не предполагает существования независимой, отличной от человека дикой природы, и ее диких, неуправляемых процессов. Человеческий разум и “дикость” природы — понятия несовместимые.

Дикая природа — это то, что развивается самостоятельно и не нуждается в “ноосферной” подсказке со стороны. Мы не должны “возделывать” дикие земли, а обязаны давать дикой природе идти своим путем.

К пятому направлению критики можно отнести некоторые заявления, что мол заповедание дикой природы предполагает “замораживание” предыдущего состояния, поддержание его таким, когда “белый человек” появился на сцене.

Такая интерпретация идеала дикой природы является идиотической. Ни один эколог не интерпретирует дикую природу в статическом, девственном, застывшем состоянии. Дикая природа — это земля с собственной волей и заповедая ее, мы позволяем ей развиваться самостоятельно.

К шестому направлению можно отнести поборников той или иной религиозной конфессии, стоящей на антропоцентрической позиции, например, православия. Они выступают против обожествления дикой природы, и ссылаясь на Библию, призывают человека управлять дикой природой, стать ее царем.

Однако все мы видим, что результаты такого “царствования” — плачевны.

К седьмому направлению можно отнести точку зрения, что идея дикой природы увековечивает в конечном счете деструктивное отделение людей от природы. С этим также нельзя согласиться. Если несколько процентов территории Земли будет предоставлено дикой природе — что в этом “деструктивного”? Да, человеку туда вход воспрещен, но это вынужденная мера, и как показывает практика, иначе дикую природу не сохранить. Ибо все природное, к чему прикасается человек, теряет свое совершенство.

Восьмым является миф, что якобы идея дикой природы поработает аборигенные народы.

На самом деле, как показывает исторический опыт, столкновение не с природой, а с современной цивилизацией поработает, а то и губит аборигенные народы.

В-девятых, некоторые подвергают сомнению, является ли дикая природа чем-то реальным или просто творение человеческого ума.

В начале данного эссе я уже ответил на этот вопрос. Действительно, абсолютно дикой природы скорей всего на Земле уже нигде не найти. Абсолютно дикая природа — творение человеческого ума. Но относительно дикая природа существует реально.

В той или иной степени, все эти направления критики используются, чтобы оправдать человеческую гегемонию, экспансионизм и превращение последних участков дикой природы в городской или сельский ландшафт для нужд человека.

Дикая природа как Совершенно Иное

Концепцию “Совершенно Иного” ввел в философский обиход в своей классической работе “Идея святого”, опубликованной в 1917 г., известный немецкий историк Отто Рудольф. В 1980-х годах американские экофилософы придали этому термину экологическую окраску, обозначив им сущность дикой природы.

По Отто Рудольфу “чувство “Совершенно Иного” держится или случайно возникает благодаря предметам, которые из-за естественной таинственности странно воздействуют и поражают людей”. У нас нет ничего, с чем “Совершенно Иное” можно сравнить. Можно было бы возразить, что “Совершенно Иное” является пока просто для нас непонятным. Но тогда, как только еще не понятное, но понимаемое, оно называлось бы “проблематичным”. В нашем же случае таинственный предмет неощутимый и непонятный не только потому, что мы осознаем его в каких-то определенных пределах, но и потому, что мы здесь наталкиваемся на нечто “Совершенно Иное”, которое из-за необычного вида и своей необычной сущности несоизмеримо с нашим существом, из-за чего мы в оцепенении отшатываем-

ся. “Совершенно Иное” недоступно пониманию и непостижимо. Оно кажется безрассудным и идет вопреки здравому смыслу. Это больше чем парадокс.

Это “Совершенно Иное” не принадлежит сфере нашей действительности, а какой-то абсолютно другой, которая в то же время и возбуждает бурный интерес в душе. По мнению Отто Рудольфа, “Совершенно Иное” — не только непостижимая, недоступная нашему пониманию категория, но и приводящее в замешательство, ослепляющее, тревожащее, противопоставляющее само себя в противоположности и противоречии.

Дикая природа — это Совершенно Иное, отличное от человека. Это — лучшая часть Земли, ибо она свободна от человека и его “произведений”. В ней скрыт не только хаос, но порядок и совершенство. Помимо физического порядка в дикой природе имеется и порядок моральный. Красота дикой природы говорит о ее моральном содержании, недаром для Джона Мюира красота дикой природы и ее моральность являлись одним и тем же.

Как полагает американский географ и философ Линда Грэбер, — “области дикой природы — это земные версии порядка и совершенства”. Генри Торо утверждал, что дикая природа — это не что иное, как цивилизация, но другая, чем наша.

Свободная природа — это то место, где мы осознаем наше начало и нашу принадлежность, где мы учимся понимать, уважать, любить и помнить. Здесь время смешивается с вечностью.

Дикая природа обладает созидательной дикостью снаружи, в отличии от дикости внутри, которую имеет человек, обреченный на саморазрушительное поведение.

Дикую природу как Совершенно Иное можно символически представить в виде черного квадрата — известного полотна русского художника — абстракциониста Казимира Малевича, который он определял как первофигуру, знак иного бытия, целиком свободного от цивилизации.

Высшее, что мы можем достигнуть по отношению к Совершенно Иному — это не знание, а сочувствие. Дикая природа как Совершенно Иное загадочна и непознаваема. Американский экофилософ Холмс Ролстон III сказал об этом: “— Дикая природа — это странное место, где наши условные ценности идут в разрез с действительностью. Здесь мы познаем, насколько относительно и субъективны основные

правила нашей цивилизации. Дикой природе неизвестна моя шкала культурных норм. В дикой природе нет времени дня: здесь нет 10 часов пополудни, нет вторника или июля. Здесь нет футов, метров, миль, широты, долготы и высоты.

Здесь нет английского и немецкого, литературы или культурных бесед. Здесь нет места словам и числам и даже мы их здесь считаем чем-то лишним. Мы оставляем деньги в машине и погружаемся в совершенно иной мир. Здесь нет произведений искусства, писанных законов или полиции — благодаря всему этому границы, постановления и лесники так дисгармоничны с природой. В дикой природе нет капитализма и социализма, демократии и монархии, науки и религии. Здесь нет честности, справедливости, жалости или долга. Здесь нет человеческих ресурсов, ведь ими никто не интересуется. Мы даже называем дикую природу не иначе, как с отрицательным оттенком, ибо это место, где нас нет.

Итак, что же позитивно ценного здесь? Тут есть свет и тьма, жизнь и смерть. Здесь есть почти бесконечное время и генетический код возрастом в 2 млрд. лет. Здесь есть энергия и эволюция изобретения, плодородие и удаль, адаптация и импровизация, информация и стратегия, соперничество и уступчивость, щегольство и предпочтение. Здесь есть мускулы и жир, нервы и пот, закон и форма, структура и процесс, красота и хитрость, гармония и сублимация, трагедия и слава.

Дикая природа — это отборочная система, издающая свою историю. Это — основа основ, главный двигатель, и мы это можем ощутить, если окажемся с ней лицом к лицу (...).

Здесь порядок пропорционален хаосу, здесь нестабильность управляет стабильностью, тепло чередуется с холодом, здесь есть величие и борьба, и одинокому путешественнику здесь будут открыты ценности, которые культура не сможет дать.

У того, кто идет один навстречу северному ветру, должен быть запас сил. Странно, но даже невзгоды — истощение, холод, слякоть, голод, потерянности — являются интенсивными проявлениями правды. Побывавший здесь в одиночестве знает, что тут сохранены не только куницы и дикие бараны, но и сама сила.

Дикая природа не так уже страшна, несмотря на то, что не прощает ошибок”.

Дикой природой как Совершенно Иным нельзя обладать. Когда мы начинаем обладать, она исчезает.

Совершенно Иное нужно рассматривать как важную, самостоятельную ценность.

Дикая природа как святое пространство

Дикая природа не является вещью, а скорее морально значимым существом. В своем обсуждении диалектики чистого практического разума Кант утверждает, что вера в идею Бога является необходимым условием моральной жизни. Он утверждает, что идея Бога является существенно важной для моральных законов. По аналогии с этим Роджер Пейден предлагает рассматривать дикую природу как трансцендентальную сущность, когда вера в идею дикой природы также становится необходимым условием существования морали. Тогда дикая природа стала бы для людей священным местом, где человеческие существа могли бы выйти за пределы ограничений повседневной жизни и обновляться благодаря контакту с созидательной силой.

Участки дикой природы обладают высшей ценностью, где ввиду мощного подъема творческой теургической энергии свободно совершается акт творения. Именно такие священные территории становятся центром Вселенной, и от их благополучия зависит благополучие самого мира.

По отношению к дикой природе человек ощущает свое полнейшее “ничтожество”, чувствует, что является “не более, чем живым существом, или, если говорить словами Авраама, с которыми он обратился к Господу: “Я прах и пепел”. Именно это “другое, радикально и полностью отличное”, по мнению двух выдающихся исследователей религии — немецкого ученого Рудольфа Отто и румынского Мирчи Элиаде, в основном и вызывает чувство священного.

Таким образом, участки дикой природы, как Совершенно Иное, попадают под категорию священных. Кстати, на этот феномен обратил внимание еще Жан-Жак Руссо, заявив, что “святость лежит в неукрашенной природе”, а также американский путешественник Эствик Эванс, записавший в 1818 г.: “Существует нечто в самом имени дикой природы, которое очаровывает ухо и успокаивает дух человека. В нем содержится религия!”

Вся же остальная территория Земли, измененная человеком (городские и сельские пейзажи) является светской, несвященной, вульгарной.

Нам нельзя касаться священного, запрещается как пространственное, так и временное смешивание этих двух миров. Мы должны научиться рассматривать участки дикой природы как святую землю, охраняемые морально святыми участками дикой природы. В этом и состоит зов дебрей, зов дикой природы — моральный призыв, моральное требование мира свободной природы.

Мне кажется, что интерпретация участков дикой природы как сакральных мест должна найти поддержку у населения. Так, по данным социологических исследований группы московских ученых под руководством Д.Н. Кавтадзе и А.С. Мартынова, проведенных в 1990-х годах в России, 54,6% опрошенных считают, что природа священна сама по себе; 25,9% — природа священна, поскольку создана Богом, 11,1% — природа имеет большое значение, но она не священна. Затруднялось ответить — 8,2% респондентов.

Примерно такие результаты были получены нами в 1999 г. при анкетировании 200 жителей города Киева и Киевской области. С утверждением, что участки дикой природы являются священной территорией согласились 74% опрошенных, 15% были не согласны, 11% затруднились ответить.

Среди десяти предложенных вариантов ответа на вопрос “Почему нужно охранять дикую природу?” ответ “Потому, что она священна” оказался по популярности на втором — третьем месте среди десяти вариантов.

Подобные результаты были получены при анкетировании 200 жителей Львова и Львовской области. Утверждение, что участки дикой природы являются священной территорией поддержали 72%, 14% — возразили, и столько же не имело твердого мнения. Охранять дикую природу потому, что она священна считает необходимым 13% опрошенных, и среди десятка предложенных вариантов он занял четвертое место.

Присутствие Бога является важнейшей характеристикой дикой природы. Это священное величественное является делом Бога, которое выходит за пределы истории и остается нетронутым и неизменным стрелой времени.

Дика природа — это метафора беспредельной божественной возможности, находящейся за пределами человеческого сознания. Это часть веры.

Американский экофилософ Джей Хансворд писал, что так как индоевропейские народы приписывали дикой природе самоценность, “то они выделили большие пространства или полосы земли под священные рощи или святилища дикой природы.

Дикая природа, рассматриваемая таким образом, показывает, что земля обладает божественным предназначением, что дикость связана с творением, и что дикая природа дает абсолютное признание внутренней ценности. Этот религиозный контекст в большой степени рассмотрели ученые, убежденные, что культуры за пределами древней Греции и Рима и основного направления западной цивилизации были настолько обеднены и заняты дикарской борьбой с той же дикой природой за выживание, что они не могли развить значительных культурных отношений и идей”.

Культ дикой природы

— Сколько дикой природы нам нужно для вдохновения?
— А сколько нам нужно симфоний Моцарта?

Дикая природа считается в США одним из центральных символов американской национальности. Марк Сагофф, американский философ и юрист писал о праве своих сограждан на сохранение дикой природы как части их истории и культуры: “Это право наших граждан на их историю, на знаки и символы их культуры делает сохранение дикой природы на столько же важной для американской нации, как и сохранение таких институтов как суд присяжных и народное образование. Убери дикую природу и ты лишишься возможности быть американцем”.

По его мнению “сохранение дикой природы является обязательным и для нашей культурной традиции, для наших национальных ценностей, для нашей истории, и, следовательно, для нас самих”.

Другой американец, писатель Уоллес Стегнер, добавил: “Мы безусловно лишимся многого как нация, если дадим умереть дикой природе”.

Американцы поступают мудро, в целях природоохраны обращаясь к различным культурным и духовным ценностям, ибо только наука или экономика не в состоянии защитить дикую природу. Они призывают не только ценить или любить дикую природу, но и уважать, гордиться, почитать ее, даже благоговеть перед ней, испытывая почтительное изумление и страх, смешанный с почитанием.

Как не согласиться с Холмсом Ролстоном III, предложившим принять “Декларацию свободы для сохранившейся дикой природы” (что-то наподобие воззвания об освобождении черных рабов, подписанное президентом США А. Линкольном в 1863 г.). Это должен быть призыв к людям уважать дикую жизнь и дикую природу.

Дикая природа навевает момент правды. Она — постоянная и реальная часть мира, человеческие же структуры, — вроде городов, — искусственные и проходящие.

Дикость и дикая природа

Дикость — одна из главных ценностей дикой природы. Холмс Ролстон III пишет: — “Нам нравится природное смешение последовательности и свободы; где слово “дикий” созвучно слову “свободный”, где свободной может быть дикая река или ястреб в небе. Своим величием, непокорностью и загадочностью, само слово “дикий” является одним из наших важнейших слов, определяющих ценность. Попросту говоря, в диких объектах мы находим смысл (...).

Дикая природа имеет автономию, которой нет в искусстве. И мы должны предоставить ей возможность следовать своим путем, оставив ее в покое. Так же нам следует принимать во внимание ценности, которые не мы создали (...).

Что до меня, то я считаю жизнь морально атрофированной, когда уважение природного и дикого отсутствует. Никто не может считаться человеком с моралью, если не уважает целостность и достоинство того, что мы называем дикой природой (...).

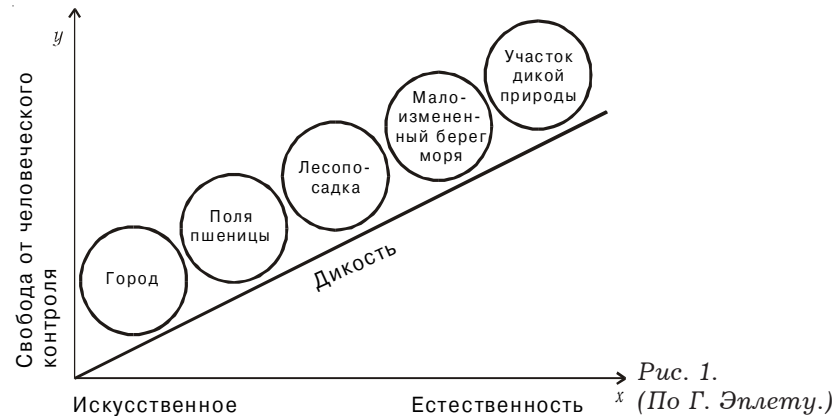
Дикость — это настоящее “Иное”, — считает американский экофилософ Томас Бирч, она является ценностью “Ино-

го”. Ей нельзя приписывать экономическую ценность, поскольку она порождает много того, что бесполезно, что не может быть использовано. По мнению Бирча “Поддерживание состояния “Иного” требует сохранения радикальной открытости, или поддержания того вида безоговорочной свободы, которая позволяет проявляться полной спонтанности и продолжающегося участия в создании нового (...). Насколько следует дать волю лесному пожару или эволюции насекомых? Мы не можем этого знать. Дикость логически не поддается систематизации. Не может существовать естественных законов дикости”.

Дикость — это свойство, способность свободной природы оставаться в диком состоянии. Оно нецивилизованное и неконтролируемое качество. “Дикое — это самое жизненное”, — сказал Г. Торо. Дикая природа — это место. Дикость — это качество.

Дикость не ограничена и не ограничивает, так же как тишина не определяет и неопределена. Она похожа на легкий туман, который тянется по земле. Дикость — это то, что приходит и уходит. Дикий олень, выделяющийся на фоне деревьев, исчезает так же внезапно, как и показался, и невозможно определить, ушел ли он в лес, или его приняло окружение. Как только отмечают границу дикого, оно уходит.

Сущность дикости — перемена. “Дикость не имеет слов ... Ее ненаписанные страницы простираются во всех направлениях”, — сказал поэт Томас Транстремер. Как только мы позовем дикость, она исчезнет. Она исчезнет в кустах,

ее унесет ветер. Иногда навсегда. Быть диким — значит появиться и исчезнуть.

Очень хорошо, что в дикой природе существуют такие неуправляемые и дикие явления как землетрясения, вулканы, ураганы, половодья и лесные пожары. Эволюция — тоже есть дикость сама по себе.

Американский экофилософ Эдвард Грамбайн полагает, что термин “дикая природа” (англ. “wilderness”) отличается от термина “дикость” (англ. “wildness”). Он пишет, что “дикость ... как “процесс и сущность природы” является источником ресурсов и самого человеческого существования. Она является производящей структурой, каркасом, внутри которого все существа населяют Землю. Дикость с трудом поддается определению. Хотя она пронизывает саму жизнь, легче указать на ее присутствие, чем определенно “показать на нее пальцем”.

В то время как дикая природа в западной культуре чаще всего является каким-либо местом, дикость подразумевает силу или “правилами игры”, стоящими за горизонтом, “всем управляющей реальностью, которая находится выше всех наших планов и созданий”.

Процесс эволюции является диким. Эта дикость отвергает возможность триумфа над природой со стороны механического мировоззрения промышленной цивилизации. Даже ядерная зима... все же едва ли сможет полностью уничтожить регенеративную силу дикости (...).

Дикая природа и дикость пересекаются там, где река, гора, медведь или цветок бросают в нас искру осознания и озаренности, которое помогает разбить стену между людьми и природой ...”

Дикость не просто является спасением мира, она представляет собой сам мир.

Экофилософ Джей Хансфорд писал: “Дикая природа (англ. “wilderness”) буквально означает метафизическую “волю земли” (англ. “wild of the land”) в первобытной индоевропейской мысли. Можно полагать, что представление о том, что существует “воля земли” означает, что дикая природа является своенравной и неконтролируемой. Конечно, термин “дикая природа” передает идею чего-то неуправляемого, подлинным значением “воли земли” являются внутренний волевой акт и ценность, свободные от человеческого инструментализма и контроля. “Воля земли” препишет дикой природе самоценность”.

Конечно, дикость таит в себе опасность для человека, риск. Но уничтожьте риск, и вы погубите дикость. Мы должны научиться ценить и уважать свободную природу не только за ее нравственность, красоту и интеллектуальное разнообразие, но и за ее дикость, вызов и противодействие. За что-то великолепное, что мы не создали, и что мы не понимаем.

Однако уважение к дикой природе отличается от любви к дикой природе. Поскольку хорошие действия по отношению к ней являются этически обязательными вне зависимости от наших чувств к свободной природе.

Если что-нибудь дикое исчезнет из природы, мир тем самым уменьшится.

Как полагает американский эколог и экофилософ Грегори Эплет, дикость является функцией как свободы, так и естественности и поэтому изменяется при увеличении или снижении свободы и естественности. Где свобода и естественность выражены самыми высокими показателями, находится область дикой природы (рис. 1).

Дикая природа и заповедное дело

Само право дикой природы на существование уже достаточное обоснование для заповедания. Пусть создаются особые заповедные объекты, где внутренняя ценность дикой природы считается основной. Там должно быть запрещено любое, пусть даже косвенное использование природы: и экотуризм, и наука, и экопросвещение, и даже охрана. В радиусе не меньше 100 километров должны быть закрыты все загрязняющие производства.

В этом плане мне симпатично мнение американского философа Джела Тернера: "Почему бы не выделять обширные области дикой природы, где мы ограничиваем все формы человеческого вмешательства: никаких природоохранных стратегий, никакой спроектированной области дикой природы, никаких дорог, никаких троп, никакого спутникового наблюдения, никаких полетов на вертолетах, никаких новейших радиопередатчиков, никаких измерительных приборов, никаких фотографий, данных глобальной системы навигации, никаких баз данных, наполненных сведениями о местоположении каждой грани вершины горы, никаких путеводителей, никаких топографических карт. Пусть любая среда обитания,

которую мы можем сохранить, как можно больше вернется к своему собственному порядку. Пусть область дикой природы снова станет белым пятном на наших картах." Я с ним согласен. На этих территориях не нужно никакого хозяйственного, культурного, научного освоения.

В заповедниках же должны осуществляться следующие основные этические принципы заповедного дела:

1. Принцип приоритета внутренней ценности дикой природы.

Все инструментальные ценности дикой природы — хозяйственная, научная, эстетическая, религиозная и др. — вторичны. Дикая природа заповедников ценится прежде всего как цель сама по себе, а не как средство для достижения целей человека.

2. Принцип стремления к абсолютной заповедности.

Любой заповедник должен стремиться к абсолютной заповедности, как наиболее свободному и полноценному существованию дикой природы в современном мире.

3. Принцип благоговения перед жизнью.

Любая жизнь на территории заповедника находится под охраной. Добывания видов флоры и фауны, в любых целях, в том числе и научных, строго запрещается.

4. Принцип увеличения добра ничего не получая взамен.

Сохранение дикой природы путем заповедания есть увеличение добра в мире. Любое вторжение в заповедник есть зло. Все решения, касающиеся заповедника, должны оцениваться с точки зрения "правильно—неправильно", а не "выгодно—невыгодно".

5. Принцип свободы.

Дикой природе в заповедниках должно быть позволено все. В заповедниках все, кроме человека, имеет право на свободную жизнь и саморазвитие.

6. Принцип восстановления справедливости

После нанесения вреда дикой природе в заповеднике необходимо восстановить равновесие справедливости человека с природой. Например, увеличить территорию заповедника.

7. Принцип священности заповедной территории.

Участки дикой природы, охраняемые в заповедниках, являются священным пространством. Принцип священности заповедной территории требует торжественного почитания заповедника как храма. Использование дикой природы заповедника как ресурса является формой греха.

8. Принцип приоритета моральности в заповедном деле. Заповедное дело, в первую очередь, морально, а уже потом рационально.

Что же касается незаповеданных участков дикой природы, то доступ туда должен быть законодательно ограничен.

Ибо ценность свободной природы во многом состоит именно в том, что природу посещает мало народа. Дороги оскверняют ее, а толпы уничтожают.

В этом плане интересен опыт США, где в 1964 г. был принят по настоящему революционный “Закон о дикой природе”. Он качественно усилил защиту свободной природы. Была создана национальная система участков дикой природы, отводимых навечно как ценные экологические территории, используемые только для ограниченного примитивного туризма.

Следует подчеркнуть, что в 1992 г. Международный союз охраны природы принял новую категорию охраняемых территорий МСОП, куда в качестве особой категории “1b” введена сравнительная новая форма охраняемой природной территории (практикуемая в ряде стран и, в частности, в США) — “территория дикой природы” (Wilderness Area). Согласно определению — это “обширный по площади участок суши (включая акватории) с дикой или минимально измененной природой, не имеющий постоянного населения, сильно удаленный от основных зон урбанизации и освоения, сохраняемый в целях поддержания на неограниченно длительное время базовых параметров биосферы, хода естественных природных процессов и ненарушенных (натуральных) экосистем; используется для проведения научных исследований, экомониторинга, жестко лимитируемой и преимущественно безмоторной рекреации; в строго ограниченных — экологически обоснованных — масштабах допускается использование ресурсов местным (аборигенным) населением.

Главный критерий подбора таких участков — наличие дикой природы. Внутри них не должно быть проезжих дорог с твердым покрытием, сами территории — удалены от “вида и шума человеческих поселений”. Такие участки дикой природы могут быть обозначены как среди уже существующих заповедных объектов — национальных парков, резерватов, так и вне их, например, в государственных лесах.

К 1996 г. в США под систему участков дикой природы отведено около 40 млн. гектаров. На них полностью прекращена хозяйственная деятельность, гидростроительство, выпас скота, охота. Опрос, проведенный в США в 1998 г. показал, что две трети избирателей поддерживают охрану участков дикой природы. На 1998 г. в США под защиту дикой природы выделено 104 млн. акров земли.

Подобный подход позволяет довольно быстро и в масштабах всей страны взять под учет и охрану государства практически все имеющиеся еще не заповеданные территории ненарушенной человеком природы.

Все то, что на сегодня сохранилось от дикой природы, и это не более 10 процентов территории планеты, должно оставаться неприкосновенным и войти в вечность, К сожалению, пока эти последние 10 процентов защищаются не сколько согласием, восхищением или сознательностью человека, а географической случайностью недоступности.

Сохранению оставшихся уголков дикой природы будет способствовать контроль над численностью человеческого населения Земли, а также поощрение частников сохранять на своих землях участки дикой природы. Так, еще Джон Рескин предлагал выдавал землевладельцам премии за содержание земли в “состоянии природного изящества”.

Повышение значимости нематериальных и внутренней ценностей важно в заповедном деле прежде всего потому, что когда их присутствие на охраняемых территориях будет признаваться не только специалистами-естественниками, но и другими социальными группами, это увеличит шансы сохранения дикой природы. С другой стороны, мировой опыт сохранения ненарушенных природных территорий на основе прагматических подходов давно показывает свою недостаточность и неэффективность.

Заповедное дело нуждается в особой этике дикой природы. Этике, которая научит человека отказываться от навязывания своей воли заповедной природе, заставит благоговеть перед ней и ощущать как священное пространство. Этике, которая потребует уважения автономии дикой природы и способности диких видов самим определять ход их собственных жизней.

Как справедливо отмечает работник Башкирского заповедника А.М. Волков, “... заповедное дело в целом является деятельностью, обладающей объективно высокими моральными стандартами. Цели и мотивы заповедания — не

только прагматические, но и духовные, этические и эстетические. И заповедное дело должно последовательно и системно строиться так, чтобы вся деятельность заповедной системы ... не противоречила тем духовным ценностям, ради сохранения которых она создавалась”.

Автор предлагает в закон об особо охраняемых природных территориях ввести новую категорию “ООПТ особого духовного значения”. “Логика отнесения конкретной ООПТ к территориям особого духовного значения может быть такой: если в обществе обнаруживается сравнительно большая общественная группа, воспринимающая данную территорию как источник духовных ценностей, то это — достаточное основание для отнесения подобной территории к ООПТ особого духовного значения. Следует заметить, что это, скорее, дополнительный статус, который может присваиваться другим ООПТ, а не особый вид заповедного объекта” — полагает А.М. Волков.

Автор поддерживает предложение профессора А.А. Никольского о прекращении жестоких методов исследований на ООПТ (или по крайней мере на территориях особого духовного значения).

Неизбежную гибель животных в результате деятельности человека (на дорогах, тропах, электролиниях, ЛЭП и т.п.) в заповедниках, заказниках, национальных парках следует минимизировать, изготавливая специальные переходы для животных на дорогах, сетки на лампах и т.п. Необходимо потрудиться над разработкой и внедрением таких методов учета и инвентаризации, которые исключили бы уничтожение на ООПТ животных и растений.

В частности, по мнению А.М. Волкова, следует пересмотреть отношение к сбору и уничтожению растений на территориях ООПТ при гербаризациях, укосах, спиливании модельных деревьев и т.п. Растения — тоже живые существа и имеют такое же право на жизнь, как животные и люди. И именно на ООПТ должна выполняться эта высокая этическая норма”, — справедливо подытоживает А.М. Волков.

В фантастическом романе американского писателя Клиффорда Саймака “Заповедник гоблинов” рассказывается, что на Земле будущего рядом с человеческой цивилизацией существовал заповедник для странного существа — гоблинов. Они были совершенно бесполезными для людей, однако являлись ценностью сами по себе, и поэтому охранялись в заповеднике.

...А почему, собственно говоря, благородная идея “заповедников для гоблинов” должна быть фантастикой?

Дикая природа и биоразнообразии

Сохранение дикой природы важнее охраны биоразнообразия. Это можно объяснить тем, что уничтожение дикой природы происходит гораздо быстрее.

Когда биоразнообразие становится благом само по себе, сохранение видов может отделиться от защиты дикой природы. Так, представители американской промышленности и лесной службы предложили меры по охране редкого вида — пятнистой совы, в то же время продолжая рубить древние леса, где она обитает. Эти меры предполагали обеспечение пищи и убежищ для сов, перемещение их в другие места (зоопарки и т.д.) с генетическими целями. Однако люди должны научиться любить и уважать сов именно в древних лесах.

Случается так, что в сельскохозяйственных районах может обитать гораздо больше видов (например, птиц), чем в соседних участках дикой природы. Но в дикой природе мы ценим прежде всего “дикие” взаимоотношения, самовосстанавливающиеся экологические процессы, которые не существуют в окультуренной природе. Без поддержки человека сельскохозяйственные участки разрушаются и обитающие там птицы улетят или погибнут. Поэтому виды флоры и фауны могут быть надежно защищены только в дикой природе.

Однако, в отличие от биоразнообразия, которое уже стало заботой биологов, дикая природа находится пока в основном во внимании поэтов и мистиков.

Воссоздание дикой природы

Если сохранение дикой природы признается как благо, то одичание окультуренной природы также есть доброе дело. Конечно, природа дичающая еще не может по красоте и силе нравственного притяжения сравняться с природой дикой. Но она уже близка к этому. Однако здесь есть несколько “но”.

Человеческие технологии в ближайшем будущем позволят создавать практически неотличимые от подлинника копии “дикой природы”. Так, древний лес может быть заме-

нен пластиковыми деревьями или искусственно насаженными. Однако, несмотря на внешнюю схожесть и, возможно, идентичный состав видов, такие копии все же останутся подделками, и никогда не смогут сравняться в ценности с настоящими участками дикой природы.

Во-первых, происхождение дикой природы является само по себе важным как неотъемлемая часть процесса оценки. Во-вторых, у подделанной “дикой природы” нет той истории, что у оригинала. Искусственные посадки в поле ковыля никогда не вернут из небытия дикую ковыльную степь, помнящую скифов и печенегов.

Ценность участка свободной природы заключается в его естественности, подлинности, также, как подлинная картина мастера отличается от подделки. Подлинность означает отсутствие фальши в объекте. В подлинности проявляются результаты длительного естественного развития.

Пойдя же по пути искусственного создания участков “дикой природы”, мы тем самым ставим под угрозу уничтожения все оставшиеся по настоящему уголки дикой природы. Так как даем нашим оппонентам-хозяйственникам мощный аргумент: если дикую природу можно быстро воссоздать искусственным путем, то зачем вообще ее защищать?

Другое дело — естественное, длительное во времени и без участия человека одичание участков окультуренной природы. Человек только должен убрать там дороги и позволить природе “дичать” самой. Думается, что это направление природоохраны будет особенно перспективным в странах Западной Европе, где практически не осталось участков дикой природы.

Цена дикой природы

Часто приходится встречаться с предложением некоторых природоохранников и экономистов подсчитать экономическую стоимость заповедника, заказника, иного участка дикой природы. Предпринимаются попытки измерения стоимости рекреационной, эстетической, интеллектуальной и духовной “полезности” дикой природы, не говоря уже о ее утилитарно-хозяйственной ценности. Экономисты пытаются в денежном выражении выразить “стоимость существования” дикой природы, и

даже “стоимость наследия” дикой природы, то-есть подсчитать сумму, которую согласны заплатить люди, чтобы обеспечить возможность будущим поколениям любоваться дикой природой. Однако все эти попытки утопичны и объясняются незрелостью нашего морального осмысления дикой природы.

Экономическая направленность сознания приносит большой ущерб в этическом плане, вульгаризирует идеальные, неэкономические ценности дикой природы. Еще Олдо Леопольд ставил под сомнение экономический метод оценки дикой природы. Как, например, быть с видами, рыночная стоимость которых ничтожно мала? С другой стороны, существуют случаи, когда продажа за деньги вообще не возможна: большинство из нас отказалось бы продать своих близких за любую цену.

Дикая природа — не рассадник дичи для охотников и не лаборатория для ученых. Ценности восприятия дикой природы лежат в ее нетрадиционности, поэтому ее “цена” не может быть определена банальным значением рыночной полезности. Как писал Ибн Сина: “Мирские блага могут повредить более возвышенному благу”. Распространение рыночных ценностей на все среды природоохраны представляют огромную угрозу. Еще Ницше писал: “Где начинается базар, начинается и шум великих комедиантов, и жужжание ядовитых мух”. Рынок вообще малосимпатичная вещь, когда он выходит из определенных границ. Необходимо открыто признать ограниченность экономической оценки дикой природы.

Экофилософы различают два основных вида ценностей дикой природы. Инструментальные (утилитарные) и внутренние (присущие). Инструментальная ценность — это ценность, которой природа обладает как средство достижения целей человека. Внутренняя ценность — это ценность, которой обладает природа как самоцель, ради себя самой. Общая ценность дикой природы не может измеряться пользой.

Инструментальные ценности могут быть разделены на три базовые категории: вещи — услуги — информация. Инструментальные являются ценности дикой природы — эстетическая, религиозная, научная, хозяйственная, рекреационная, духовная, культурная, образовательная, этическая и др. В той или иной степени экономисты могут попытаться подсчитать рыночную стоимость некоторых из них.

Однако все их попытки окажутся тщетными при оценке другого вида ценностей — ценности внутренней. Эта ценность не имеет цены — она имеет достоинство.

Как полагает американский экофилософ Бэрд Кэлликот, один из главных мотивов для утверждения того, что дикая природа имеет внутреннюю ценность состоит в том, чтобы исключить ее из экономической оценки и таким образом вывести за пределы капризов рынка.

Так, люди попытались убрать с рынка человеческое существо, поставив вне закона рабовладение, попытались убрать секс с рынка, запретив проституцию.

Почему бы не убрать с рынка внутренне ценную дикую природу, поставив вне закона разрушительные для природы виды человеческой деятельности?

Внутренняя ценность дикой природы

Нечто обладает внутренней (абсолютной, подлинной, врожденной, присущей) ценностью, если оно существует само по себе, независимо от пользы для других, как цель сама по себе, и является основанием определенных законов. Внутренняя ценность независима от оценки оценивающего. Эта ценность — широко разделяемое интуитивное представление.

Впервые о внутренней ценности заговорил еще в 1785 г. И. Кант в своих “Основах метафизики нравственности”. Однако он стоял на позициях мягкого антропоцентризма, и поэтому считал, что внутренней ценностью обладает только человек, человечество и все разумные существа.

Экофилософы 20 века расширили этику И. Канта, полагая, что внутренней ценностью обладает каждое животное, растение, вид, экосистема, ландшафт, участок дикой природы, и даже отдельные его неживые элементы — река, скалы, облака.

Перефразируя И. Канта, можно сказать, что дикая природа существует как цель сама по себе, а не только как средство достижения целей человеком, и во всех своих поступках, направленных на нее, человек должен всегда рассматривать дикую природу как цель.

Можно предположить, что цель существ, видов и экосистем, имеющих внутреннюю ценность, заключается в сох-

рании жизни, в продлении существования, или в их собственном счастье.

Хозяйственные ценности дикой природы имеют цену рынка, духовные ценности — определяемую аффектом цену, и только внутренняя ценность не имеет цены, а обладает достоинством, что выше всякой цены.

Внутренняя ценность одуванчика, белки, целинной степи, древнего леса абсолютная, безусловная, несравнимая ценность, оценивание которой происходит не в долларах, а в уважении.

Внутренняя ценность тесно связана со свободой выбора (внутренней волей) дикой природы и имеет свой внутренний закон.

Наличие только одной внутренней ценности уже достаточное основание для охраны дикой природы.

Внутренняя ценность дикой природы также связана с моральными (природными, врожденными) правами — правом на жизнь (существование), свободу, здоровье, стремление к счастью. Ими природа обладает с момента возникновения.

Идея дикой природы в культурных традициях России

Американский филолог Рейчел Мэй, исследовав русскую литературу 19 — начала 20 веков, пришла к выводу, что русских писателей не интересовала дикая природа. Мол они уделяли внимание лишь окультуренной природе. Отсюда, по мнению исследователя, отсутствие в России и сопредельных славянских странах (Украине, Белоруссии) культурной традиции культа дикой природы.

Действительно, идея дикой природы пока не овладела даже умами элиты природоохранников этих стран. Что в большей степени объясняется политическими причинами.

Что же касается русских писателей прошлого, как и русских пионеров охраны природы, то они восхищались дикой природой и активно призывали к ее защите. Просто Рейчел Мэй недостаточно исследовала этот вопрос.

Писатели России, в особенности ее поэты золотого и серебряного века, прославляли дикую природу и шесть ее главных качеств: божественность, дикость, свободу, нравственность, загадочность и красоту.

Среди них одна из главных, конечно, божественность.

В своей оде “Вечерние размышления о Божием Величестве при случае великого северного сияния” Михаил Ломоносов писал:

Лицо Твое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна...

Ощущал священность дикой природы и Сергей Есенин. По мнению литературоведа В. Харчевникова, поэт “слушает “проповеди” воробьев и глухарей, причащается чистой водой родника, который излагает поэту-пилигриму сказы и “были родины”.

Но никто из русских поэтов так тонко не ощущал божественность дикой природы как Михаил Лермонтов. У него чувство свободной природы соединялось с религиозным элементом, с идеей бесконечного, что придает его творчеству особую окраску и делает понятным, почему он искал в дикой природе не столько прекрасного, сколько высокого. У Лермонтова природа всегда свободна, безлюдна и стоит “по ту сторону добра и зла”.

Она вызывает в душе поэта чувство бесконечного, светлый религиозный порыв, живое ощущение присутствия Божества в видимом мире, что он передает своим читателям.

Кому не известны эти бессмертные лермонтовские строчки?

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Или другие, сказанные в “Демоне”:

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь Божий мир...

Ощущение священного в природе явно чувствуется в стихотворении Александра Пушкина “Монастырь на Казбеке”:

Высоко над семью гор
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами,

Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной тишине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

По мнению многих поэтов божественность дикой природы тесно связана с ее красотой. Иван Козлов писал:

Природа мать! Как ты прекрасна!
О, как всегда, везде, во всем
Мила, прелестна иль ужасна
Ты явно дышишь Божеством.

Ему вторил Иван Никитин:

Кротко звезд золотое сиянье;
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

Одно из самых проникновенных стихотворений оставил поэт-деревенщик, друг Есенина и Клюева Павел Орешин.

Целуйте цвет земли, как крест в зажженном храме,
Молитесь на леса с заливами озер.
И помните, молясь, — Христос следит за вами
С косматых облаков, с высоких Синих гор.

Игорь Северянин, волею судьбы после революции оказавшийся за пределами родины, с особо щемлящим чувством вспоминал священность дикой природы России:

В природе жить — быть вечно в Божестве
Не с Божеством, не у него, а в Боге.
Во всем своем вмещающая существе
Природу — ей причастен ты в итоге.

Внесли лепту в воспевание божественности в природе и русские писатели. Среди них особенно выделялся Н.М. Карамзин. Однако, в отличие от многих поэтов, он связывает священность природы больше с ее дикостью, чем с красотой.

— “Нет, нет! Я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею, пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличивает дух мой,” — сказал он в рассказе “Деревня”.

В 1789 г., посещая дикие Швейцарские Альпы и любясь знаменитыми рейнскими водопадами Штауббах, Триммербах и Рейхенбах, с Карамзиным произошел удивительный случай. Он вдруг так близко почувствовал присутствие божества, что почти ослеп, встал на колени и принялся молиться. Позже он описывал случившееся: “Тщетно воображение мое ищет сравнения, подобия, образа!.. Рейн и Рейхенбах, великолепные явления, величественные чудеса природы! В молчании удивляться будет вам всякой, имеющий чувство; но кто может изобразить вас кистью или словами? — Я почти совсем лишился чувств, будучи оглушен гремящим громом падения и упал на землю”.

Дикая природа загадочна. Загадочность может вызывать страх, любовь, интерес, благоговение.

Дмитрий Веневитинов писал:

Нет! Это труд несовершенный!
Природы книга не для нас:
Ее листы необозримы
И мелок шрифт для наших глаз...

“Природа — сфинкс,” — заметил Федор Тютчев.

С ним согласен Владимир Соловьев:

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней
Чего твой дух не угадает.

Евгений Баратынский также полагал, что в отношениях с природой человек должен больше опираться на свои чувства:

Но, чувства презрев, он доверил уму:
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

Одно из важнейших качеств дикой природы — буйная дикость.

Как нравились всегда пустыни мне!
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,

Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами ... —

пишет Михаил Лермонтов в одном из своих лучших стихотворений “1831 года, июня 11”. Несомненно, Лермонтов являлся первым и недосягаемым русским поэтом, так талантливо воспевающим дикую природу.

У Пушкина дикая природа Кавказа прославлена в стихотворениях “Кавказ”, “Монастырь на Казбеке”, “Обвал”. Недаром поэт всегда спасался от грязного и грешного человеческого мира в дикой природе, всегда стремился

На берега пустынных волн,
В широкошумные дубравы...

Не мог пройти мимо дикости природы и такой ее почитатель как С.Т. Аксаков. В “Семейной хронике” он восклицал: “Боже мой, как я думаю, была хороша тогда эта дикая, девственная, роскошная природа!.. Нет, ты уже не та теперь, не та, какую даже и я зазнал тебя — свежую, цветущую, неизмятою отовсюду набежавшим разнородным наводнением!”

А как не вспомнить гимн свободным степям, созданный Н.В. Гоголем в “Тарасе Бульбе”? — “Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею (...). Ничего в природе не могло быть лучшего (...). Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..”

Испытывал благие чувства от дикости природы и Константин Батюшков:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге
И есть гармония в сем говоре валов
Дробящихся в пустынном беге.

Касаясь корней идеи дикой природы в России, никак нельзя не упомянуть о таком величайшем русском поэте серебряного века как Николай Гумилев. И если Пушкин и Лермонтов воспели дикую природу Кавказа, художники А.Е. Мартынов и Г.И. Чорос-Чуркин — дикую природу Алтая, то Гумилев — познакомил русского читателя с дикой природой Африки.

На “чернокожем” континенте поэт бывал несколько раз — в 1907, 1908, 1909, 1910, 1913 годах. Свободной при-

роде Африки он посвятил свои записки и великолепные стихи. Особенно ему удавались описания диких животных, от них так и веяло свободой, красотой, силой и буйной дикостью.

Гипопотам с огромным брюхом
Живет в явайских тростниках
Где в каждой яме стонут глухо
Чудовища, как в страшных снах
Свистит боа, скользя над кручей,
Тигр угрожающе рычит,
И буйвол фыркает могучий,
А он пасется или спит.

* * *

... Послушай, далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор.
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.
Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет,
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

* * *

На таинственном озере Чад
Повисают, как змеи, лианы
Разъяренные звери рычат
И блуждают седые туманы.

Дикость не мыслима без свободы. Для Лермонтова “В противоположность укрепленной России, “стране рабов, стране господ”, Кавказ являлся” — писал литературовед В.Ф. Садовник — “по преимуществу страной свободы, “приютом вольности святой”, привлечшим поэтому к себе его внимание и симпатию”.

И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родна с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

“Чувство свободы” в дикой природе благословлял Алексей Константинович Толстой:

Благословляю вас, леса,
долины, нивы, горы, воды!

Благословляю я свободу
И голубые небеса!

О свободе, как важной составляющей дикой природы писал Сергей Аксаков:

Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы...

И Самуил Маршак:

Власть безграничная природы
Нам потому не тяжела,
Что чувство видимой свободы
Она живущему дала.

Очень трудно найти русского поэта золотого или серебряного века, не воспевшего красоту природы, особенно природы дикой, не тронутой руками человека.

Михаил Лермонтов:

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им,
Кто близ небес, тот не сражен земным.

Александр Пушкин:

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусствам и вдохновенья
Безмолвно уповать в восторге умиленья —
Вот счастье! Вот права!..

Игорь Северянин:

Я природой живу и дышу,
Вдохновенно и просто пишу,
Расторяясь душой в простоте,
Я живу на земле в красоте!

Афанасий Фет:

Целый мир от красоты,
От велика и до мала
И напрасно ищешь ты
Отыскать ее начало.

По мнению Василия Жуковского чудесные краски свободной природы порой просто невозможно описать:

Что наш язык пред дивною природой?
С такой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?..

Русские поэты обратили внимание еще на одно важнейшее качество дикой природы — нравственность. Об этом лучше всех сказал Федор Тютчев:

Не то, что мните вы, природа!
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

и Осип Манделштам:

Молчалива так и хороша
Темная звериная душа.

Менее известно стихотворение Дмитрия Мережковского:

Дух Божий веет над землею.
Недвижим пруд, безмолвен лес;
Учись великому покою
У вечеряющих небес
Не надо звуков: тише, тише;
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

“Биокосмист” поэт Александр Святогор утверждал еще в начале 20 века, что “типы зверья выше типов человеческих”. У Велимира Хлебникова природа “дика и страшной прелестью мила”.

Уничтожение дикой природы поэт горькой судьбы Николай Клюев отождествлял со своей гибелью. В 1911 г., в одном из своих писем, он признался в ненависти к промышленной России, которую назвал “Красным рыцарем”, — “... мое бегство от повсюду проникающего Красного света новой звезды на востоке есть бегство вымирающих пород животных в пущи, в пустыни и пещеры гор — все дальше, все вперед, но бежать дальше некуда.

В пуще пыхтит лесопилка, в ущелье поет телеграфная проволока и пугает зеленый глаз семафора. И чтобы не погибнуть, нужно, если не идти навстречу “Красному рыцарю”, то забежать в тыл его, в полосу сравнительного затишья. Я избираю последнее”.

Дикую природу воспевали и русские художники-пейзажисты. Первенство в этом принадлежит А.Е. Мартынову, создавшему в начале 19 века великолепные полотна “Сибирский вид на реке Селенге” и “Байкал”. Его традиции продолжил И.И. Левитан, хотя его полотно “Над вечным покоем” и не было понято современниками.

Но особую роль в создании культа дикой природы России сыграл сибирский художник Г.И. Чорос-Чуркин. Написанные им на рубеже 20 столетия картины “Корона Катунь”, “Кедры на перевале”, “Прибой на Телецком озере”, “Горные вершины” и особенно “Озеро горных духов” могли бы вдохновить особую российскую пейзажную школу, на манер американской школы Скалистых гор или школы реки Гудзон. К сожалению, талантливый художник был репрессирован и расстрелян в 1937 г., а его картины долгое время находились под запретом.

Идея дикой природы, популяризируемая русскими поэтами, писателями и художниками, в начале 20 века была осознана и подхвачена пионерами охраны природы России.

Классик российского заповедного дела профессор Московского университета Григорий Александрович Кожевников в 1908 г. на Всероссийском юбилейном акклиматизационном съезде впервые в России поднял вопрос “о праве первобытной природы на существование”, что само по себе имело огромное значение. В 1913 г. в статье “Монастыри и охрана природы” он писал: “Устройство заповедника вполне согласуется с самой идеей монастыря, для которого общение с нетронутой, первобытной природой дает превосходную почву для созерцания и самоуглубления,” — подчеркнув, духовную, религиозную ценности заповедных объектов.

В другой своей классической работе “Вопрос об охране природы на Естественно-историческом совещании Центрально-Промышленной области,” опубликованной в 1928 г. он развил свою мысль: “Охранять первобытную дикую природу ради нее самой, смотря на прикладные вопросы как на стоящие на втором плане — вот основная идея охраны природы по моему докладу”.

Другой идеолог отечественного заповедного дела — петербургский профессор Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский сказал на Первом Всероссийском съезде любителей мирозведения в 1921 г., что придет день, когда для человека — “...станет священным право на жизнь как всех подобных, так и всего того, чему предуказано жить и цвести на земле наряду с человечеством не стесненным в своем творчестве природой”.

В другой своей классической статье “Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения”, опубликованной в 1919 г., он говорил об этической стороне защиты “очагов свободной природы”, призывал дать “право жить всему живому”.

Таким образом Г.А. Кожевников и А.П. Семенов-Тянь-Шанский предвосхитили А. Швейцера и О. Леопольда во взглядах на охрану дикой природы ради ее самой.

Если пионеров охраны природы волновали в основном научные, эстетические, этические, патриотические, культурные мотивы защиты дикой природы, то активисты Российского общества покровительства животным проповедовали идеи религиозные, стараясь разбудить в людях чувство сострадания и милосердия к живым существам, как созданным Божьим. Председатель Ковенского отдела Общества А.А. Даронов писал в 1898 г., что миссия членов Общества “не легкая, но благородная — быть провозвестниками идеи милости и сострадания к бессловесным тварям Божьим, имеющим, по словам Священного Писания (“блажен иже и скоты милует”) и по высшей справедливости, не только право на безобидное существование, но и достойным внимания и забот человека (...). Причем следует помнить, что не только исчисленные крупные животные, но и самые маленькие живые существа: каждая птичка, каждая букашка озарена способностью радоваться и наслаждаться своим существованием в мире, равно как и ощущать боль, страдания и ужасы смерти”.

К с ожалению, у нас совершенно не известны труды современника Г.А. Кожевникова и А.П. Семенова-Тянь-Шанского — русского философа Петра Демьяновича Успенского. В своей книге “*Tertium organum*”, опубликованной в 1912 г., он заявил, что вся дикая природа — “гора, дерево, рыбка, капля воды, дождь, планета, огонь — каждое в отдельности должно обладать своим сознанием”.

По его мнению и каждое отдельное дерево и лес в целом — живое существо. Как отмечает американский историк природоохраны и философ Родерик Нэш, эта работа оказала большое влияние на отца экологической этики Олдо Леопольда. Идеи П.Д. Успенского натолкнули Леопольда на популярный нынче призыв “думай как гора”.

Идея русского философа о том, что дикая природа — живое существо, разделял и легендарный верхнеуссурийский гольд Дерсу Узала, герой известных книг русского исследователя уссурийской тайги В.К. Арсеньева. В 1902—1907 годах Арсеньев путешествовал по дикой природе Сихотэ-Алиня, а в 1921—1922 годах издал свои ставшие популярными книги “По Уссурийскому краю” и “Дерсу Узала”. Эти работы внесли заметный вклад в развитие культуры дикой природы в России.

В сердца многих читателей запала знаменитая фраза Дерсу Узала: “Наша так думай: эта земля, сопки, лес — все равно люди”.

Анализируя историю развития идеи дикой природы в России, необходимо сказать и об ее языческих корнях. Дело в том, что многие народы России — мордва, эрзя, мари, чуваша, удмурты, народы Урала, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа в той или иной степени исповедывали язычество или буддизм, довольно экологичные религии. Они поклонялись священным рощам, горам, рекам, холмам, озерам, родникам, деревьям, другим объектам дикой природы, не охотились и покровительствовали тотемным и священным животным — орлам, соколам, журавлям, дрофам, аистам, змеям, лягушкам, пчелам и др.

Даже у православных русских, проживавших на Русском Севере, еще в начале 20 века имелись свои священные рощи, родники и деревья.

Этнограф Г.Н. Потанин писал с священных природных объектах, что верующие видят “в урочище цельное и неразделимое тело; горы, скалы, воды, лес, степь этого урочища — как будто его неотделимые члены. Такое урочище живет самостоятельной жизнью: у него есть душа”.

Благоговейное отношение к священным объектам дикой природы до сих пор живет в менталитете многих народов России.

Недаром только в одной Нижегородской области на 1 января 1997 г. заповедано около 60 действующих священных марийских рощ и деревьев. Несомненно, языческое вли-

яние нерусских народов России на создание культа дикой природы огромно.

Свою лепту в почитание дикой природы внесли и русские монахи-пустынники, уходившие в “пустыню”.

В отличие от византийского христианства, как считает В. Байдин, участки дикой природы ими не считались проклятыми, еще не отвоеванными церковью у дьявола. Туда уходили “спасаться” русские пустынники и отшельники.

Почитание “пустынь”, особенно в среде старообрядцев, дожило до 20 столетия. Нетронутая природа воспринималась ими подобно нерукотворному храму, в котором ощутимо присутствие Божие. “Пустыни” считались “заповедными местами”: там природа не была помрачена человеческим грехом и оставалась верной заповедям Творца.

Права русский теолог Татьяна Горичева: в дикой природе есть то обаяние первозданности, которое утеряно усталыми людьми, та языческая сила, от которой ждут творчества, прыжка в неизвестное, соприкосновения с другими мирами.

“Мы ждем, что дыхание животных вдруг породит неслыханные слова” (Э. Канетти). “Дикая жизнь”, — считает Т. Горичева, — “мир, замкнутый на себя. Своя судьба, своя безгрешность — если бы животные могли грешить, они стали бы святыми”.

Таким образом, в России, так же как и в США, в начале 20 века имелись культурные предпосылки к возникновению идеи дикой природы. Пользуясь своим и мировым культурным опытом, американцы пришли к ней первыми. У нас же, по политическим причинам, эта идея не стала доминирующей.

В итоге, современное природоохранное движение в России, Украине и других странах СНГ не очень обеспокоено проблемой охраны дикой природы. Так, по данным А.В. Яблокова, из полсотни партий и движений, участвовали в выборах в ГосДуму России в 1999 г., только 5 в своих программах подняли вопрос развития охраняемых природных территорий (среди них 2 экологических объединения), по одному — охрану российского национального ландшафта, проблему сохранения первичных лесов, поддержку движения защиты животных, 6 — охрану биоразнообразия (среди них одно — экологическое объединение). Проблему защиты дикой природы в целом не затронул никто.

Глубокое фокусирование на дикой природе сейчас преобладает в Северной Америке, Скандинавии, Австралии.

В Европе, как и в странах СНГ, экологическое движение обычно более связано с антиядерным движением и сосредоточивается на вопросах качества городской и сельской окружающей среды.

Продвижение идеи дикой природы на просторах бывшего СССР может значительно продвинуть решение природоохранных проблем. Возможно, интерес к сохранению дикой природы будет стимулироваться у нас реакцией людей на утрату общественных идеалов гармонического мира, на поиски “утерянного рая”.

Необходимо рассмотреть образы и метафоры дикой природы в мировых культурах, философиях и религиях с особым вниманием на то, какие образы (или их отсутствие) оказывают воздействие на формирование общественного восприятия дикой природы, и как они могут быть эффективно использованы для природоохранных мотиваций общественности.

Создание культа дикой природы может заключать в себе формирование моды на защиту флоры и фауны, осознание населением священности участков дикой природы, рекламу “живых символов” страны и ее регионов, пропаганду соответствующих стереотипов реального поведения.

Человечество должно вновь открыть для себя мифологическое, сказочное, поэтическое измерение дикой природы. Нужно стремиться к тому, чтобы восприятие, понимание людьми дикой природы, ее ценностей постоянно расширялось. Что, в свою очередь, будет вызывать адекватные природозащитные мотивации, способствовать развитию заповедного дела и охраны дикой жизни.

Религия природоохраны

Моя религия — это любовь
ко всему живому.

Арабское изречение

Когда я вижу какой-нибудь
уголок дикой природы, меня
охватывает священный трепет,
когда мне удастся добиться
его заповедания, меня охватывает
священный восторг.

В. Борейко

Понятый Бог не является Богом.

Древний афоризм

Великая божия дикая природа

Пионеры охраны дикой природы всегда признавались, что основным толчком к идее заповедания была забота об уголках свободной природы, понимаемых ими как священных. Эти люди были часто необычайно верующие. Не в церкви находили они свои храмы, но в дикой природе. Они относились к природе как к божеству. Пионер американского заповедного дела Джон Мюир был уверен, что все, что он делал, спасало священные места дикой природы. Он говорит о диких горах и лугах как о местах исцеления, обновления и молитвы. “Скалы и величественные каньоны, вода и ветер, и все жизненные структуры — животные, озера, луга и рощи, и серебрянные звезды — слова Бога, и они текут плавно и зрело из его губ” — писал он в своих книгах. В дикой природе можно увидеть нетронутый божественный текст.

Для Джона Мюира защита дикой природы была почти актом поклонения. Он понимал уважение дикой природы

как религиозный опыт. Когда долину Хетч-Хетчи в национальном парке собирались залить водой, он провозгласил принцип священности этого места. Джон Мюир говорил, что дикая природа это “открытое окно в небеса, зеркало отражающее творца”.

Американский путешественник Эствик Эванс один из первых, еще в 1818 г., связал почитание дикой природы с религией: “Каким величественным является безмолвие вечно активных энергий природы! Существует нечто в самом имени дикой природы, которое очаровывает ухо и успокаивает дух человека. В нем содержится религия”.

Спустя полтора столетия руководитель Сьерра-Клуба Дэвид Броуер высказался более определенно: “Мы имеем своего рода религию, этику в отношении земли, и эта религия является, я полагаю, наиболее близкой к буддистской”.

Немецкий философ и писатель Тик полагал: “Природа дает нам предчувствие Бога: нет, не ожидание и не предчувствие — это подлинное чувство, и в глубинах, и на высотах, видимая всеми, здесь шествует религия”. Ему вторил Шеллинг: — “Только та религия истинна, которая открывается нам в камне и в сплетении мхов, в цветах и металлах...”

Дикая природа как проявление святого хорошо описана Джоном Рескиным в его объяснении своего собственного восприятия божественного: “ — Хотя в этом и не присутствовало определенное религиозное чувство, я ощущал святость во всей природе, от самого малого до самого большого: это было инстинктивное благоговение, смешанное с восхищением; невыразимое волнение, которое обычно бывает при ощущении безтелесого духа: я лучше всего это ощущал, когда я был наедине, и тогда я мог дрожать и от радости и от страха перед ним. Когда я впервые подхожу к берегу горной речки или вижу горизонт, оттененный вечерним закатом или вижу развалины, поросшие мхом, я не могу описать это чувство радости, которое, как мне кажется, приходит благодаря своего рода сердечному голоду, удовлетворенного наконец присутствием Великого и Святого духа. Эти чувства переполняли меня, пока мне не исполнилось 20 лет: когда же доля практицизма и четкого рационального мышления во мне увеличилась и “мирская суэта” меня не поглотила, эти чувства постоянно работали, как это описывает Водсворт в его “Признании бессмертия”.

Как справедливо утверждает Ф.Р. Штильмарк, — “... истинные корни природоохранного дела лежат в самых глубинных слоях общественной нравственности, в его религиозно-моральных основах”. И дальше: “— Человек, искренне любящий дикую природу, остается скорее язычником, чем христианином. Утром я, как правило, предпочитаю пойти в ближний лес, а не стоять со свечкой в храме, дыша чужим потом и ладаном. Вид старого дерева, живописной скалы или бурного моря восхищает меня более, чем икона”.

Действительно, в дикой природе мы чувствуем что-то, находящееся за пределами нас самих, что-то более высокое, чем мы сами, что и называют божеством.

Встреча с божественным в дикой природе во многом аналогична встречам с великими произведениями искусства, с их волнующей властью, способной производить внезапные перемены в восприятии многих умов в разное время и в разных странах.

Святое место и святая сила

Все приверженцы той или иной религии ощущают сакральность места. Для исповедующих религию природоохраны такими священными местами являются участки дикой природы. Эти святые места имеют особый магнетизм, который воздействует на тело человека, независимо от того, осознает он это или нет.

Американские философы-антропологи Д. Хьюз и Д. Свэн полагают, что святое место — это такое, где человек находит проявление священной власти, где он ощущает себя неотделимой частью Вселенной. Там человеку является дух. В другой своей книге Д. Свэн пишет, что вещь или место становится святым, когда оно воспринимается как нечто способное наполнить в нас энергией “те чувства и концепции, которые мы ассоциируем с духовной стороной жизни”. Согласно словарю Колликса Кобилда “святое место — это то, что по особому связано с богом или богами”. По мнению американского психолога Питера Рассела, святым место становится тогда, когда наша реакция на него становится священной. Иными словами, святое место — это что-то исключительное, необычное, часто касается той особой части, что задействует наши мечты, наши метаморфозы и наши лич-

ные взгляды на мир, это место, где голос Земли слышен наиболее ясно.

Кстати, еще Платон в своей предупредительной записке к планировщикам и архитекторам писал, что определенные места могут обладать некими экологическими и духовными качествами, влияющими на человеческий характер.

Наверное, у человека имеется универсальная внутренняя потребность почитать во внешнем мире некую маленькую часть земли как святую.

Мы порой не замечаем и не задумываемся над тем, что наше поведение в отношении отдельных мест часто носит религиозный характер. Это может быть домашний очаг, место первой любви и т.п. Даже для атеиста эти места сохраняют исключительное, уникальное качество, для него они являются особыми местами, “святыми местами” в его личной вселенной, так как получают иное восприятие реальности.

Американский экофилософ и географ Линда Грэбер права: “современные люди со светским образованием ищут и желают божественного восприятия во многом так, как этого желали их древние предки”.

Существует несколько концепций священных мест. Американские индейцы считали священной всю землю. Многие языческие религии ограничивали священную территорию до размера рощи, горы, острова, ключа, дерева. Христианство еще более сузило священную территорию до размера храма.

Природоохранники могут предложить мировой культуре свой взгляд на священное место, объявив священным пространством участки дикой природы. Эта идея должна войти в современную цивилизацию. Тогда участки дикой природы из неудобий, бросовых земель и кладовых ресурсов перейдут в разряд священного центра современного мира.

Ощущение участков дикой природы святыми местами — главное в религии природоохраны. Как всякое колдовство совершается через частичное прикосновение к околдованному, так религия природоохраны проникает в человека при его прикосновении к священным уголкам свободной природы.

Другими словами, природоохранники мотивированы своим религиозным ощущением дикой природы как свя-

щенного места, где их чувства могут достичь экстаза и несомненно представляют наиболее значимые переживания в их жизни. После таких переживаний они энергично пытаются сохранить эти места.

Дикая природа рассматривается ими как святое место потому, что там действует святая власть, вдохновляющая к восприятию божественного. Дикая природа — это проявление Абсолютного. Так как дикая природа считается проявлением святой силы, то любые перемены, произведенные человеком, низводят с ее лика совершенство.

Всякое вторжение на территорию дикой природы как священного пространства убивает святую силу, уменьшает волшебные качества и уничтожает принцип религиозной ценности святого места.

Однако давайте подробнее разберем, почему природоохранники часто сравнивают дикую природу с храмом?

Почему все-таки в качестве святых мест они выбирают не парки в городах, не могилы героев, а участки дикой природы? Почему энтузиазм вокруг защиты свободной природы носит таинственно религиозный оттенок?

Все дело в том, что в дикой природе, как Совершенно Ином, проявляется святая сила. Она дает религиозное ощущение, помогает достичь возвышенного состояния.

Линда Грэбер пишет: “Достижение такого состояния в природе требует наличия двух психологических моментов. Первое, человек должен полностью проникнуться своей незначительностью в отношении к природе, являющейся проявлением святой власти (...). Любители природы наслаждаются своей собственной незначительностью как условием видения в природе святой силы (...). Чтобы достичь возвышенного состояния, истинный любитель природы должен также проникнуться и ощущением того, что он часть природы. Истинный ценитель природы для достижения пантеистического видения себя как части целого, должен не допускать мысли о человеческом превосходстве (...).

Таким образом, войти в дикую природу означает оставить позади светский, меняющийся, с доминирующим человеческим мир, ради совершенного мира, являющегося проявлением святой власти (...). Пространство не является однородной массой или суммой многочисленных частей. Местность подобна мгновениям во времени: они специфичны, независимы, уникальны. Пространство становится местом, когда че-

ловек выбирает из обширной протяженности мира “позицию”, занимает ее и обосновывается на ней (...). Одни части пространства совершенно отличаются от других.

Святое место в сравнении со светским очень внушительно и импозантно. Когда святое появляется в пространстве, человек получает фиксированное ориентирование в хаотической относительности светского мира. Святое пространство является местом власти и проявляется благодаря самой власти или посредством ритуала человека.

Люди не хотят менять святые места: мы можем это видеть на примере того, как часто христианские церкви строились на местах языческих святынь.

Почти все цивилизации имеют отдельные, огражденные святые места. Святые места восхищают и привлекают, но страх перед святой силой добавляет элемент абсолютной неприступности. Ритуал пытается решить этот конфликт путем установления правил, касающихся того, кому можно приближаться к этим объектам, когда, как и т.д.

К святому пространству следует подходить с уважением и осторожностью из-за его импозантности, но и потому, что оно является местом “разрыва в плоскости”. Для небес это зона “свободного огня”, место онтологического перехода от одного способа бытия к другому. Войти в святое пространство — значит желать религиозного восприятия”.

Таким образом, в святых местах заключается святая сила, которую человеческий разум воспринимает через посредство конкретных объектов, событий, личностей и мест. Как полагает Линда Грэбер, святая сила, подобно радиоактивности, морально нейтральна и сжигает лишь тех, кто приближается слишком близко. Но святая сила отличается от святости, которая означает “абсолютное благо”. Святая сила невоспринимается светским восприятием, ибо неподвластна человеческому знанию.

Когда человек совершает контакт со святой силой, можно сказать, что он ощущает контакт с “божественным”.

Чаще всего святую силу, присущую дикой природе, старались показать писатели. Таких примеров достаточно много. Взять хотя бы описание Виктором Астафьевым нетронутой сибирской тайги в “Царь-рыбе”. Эту же задачу пытались решить и художники. Китайские живописцы династий Танг и Шунг изображали святую силу в дикой природе путем показа на картинах пустого пространства.

В дикой природе мы встречаемся с священным в его иррациональном могуществе, с его чарующим побуждением в сильных эмоциях и ритмах. Конечно, невосприимчивому, светскому человеку святое в дикой природе очень часто почти или совсем не является очевидным. Святое не передается, а только пробуждается в душе. Действие святого схоже по своей колдовской психологии воздействия на человека прекрасной музыки или красоты “возвышенного” пейзажа.

Действительно, божественное (святое) во многом сходно с возвышенным (хотя последнее является эстетической, а не религиозной категорией).

Во-первых, как считает Отто Рудольф, возвышенное как и божественное является во многом нераскрываемым, и несет в себе нечто таинственное.

Во-вторых, в возвышенном, как и в божественном существует своеобразный двойственный фактор, отталкивающий и одновременно привлекающий. Он унижает душу и одновременно и возвышает, ограничивает и возносит, возбуждает чувство, которое с одной стороны имеет сходство со страхом, а с другой стороны — со счастьем. Так, благодаря такому сходству, понятие возвышенного “тесно смыкается с понятием божественного (святого) и служит для того, чтобы возбудить его, также возбуждаясь от него, в него “перейти”, так же позволяет ему “перейти” в себя и там замереть”, — заключает автор.

Несомненная заслуга Отто Рудольфа также в том, что он постарался показать те иррациональные факторы, которыми святое (божественное), в том числе и в дикой природе, воздействует на человека.

Этих основных факторов два: ощущение “чувства незначительности” (ничтожества, зависимости) и осознанием “*mysterium tremendum*” (“ужасной тайны”). Ощущение “чувства незначительности” подразумевает, что в присутствии святой силы (власти) человек ощущает себя созданным из глины: хрупким, мимолетным и почти бесформенным в сравнении с абсолютным могуществом святого.

“*Mysterium tremendum*” — состоит из многих переменных. Его основной элемент “*Mysterium*” (“таинство”) состоит из двух составляющих: 1) “Совершенно Иного” (чужого, странного) и 2) “очарования” (восхищения, удивления). “Совершенно Иное” — это то в святом, что поражает нас своим непостижимым, безрассудным, одновременно прив-

лекает и отпугивает. Элемент “очарования” заставляет восхищаться святым, заставляет, чтобы контакт с ним продолжался как можно дольше.

Сопутствующий элемент — “*Tremendum*” (“содрогание”). В свою очередь он состоит из трех переменных: 1) “богобоязнь”; 2) фактор “величественной власти”; 3) фактор “энергии божественности”. “Богобоязнь” (божественный трепет) — это страх перед Богом, который вызывает священное, “удивительная дрожь опасения”. Фактор “величественной власти” предполагает ощущение сверхмогущества, безусловного превосходства святого места или святой вещи.

Последний фактор — “энергия божественности” заставляет человека ощущать, что священное полно энергии и динамизма.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все перечисленные факторы ощущения святого не проявляются отдельно, они взаимопроницаемые, как ноты в музыкальной гамме только вместе создают ощущение гармонии, а в нашем случае святого.

Власть священного может принять форму всеохватывающей любви, так и всепоглощающего гнева. Оно не просто показывает себя, оно может охватить нас обжигающим захватом. Священное может дать нам чувство умиротворяющего спокойствия и свершения, очарования, которое ведет нас к любви и преданности, таким сильным, что мы отдали бы все, лишь бы остаться в его присутствии. Священное — это не просто неизвестное, но неизвестное, которое мы считаем выражением конечной священной силы и реальности. Многие рассматривают священное как абсолютное воплощение красивого и величественного.

Однако, по мнению известного философа Мирчи Элиаде, “...думая о священном, не надо сводить его только к божественным фигурам. Священное не подразумевает веру в Бога, в богов или духов. Оно, повторяю, есть опыт некой реальности и источник осознания бытия (...). Священное... и влечет и устрашает”.

Американский альпинист и исследователь священных гор Эдвин Бернбаум пишет: “Священное является глубоко таинственным, не просто как Совершенно Иное, но как воплощение неизвестного самого себя. Нас привлекает именно аура тайны, чего-то за пределами нашего кругозора. Мы тянемся к священному потому, что оно является

непознаваемым — это что-то такое остается таинственным, даже если мы находимся в его присутствии (...). Есть глубокая привлекательность в самом факте того, что гора является неисследованной и непокоренной. Подобным образом, священное по самой своей природе избегает всех наших попыток определить и понять его. Без какого-то внутреннего содержания непостижимой тайны оно прекращает быть священным”. По мнению других авторов, к факторам, определяющим религиозное чувство, можно отнести страх, восхищение, благодарность и оправдание.

Мирча Элиаде ввел термин “иерофания”, означающий “проявление святого”. “Иерофания” обнаруживается в объектах, имеющих нечто из “Совершенно Иного”.

Священные камни, деревья, родники почитаются не ради самих себя, а ради этого загадочного “Совершенно Иного”, в качестве “иерофаний”. Такой святой объект, как считает Линда Грэбер, продолжает оставаться самим собой, но, проявляя святое, он становится и “чем-то еще”. В принципе любой объект может стать иерофанией благодаря власти религиозного восприятия.

Религиозное мышление способно всю природу воспринимать как потенциальное вместилище космической святости. Поклоняются не самой природе, но святой силе (власти), проявляющейся в природе.

Везде горы почитаются как места власти “Совершенно Иного”. Эдвин Бернбаум полагает, что наложение в одном предмете двух образов (например, гора и храм) также может пробудить чувство священного само по себе. Наложение образов во взгляде на гору работает подобно слиянию нот в музыкальном аккорде.

— “Природа нигде не является просто “природой”. Это божественное творение, которое наполнено религиозной ценностью”, — пишет Линда Грэбер.

По ее мнению, дикая природа в наше время стала “современным видом святого пространства, ценящегося как символ геонабожности и как фокус религиозных чувств”.

По-видимому она права, когда утверждает, что светские доводы в защиту свободной природы “не всегда то, что надо”.

Ощущения участков дикой природы как святых мест можно назвать современной формой религиозного экспериментирования. Оно способствует контакту человека со святой силой через иерофанию дикой природы как святого пространства.

Святая сила дикой природы истинному природоохраннику раскрывается мощным потоком нового понимания. После получения божественных ощущений у разума нет сомнений в ее реальности. Вместе с тем священная сила дикой природы не имеет ничего общего с церквями и традиционными верованиями.

Природоохранные усилия, основанные только на экологических теориях и экономических оценках навряд ли смогут поколебать мощные политические силы, настроенные использовать дикую природу как ресурс. Без пробуждения у людей чувства священного в природоохране не обойтись.

Чувство священного само по себе, однако, не гарантирует сохранение окружающей среды. Хотя японцы почитают гору Фудзи как религиозный символ, они засыпали ее мусором. Индусы почитают Ганг, пьют его священную воду, однако превратили в сточную канаву. Некоторые языческие народы ради ритуалов убивают своих священных птиц и зверей.

Все это означает, что мы должны полностью осознавать последствия пробуждения чувства священного. Оно связано с конечными ценностями, и обладает способностью двигать нас к добру или злу. Оно может вдохновлять нас охранять окружающую среду, или толкать к ее разрушению. Рассмотрение природы как священной может неосознанно превратить ее в жертвенное приношение ради чисто религиозной цели. Только если чувство священного поощряет нас почитать природу как ценную саму по себе, а не как средство для достижения каких-либо сугубо религиозных целей, какими возвышенными бы они не были, пробуждение чувства священного обеспечит нам прочную поддержку природоохрaны. Другими словами, религиозное чувство, ощущение священного должно сочетаться с экологической этикой. В этом случае скорее святое наполняется новым содержанием и становится “хорошим”. Идея святого превращается в этическую природоохранную идею.

Религия и религиозная сообщество защитников дикой природы

Дикая природа, как и искусство, является последним пристанищем “вытесненных” из светской жизни глу-

бинных религиозных эмоций. Религиозное содрогание на природе — это особое торжественное содрогание, какое мы испытываем у дикой чистой речки или в осеннем лесу желтых кленов. Оно порождается эстетикой возвышенного и мыслью о присутствии сверхъестественного. Закумуфлированное религиозное поведение часто выражается в том, что участки дикой природы отождествляются с Раем, где грех еще не существует. Мифопоэтическое стремление, чувство священного и другие проявления религиозного имеют сильный генетический компонент.

За тысячелетия не только способность, но и потребность в религиозной структуре очень глубоко вошли в наши ДНК. Причем эта способность характерна как для человека религиозного, так и нерелигиозного. По мнению Владимира Соловьева, человеку врождено чувство благоговения или преклонения перед высшим, столь же первичное и непроеизводное, как стыд или жалость.

Мирча Элиаде писал, что нерелигиозный человек не может полностью избавиться от некоторых признаков поведения религиозного человека, чтобы он не делал, он является его наследником. Нерелигиозный человек в чистом состоянии — относительно редкий феномен. Большинство же нерелигиозных людей ведут себя религиозным образом, просто они этого не осознают. Прежде всего это многочисленные предрассудки и табу современного человека, мифы и обесцененные ритуалы. Каждый человек “состоит” одновременно из своей сознательной деятельности и своих иррациональных ощущений.

Американский экофилософ Конни Барлоу полагает, что чувство священного не обязательно должно быть основано на предрассудке и сверхъестественности. Чувство священности может быть доступным даже для атеиста, так как религиозная способность проявляется еще как чувство зависимости, благодарности, обязательства, раскаяния, сожаления и возможности, всем тем, что порождает “глубокую боль внутри”.

Нобелевский лауреат, известный молекулярный биолог Жак Моно писал, что способность к религиозному опыту и стремление к религиозному объяснению поясняются той же самой силой, что сформировала нашу кисть руки: естественным отбором.

Обсуждать вопрос: есть ли Бог — не имеет смысла. Он стар как мир, и, наверное, не так важен. Но вот то, что че-

ловеку свойственно религиозное чувство — это очень существенный момент. Еще Джон Мюир писал, что научное восприятие природы не так важно, как религиозное. Другими словами, используя религиозные чувства, пусть находящиеся в самых дальних тайниках человеческой души, можно научить людей обожествлять и охранять природу.

“Предрасположенность к религиозной вере является наиболее сложной и мощной силой в человеческом уме, вероятно она представляет собой неискоренимую часть человеческой природы” — сделал заключение известный американский социобиолог, лауреат Пулитцеровской премии Эдвард Вильсон. По его мнению, вместо того, чтобы позволить врожденной религиозной способности человека наполняться старыми предрассудками и страхами, почему бы не наполнить ее восхищением природным миром, освещенным наукой?

Я бы назвал такую религию религией природоохраны.

Но прежде чем двигаться дальше, давайте обсудим некоторые понятия, с ней связанные. Что такое, собственно говоря, “религия”, “мистика”, “магическое”, в чем различие между людьми “религиозными” и “верующими”?

Считается, что религия — это организованное поклонение высшим силам. Согласно “Краткому словарю по философии” (Москва, 1982 г.) религия (лат. religio — благочестие, святость) — это одна из форм общественного сознания, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных сил. Религия — это более или менее стройная система представлений, настроений и действий.

Вера в сверхъестественное составляет ядро, основу любой религии.

Религиозные настроения относятся к области религиозного чувства и носят двойственный характер, с одной стороны, они выражают беспомощность, страх, с другой — чувство упования, надежды.

Религиозные представления и идеи составляют мифопоэтический, мировоззренческий элемент религии — сказания о духах, богах и т.д.

Религиозные действия относятся к области религиозного поклонения или культа, в который входят религиозные обряды, жертвоприношения, молитвы и т.д.

Психоаналитик религии Уильям Джеймс полагает, что религия — это совокупность чувств, действий и опыта по отношению к тому, что считается божеством или божественностью.

Рональд Энгел считает, что религия — это окончательные структуры ссылок (мир, мировоззрение, система убеждений), одновременно оценивающих и фактических, в контексте которых формируются культурные идеалы и принимаются этические решения. Этот термин не обязательно связывается с верховными или божественными существами.

Как справедливо считает известный русский педагог П.Ф. Каптерев, «собственно корень всех их (религий — В.Б.) один и тот же, это — священный трепет пред безмерностью и непостижимостью божественного бытия. (...) Этот священный трепет бывает разных видов, смотря по культурности человека и человечества». Религия — это личностные переживания.

Священная сила (власть) способна вызвать у человека не только религиозное восприятие, но и мистическое состояние. Стремление вступить в прямой контакт со сверхъестественным составляет психологическую основу мистики.

Упрощенно говоря мистика — это составная часть религии (хотя она может существовать и самостоятельно). Считается, что мистика — сверхнапряжение иррациональных факторов в религии.

По мнению Уильяма Джеймса, мистическое состояние имеет четыре главных характерных признака: неизреченность (трудность объяснения происшедшего); интуитивность (проникновение в глубины истины, закрытые для трезвого рассуждения); кратковременность (мистические состояния не имеют длительного характера); бездеятельность воли (ощущение себя во власти высшей силы).

Мистическое состояние может возникать у религиозных и верующих людей как при соприкосновении со священным, так и с магическим (магическое — некая затаенная и приглушенная форма священного).

Что же касается религиозных и верующих людей, то как считают Д.Н. Кавтарадзе и А.А. Овсянников, различие между ними состоит в том, что позиция первых — это идеологическая позиция, а для вторых — религиозность уже определена в культуре, в поведении, в следовании нормам церковной жизни. Религиозность — это предпосылка веры, но не ее синоним. Вера — это состояние жизни, а религиозность — только представление о жизни. Доля верующих в 4—5 раз меньше доли религиозных людей. Но вернемся к религии природоохраны.

Эта религия не конкурирует ни с одной религией, скорее она представляет совершенно отличную религию, откровением которой является постижение священности дикой природы и ценности жизни.

Бесмысленное повреждение веточки, камня, случайное убийство животного — все это представляется осквернением храма. Религия природоохраны выступает символом качеств, находящихся за пределами структуры рутинной жизни. Благодаря ей мы находимся на пороге нового откровения, нового пробуждения.

Одна из главных идей многих религий основана на спасении. Религия природоохраны основана на спасении дикой природы.

Религия природоохраны способствует защите дикой природы несколькими различными способами. Во-первых, она предоставляет этические и социальные модели для того, чтобы жить с уважением к природе. Во-вторых, обеспечивает непосредственную защиту всех участков дикой природы, провозглашая их священными местами. И в третьих, связывает виды дикой природы с божественным значением.

Религия природоохраны — своего рода общественная религия. Она может объединить как людей, исповедывающих ту или иную религию, так и атеистов, людей верующих и религиозных.

Почитание дикой природы как священного пространства является базовым моментом в религии природоохраны. Дикая природа является вместилищем моральных законов и духовной правды, обеспечивая наиболее крепкую связь с божеством. Использование священной дикой природы как ресурса является формой греха.

Осознание священности дикой природы поддерживается посредством почитания, ритуала и поклонения. Ритуал и поклонение обновляют чувства пропорции и смирения, наше внутреннее знание ценности, они ставят нас в контакт с духовной реальностью, объединяющей все вещи.

В большинстве направлений иудаизма, христианства и ислама является ересью считать деревья, лягушек и саму Землю священными или проявлением божества. Язычеству и пантеизму, другие формы поклонения природе по-прежнему являются объектами насмешки. Однако ведь совершенно правильно рассматривать природный мир — творение (эволюционировавшее сейчас творение) — священ-

ной работой божества. Как не согласиться с тем утверждением, что именно десакрализация природы во многом стала причиной современного экологического кризиса.

Недаром, в 1980 г. тридцать два выдающихся ученых современности поставили свои подписи под документом, призывающим “усилия по охране природы наполнить видением священного”.

Пробуждение у людей чувства священного в природе является важнейшей задачей современных природоохранников, ибо религиозная деятельность может обладать мощной функцией защиты дикой природы. Участки дикой природы нужно сравнивать с храмами (созданными человеком строениями), осквернению которых противилась бы широкая общественность.

Кстати, по мнению американского экофилософа Конни Барлоу, наполнение экологической заботы видением священного возможно пятью отдельными, но не взаимно исключаящими способами: 1) путем реформ; 2) путем древних; 3) путем трансцендентальности; 4) путем погружения в мистику; 5) путем науки.

Еще одним важным моментом является осмысление природоохранника в контексте его сообщества. Стать настоящим ценителем и защитником природы невозможно без особого откровения, божественной вспышки, случающейся чаще всего в детстве на лоне дикой природы. Эту божественную вспышку, вызвавшую религиозное восприятие или даже мистическое состояние, не заменит никакое экологическое образование. Вместо того, чтобы покорять природу, религиозно настроенный (пантеистически, язычески, природоохранно) человек, предпочитает быть покоренным природой.

Линда Грэбер утверждает: “Когда истинный природоохранник впервые встречается со своим личным идеальным пейзажем, он, кажется, переживает момент трансцендентальности. Такая встреча волнует его так глубоко, что его восприятие пейзажа меняется навсегда: для него он становится святым местом (яркий пример — И.И. Пузанов и его любовь к Крыму — В.Б.). Идеальный пейзаж восхищает и привлекает его до такой степени, что он может оставить свою семью и переехать к этому святому месту. Если же это невозможно, то он будет его посещать при каждой удобной возможности. Он может не пожалеть усилий, защищая свой идеальный пейзаж от вреда, и при изучении

его, с целью более глубокого оценивания, он будет пытаться передать его загадочность в искусстве или просто поведать о своем восторге семье и близким. Писатели-натуралисты пытаются воспроизвести этот момент трансцендентальности своими словесными образами. Идеальные пейзажи часто довлеют над истинным приверженцем природы всю его жизнь. Контакт с божественным может произойти в любой момент соприкосновения со святым местом”.

Истинные защитники дикой природы составляют особую сообщество. Как полагает Линда Грэбер, — “Святая сообщество является базовой идеей любой религии”. Это братство посвященных, объединенных общей верой и социально отличимых от непосвященного большинства. Новый участник такой общности перед посвящением в него должен проникнуться верой ордена и кодексом поведения. Организации чудных и одухотворенных людей, решившихся бороться за свободу дикой природы, можно назвать особым религиозным сообществом.

Удивительная схожесть убеждений среди истинных сторонников дикой природы, их членство в организациях, чья задача — сохранение дикой природы, их чувство тождественности, и их степень эмоциональной приверженности говорит о возникновении чего-то вроде святой общности. “Святые общности помогают их членам очистить и понять их религиозные ощущения путем разделения их с другими”, — продолжает Линда Грэбер.

Все святые общности имеют свои культурные очаги, места, где они впервые появились и которые помогли сформировать их мировоззрение.

Для российских защитников дикой природы одним из таких культурных очагов является зоомузей МГУ и Московское общество испытателей природы, где со времени Г.А. Кожевникова сформировалось не одно поколение природоохранников.

Как правило, члены религиозного сообщества защитников дикой природы хорошо образованы, живут в крупных городах, любят бывать на лоне природы и преданы своим природоохранным организациям.

Они объявили “крестовый поход” за дикую природу, они идут и отвоёвывают, как призывал Петр Отшельник, от неверных святую землю.

Поскольку, как считают многие, идеологической причиной гибели дикой природы стало христианство и некото-

рые другие религии, то и спасением дикой природы, возможно, должна стать тоже религия — религия природоохраны.

Недаром еще в 1930 г. американский природоохранник Роберт Маршалл писал: "Существует лишь одна надежда остановить тираническую амбицию цивилизации покорить каждую пядь на всей земле. Эта надежда состоит в организации духовных людей для свободы дикой природы".

Мы станем эффективнее охранять природу, когда научимся на нее молиться.

О праве дикой природы на свободу

Лишь в свободе прекрасное
и лишь в красоте свобода

Генри Торо

Однажды Джон Мюир случайно набрел в канадском болоте на дикие орхидеи. Они вызвали у него слезы, ибо он знал, что эти орхидеи росли совершенно свободно, независимо от людей. Они были чем-то вне нас.

Может ли существовать дикая природа без свободы? Может ли вообще являться природа дикой без свободы? Свобода проявляет себя как позволение быть тому, что существует. Генри Торо понимал под свободой дикой природы не права и свободы, а автономию и самоуправление. Совершенство свободы дикой природы состоит в ее беспредельности.

Понятие "дикая природа" исходит от древне-кельтского выражения, которое означает, "независимые, самостоятельные земли". Они не могут быть ни прирученными, ни дрессированными. Они свободны от всяческой человеческой колонизации. Дикая природа — это царство целей.

Дикая природа по определению должна быть дика и свободна. Это ее главная физическая характеристика. Само понятие "дикая", как писал Гарри Снайдер, несет в себе подтекст беспорядка и нарушения законов. Ибо всякий порядок лишает права на свободу. Под свободой дикой природы понимается прежде всего ее самостоятельная воля.

Защищать дикую природу — значит защищать ее свободу от вторжения какого-нибудь варвара. Дикая природа — это земля (вода) с собственной волей. Свобода —

это свойство воли дикой природы. Перефразируя И. Канта — свобода дикой природы есть свойство дикой природы быть самой для себя законом.

Свобода нужна дикой природе прежде всего для творчества. Ее отсутствие означает для дикой природы биологическую и моральную деградацию.

Никакой вид не имеет права лишать свободы другой. Люди не должны подчинять себе другие виды, тем более лишать свободы дикую природу.

Ф. Шиллер призывал защищать свободу других. Любое демократическое движение стоит на признании достоинства равенства, свободы и моральности. В традициях современного либерализма отстаивать свободу меньшинств. Дикая природа является меньшинством, угнетенным человеком, и имеет права на защиту своей свободы. Я требую распространять великий принцип свободы на дикую природу. От охраны дикой природы мы должны идти к освобождению дикой природы.

Право свободы дикая природа в современных условиях может осуществлять только в наиболее строго охраняемых крупных заповедниках. Абсолютная заповедность — это идеальное условие существования дикой природы в современном мире. Цель абсолютной заповедности — осуществление права дикой природы на существование в условиях максимальной свободы. Свобода — это лучшее условие существования дикого. Абсолютная заповедность — это когда дикой природе дозволено все. А заповедники — это святилище свободы.

Идея дикой природы требует предоставить место свободы для животных и растений. Ибо как сказал О. Леопольд — “сорок свобод без свободного места на карте ничего не стоят”. Но рука об руку с сохранением места дикой природы должна идти защита образа жизни дикой природы, то есть свободы. Эта предельная ценность дикой жизни основана на ее спонтанности.

Холмс Ролстон III предложил принять “Декларацию свободы для сохранившейся дикой природы” (что-то наподобие воззвания об освобождении черных рабов, подписанного президентом США А. Линкольном в 1863 г.). Это должен быть призыв к людям уважать полноту жизни в мире дикой природы.

Пятьдесят процентов территории Земли должны быть, согласно этой декларации, предоставлены свободной при-

роде. Да здравствует свободная дикость, да здравствуют неукротимые места!

Достоинство дикой природы заключается в высшей свободе. Единственным поводом вмешательства людей в свободу дикой природы является самозащита.

Дикая природа не является средством для достижения целей человека, она сама по себе цель, ибо свободна и самоценна.

Однако не только дикая природа нуждается в свободе. Будучи свободной, она сама обладает ценностью свободы, ибо предоставляет человеку три вида свобод. Она является основным источником интеллектуальной свободы или творчества, духовной свободы или артистического вдохновения, а также политической свободы, так как дает убежище от авторитарного правительства и политического угнетения.

В романе Дж. Оруэлла “1984” правители полицейского государства запретили дикую природу, поскольку она поддерживает свободу мыслей и действий. Этот факт получил историческое подтверждение в СССР в 1951 г., когда Сталин лично подписал постановление о закрытии почти ста заповедников. Вполне возможно, что он понимал, что участки дикой природы являются островками свободы — последним убежищем от тоталитаризма.

Уэйленд Дрю исследует три самых выдающихся антиутопических романа своей эпохи (“Мы” Евгения Замятина, “Мужественный Новый Мир” Хаксли и “1984” Оруэлла) и открывает, что все три работы приводят обидное сравнение между будущей эрой тоталитаризма и архаической эрой первобытности в природе. Только возвращаясь к последней, утверждают писатели, возможно спасение от тоталитарного преследования, только бегством к свободной природе можно спасти мир. Мы не можем обладать свободой без дикой природы, — сказал американский писатель Эдвард Эбби. Свобода нашей души — следствие абсолютной открытости, что происходит в дикой природе, где свобода является телу.

Другими словами, дикая природа рассматривается как необходимое условие свободы, личного поведения и выбора.

Этот аргумент также относится и к некоторым концепциям экофилософов, предполагающим, что человек, изгоняя и отчуждая себя от природы, тем самым порабощает себя.

Идеология для заповедного дела

Я остро ощущаю необходимость создания новой идеологии для заповедного дела и охраны дикой природы. Динамичной, отвечающей требованию времени. Прежняя, разработанная при советской власти, где во главу угла ставилась экономика, политика, гипертрофированная роль знания, хозяйственный и научный подходы, приказала долго жить.

Некоторые, после разочарования в социализме заявят: нам не нужна идеология. Это наверно, любое разумное действие предполагает наличие цели. Идеология — это цель, расписанная с ориентацией на каждого гражданина. Идеология — это форма общественного сознания. Она подчинена религии и философии, тесно взаимодействует с культурой. Идеологию отличает особая активность, наступательность, она борется за то, чтобы ввести в определенное русло общественную практику.

Идеология мотивирует образ действий. Она — совокупность форм мышления и ценностных представлений и строится на основе разума и чувств. Но наш разум “неразумный”, а чувства постоянно меняются. Однако, с этим следует смириться, иного инструмента мы не имеем.

Идеология, как считает академик Н.М. Амосов, — это распространенная в обществе модель, которая предполагает оценки и действия для гражданина и государства. Все это может стать предметом специальных научных исследований, но оптимум идеологии не найден и зависит от множества причин.

Элементы идеологии:

1. Мораль.
2. Ценности (приоритеты).
3. Разделение власти и собственности.

Корни идеологии лежат глубоко, они часто зависят от прирожденных инстинктов. Разработка идеологии предполагает создание взаимно-увязанной системы правовых, религиозных, этических, эстетических и философских взглядов, идей, теорий.

Мораль

Мораль — это комплекс этических норм, принципов, правил поведения между собой, с обществом и природой. Мораль включает в себя моральное сознание и моральные отношения.

Этика заповедного дела до сих пор не определена. По идее заповедники создаются для охраны дикой природы, но благоговение перед дикой жизнью в них отнюдь не царит. Убийство животных ради научных целей, сбор растений, различные “регулярные мероприятия” превращают наши заповедники в своеобразные тюрьмы или колонии для преступников, где дикая природа предоставлена не сама себе, а прихотям руководства заповедника.

Экологическая этика в заповедном деле в определенной степени расходится с экологией. Разумно — не всегда правильно. Экология говорит то, что есть. Экологическая этика — то, как должно быть. Да, наука необходима, но не всегда достаточна для оценивания и охраны природы.

Еще один важный этический момент. Заповедники — это территория, где сосредоточено абсолютное добро. В наше время количество добра в мире быстро падает. Наша этическая задача — сохранить добро путем полного заповедания. Обществу требуется уяснить, что создавать заповедники — значит делать добро. Всячески ущемлять в них дикую природу — делать зло. Как писал Генри Торо — “Я люблю дикое, не меньше чем доброе”. Борьба, которую ведут природоохранники за заповедники, представляет собой часть вечного конфликта между правильным и неправильным, плохим и хорошим, добром и злом.

Заповедники — это не только экологические, но и этические системы. Поэтому менеджмент заповедника должен основываться не на принципах “выгодно — невыгодно”, а на принципах — “хорошо — плохо”, понятиях “добро — зло”. Любое использование территории заповедника, любое ограничение свободы дикой заповедной природы, любое посяга-

тельство на дикую заповедную жизнь есть зло. Максимальное сохранение дикой природы в заповеднике, защита от человеческого влияния есть добро.

Олдо Леопольд писал, что хороша любая мера, способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все, что этому препятствует — дурно.

Нельзя преувеличивать роль знания, в идеологии заповедного дела в том числе. Гораздо более важны идеалы этические, выраженные в виде нескольких базовых моральных заповедей для заповедников (на манер моисеевых — “не укради”, “не убивай”...).

Заповедному делу нужна новая смысловая опора, основанная на этике. Из антропоцентричного оно наконец-то должно стать экоцентричным.

О приоритетах

Главный приоритет деятельности заповедников (да и многих других охраняемых природных территорий) — стремление к абсолютной заповедности. Цель — осуществление права дикой природы на существование в условиях максимальной свободы. И здесь не важен конечный результат (ибо он недостижим), а постоянное стремление к нему.

О Боге нужно сказать отдельно. Есть ли Бог? Наверное, да. Но только в человеческом сознании. Необходим ли Бог заповедному делу? Да, поскольку существует необходимость в высшем авторитете. Поскольку участки дикой природы являются священным пространством. Бог предполагает веру. Одним же экопросвещением улучшить отношение к заповедникам миллионов людей невозможно.

Ценности

Ценности — это “полезности” природы. Они бывают двух видов: инструментальные (приносящие пользу человеку) и внутренняя (когда природа ценится безотносительно от пользы для человека). Инструментальные в свою очередь делится на экономические (материальные) — (хозяйственная), неэкономические (нематериальные) — (эс-

тетическая, духовная, религиозная, историко-культурная и др.).

Всего насчитывается около двух десятков ценностей дикой заповедной природы. В прежней идеологии приоритет отдавался научной, экологической, хозяйственной, образовательной, рекреационной ценностям. Редко вспоминали об эстетической и культурной. Почти никогда — о религиозной и внутренней.

Пришла пора произвести переоценку ценностей заповедных объектов. Необходимо определить приоритетные ценности дикой заповедной природы, а уже затем разрабатывать стратегию заповедного дела.

Когда у нас разговор заходит о заповедниках, национальных парках, то под ними разумеют или эталоны для научной работы, или базы для экотуризма, или экопросветительские классы, или сундуки ресурсов для будущих поколений, или что-то в этом роде. И всегда при этом преподносится нечто полезное, некоторое средство для осуществления одной цели — удовлетворения человеческих нужд. Но такая исключительно утилитарная оценка заповедников да и других охраняемых природных территорий столь же несовместима с чистой их идеей, ибо разрушает само существование того, что зовется заповедник. Но, к сожалению, идеальному понятию заповедник нет места в умах многих деятелей заповедного дела; оно чуждо им психологически и враждебно метафизически.

Однако в заповедном деле будущего теоретическое и практическое первенство принадлежит не инструментальным, а внутренней ценности, ибо заповедник — это защита внутренней ценности, воплощенной в дикой природе. По большому счету, заповедники не принадлежат государству, а только дикой природе. Дикой природе, которая имеет не только ценность полезности, но и свою внутреннюю ценность, независимую от ее важности для людей. Дикой природе, которая не является ресурсом, ибо ценна сама по себе.

К сожалению, с философской точки зрения заповедное дело остается у нас антропоцентричным, настоящим на материалистических и христианских догматах, согласно которым человек является мерой всех вещей, а его интересы — конечными арбитрами ценности.

Заявление, что область дикой природы должна быть сохранена потому, что будущие поколения будут наслаждаться

ей, является саморазрушающим. На самом деле участки дикой природы должны заповедаться потому, что внутренняя ценность дикой природы важнее иных ценностей, полезных человеку, ибо внутренняя ценность включает в себя гораздо больше, нежели упрощенное удовлетворение человеческих интересов. Другими словами, интересы человека при заповедании должны уступить интересам дикой природы.

Идеология заповедного дела в прямую зависит от культуры дикой природы, чего пока нет в странах СНГ. Заповедники, другие охраняемые природные территории — это, по сути, один из методов сохранения дикой природы. Говоря о поднятии их авторитета, в начале нужно добиться благоговения перед дикой природой. Это тоже самое, как заботиться о библиотеках и музеях, в первую очередь радеют о культуре в целом. Не будет культура дикой природы — заповедники по-прежнему останутся изгоями в нашем обществе.

Разделение власти и собственности

Мои оппоненты говорят: “Заповедник — это государственное научное учреждение”. Но правильно ли это? До революции большую роль в России играли общественные и частные заповедники — пример — легендарная Аскания-Нова. Что же касается государственных заповедников — то они всегда находятся под угрозой закрытия, вспомним хотя бы 1951, 1957 и 1961 годы, когда практически была уничтожена вся система советских заповедников. Вместе с тем священные рощи удмуртов и марийцев, как общественные заповедные объекты, существуют в России сотни лет. По видимому, более устойчивым являлось бы сообщество заповедников, имеющих три формы собственности — государственную, общественную и частную.

Поправки на бедность

Мечтая об идеальном, нельзя забывать о реальном. При разработке идеологии заповедного дела нужно делать скидки на сегодняшние грустные реалии. Авторитет заповедников и их финансирование можно немного

поправить при помощи мощной и долговременной пропагандистской кампании. Но это задача не столько заповедников, сколько органов, ими управляющих и заинтересованных общественных организаций. Только ни в коем случае нельзя идти по американскому пути: авторитет и деньги в обмен на дикую природу. В отечественном варианте это приведет к быстрому краху.

Ни в коем случае сейчас нельзя выгонять науку из заповедников. Это перспектива далекого будущего, да и не для всех заповедников. Сейчас наука является одним из многих факторов стабильности заповедников.

Нужен ли быстрый рост заповедников? Конечно, да. Но при скудных финансах может быть лучше часть из них создавать в полузаконсервированном виде? В любом случае нужно спешить, ибо с каждым днем дикой природы остается все меньше, да и с введением частной собственности на землю организовывать заповедные объекты будет непомерно сложнее.

Важный аспект — внешние связи. После гибели СССР заповедное дело во многих бывших союзных республиках не только остановилось, но и повернуло вспять (пример тому Белоруссия).

Что же касается республик Прибалтики, то там успели совершить большую глупость: реорганизовав все свои заповедники в национальные парки. Вместе с тем Россия среди стран СНГ является в заповедном деле явным лидером, причем с большим отрывом. Однако российские деятели заповедного дела сделают огромную ошибку, если ограничат свои интересы и свое влияние только территорией России. А их украинские или туркменские коллеги, решившись отгородиться от российского опыта, проиграют вдвойне, ибо самоизоляция всегда ведет к застою и гибели.

Право на жизнь и право на существование

Нет зверей на земле и нет птиц,
которые летают, а есть народы,
подобные вам, и все они
вернутся к Богу.

Коран

Право на жизнь — основное право человека. Оно гарантировано международными правовыми стандартами. Каждый человек, как сказано в статье 3 Всеобщей Декларации Прав Человека, имеет право на жизнь. Право на жизнь, как отмечается в Международном пакте о гражданских и политических правах, есть неотъемлемое право каждого человека, которое охраняется законом (статья 6). Право человека на жизнь защищается также статьей 2 Европейской конвенции по Правам Человека.

К сожалению, такими правовыми нормами не гарантирована жизнь и существование живой и неживой природы.

В 17 веке английский философ Джон Локк разработал концепцию природных (моральных) прав. Согласно его взглядам, каждый человек (как Божье создание) с момента рождения (независимо от расы и пола) обладает природными правами, данными ему Богом, на жизнь, свободу, здоровье, стремление к счастью. Эти моральные (природные, врожденные) права, естественно, отличаются от юридических прав, которыми регулируются отношения человека с людьми, обществом и государством. Постепенно эти моральные права приобрели юридическую защиту, став правами юридическими.

Однако, согласно Локку, природа не попадала под категорию моральных прав. Лишь спустя три века экофилософы расширили доктрину Локка на неживую и живую природу.

В сказках различных народов говорится о том, как человек спас жизнь какому-нибудь зверю или птице, за что тот потом, в знак благодарности, уберег жизнь человеку. Жизнь за жизнь. Лучше дарить жизнь, чем смерть.

Однако в современных реалиях нужно пойти дальше сказки. Спасая жизнь животного без ожидания от него благодарности. Просто потому, что так поступать правильно.

Мистическое почитание жизни проповедуется каждой великой религией, и даже моралисты, которые избегают религии, приписывают жизни этическую ценность.

Принцип святости жизни — один из главных в индуистской религии. Индусы считают, что не убивая божьи создания и не нанося им вред можно заслужить божью милость. В священных индуистских писаниях сказано: “Злой человек, убивающий животных, будет гореть в адском огне столько дней, сколько волос на теле животного”. Как правило, священное почитание всего живого начинается с момента его зачатия.

Буддисты учат поступать так, чтобы “Великая Цепь Бытия” никогда не прерывалась. Одно из главных правил буддиста — воздержание от нанесения ущерба чьей-либо жизни. Буддизм предписывает придерживаться “метты” — “доброты и любви” ко всем абсолютно существам, видимым и невидимым, близким и далеким, родившимся и неродившимся. Недостойно извлекать пользу из страданий другого — считают буддисты.

Широко известен буддистский принцип “ахимсы” — не нанесения вреда другим существам.

Святые заповеди в защиту жизни имеются в исламе. Пророк Мухаммед считал все живые создания достойными защиты и мягкого обращения. Однажды его спросили, будет ли за милосердие, проявленное к животным, награда от бога. Он ответил: “За милосердие, проявленное к каждому созданию с влажным сердцем, будет награда”. Влажность — это примета жизни и таким образом надо проявлять милосердие ко всем существам.

В Средней Азии местные традиции запрещают отдавать, продавать или убивать ловчего сокола, ибо он равен душе его хозяина и его жизни на земле.

Можно привести в пример еще цитату из “Второзакония” — “Если птенец выпал из своего гнезда, прохожий не должен проходить мимо, а положить птенца в гнездо, тем самым продлив его жизнь”.

Но мы почему-то продолжаем ценить свою жизнь достаточно высоко, а жизнь иных существ — низко. Однако если разум является наиболее интересной и редкой вещью во Вселенной, то жизнь является вторым по редкости явлением во Вселенной. Наша наука пока ее нигде, кроме Земли, не может отыскать. Но человек продолжает чаще всего игнорировать драгоценную жизнь подобных себе существ земной дикой природы.

Как справедливо полагает киргизский эколог Э. Шукуров, основные законы человеческого общества далеки от законов жизни. Законом политики является удержание власти (причем здесь жизнь?), законом экономики — получение прибыли (причем здесь жизнь?). Подменить эти законы экологией и этикой невозможно, но нужно стремиться, чтобы в них были устроены противовесы, учитывающие интересы жизни.

Конечно, человек не может жить без ущерба для жизни других, ибо он тоже существует за их счет. Чтобы жить, ему нужно каждый день кого-то убивать, или проливать чью-то кровь. Когда он делает это с благодарностью и стыдом — это правильно. Когда же он алчен, глуп и безразличен — это кощунство. Тем самым он обрекает себя на смерть.

Альберт Швейцер писал: “Там, где я наношу вред какой-либо жизни, я должен ясно осознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, — даже самого незначительного”. По Швейцеру нужно уважать любую жизнь и приходить на помощь любой жизни, находящейся в бедствии. Жизнь равна жизни. Эта идея всеобъемлюща, универсальна и безгранична.

Экофилософ Пол Тейлор полагает, что каждый индивидуальный организм следует воспринимать как телеологический центр жизни, стремящийся к своему собственному благу своим собственным способом. Он имеет некоторое чувство прошлого и будущего. Понимание его как телеологического центра жизни не делает необходимым “чтение в нем” человеческих характеристик. Нет необходимости, к примеру, считать его обладающим сознанием. Просто телеологический центр жизни представляет собой сущность,

чей “мир” может рассматриваться с точки зрения его жизни.

По мнению всемирно известного лидера движения за права животных Тома Ригана: “система, позволяющая нам рассматривать животных как наши ресурсы, фундаментально не верна”.

Убийство всегда есть зло. Это потеря чего-то хорошего, в данном случае жизни животного или растения. Зло — это не только убийство живого. Зло — это также выдача разрешения на убийство.

Однако, если убийство отдельного животного — зло, то способствование исчезновению вида — сверхубийство, сверхзло. Ибо навсегда теряется сущность, а не существование, прекращается исторический поток жизни. Поэтому действия, приводящие к уничтожению целых видов, должны быть строго наказуемы. Например, применение пестицидов.

Виды нужно сохранять уже потому, что они существуют, существуют давно, намного раньше человека, и это творения, как считают многие, рук Божьих. Более того, американский поэт и эколог Гарри Снайдер призывает также уважать судьбу будущих эволюционных форм жизни.

Идея равенства права на жизнь должна распространяться не только независимо от расовой, классовой, религиозной, половой, но и видовой принадлежности. Философ Питер Сингер считает: “Я не могу заявить, что человеческая жизнь, худших ее представителей, более ценна, чем жизнь лучших представителей зверей”. По его мнению различать существа по видовому признаку так же аморально, как и по расовому.

По И. Канту все, что имеет внутреннюю ценность, должно рассматриваться как цель, а не как средство. Любая жизнь предполагает наличие внутренней ценности. И поэтому обладающих внутренней ценностью живых существ нельзя, не нарушая морали, использовать как средство, ради интересов других.

Доктрина видовой беспристрастности полагает, что все живые существа обладают одинаковой внутренней ценностью, поскольку никто так и не доказал, что один вид “выше” или “ниже” другого.

Некоторые экофилософы считают, что уничтожить болезнетворный вид микроба было бы относительно правильным, но в то же время абсолютно неправильным. Б. Диксон, издатель английского журнала “Новый ученый” утвер-

ждает: “Все доводы, используемые любителями природы в их попытках защитить редких китов, черепах и бабочек должны с такой же силой применяться и при защите вируса оспы”.

Лейбниц писал примерно тоже самое: “Очевидно, что Бог придает большее значение человеку, нежели льву; однако, с трудом можно уверенно сказать, что Бог предпочитает одного человека всему племени львов”.

Право на жизнь имеют не только животные, но и растения: “Я могу полюбить какое-нибудь дерево больше, чем человека”, — сказал Бетховен.

Джон Мюир полагал, что целью природы при создании как животных, так и растений является прежде всего счастье каждого из них. Как нам не следует уменьшать счастье людей, так нам не следует уменьшать счастье животных, трав, деревьев. Можно предположить, что счастье дерева состоит в том, чтобы расти. Чем старше дерево, тем больше у него права на жизнь.

Кстати, если наделить животных и растения равными правами на жизнь, тогда возникает любопытный вопрос к сторонникам вегетарианства; почему поедание растений должно быть этически более желательным, чем поедание животных?

Все живое в природе несет в себе право на жизнь, и признание права на жизнь есть одновременно признание нашей обязанности уважать это право. Вместе с тем все неживое в природе (скалы, реки, земля, экосистемы, участки дикой природы, даже облака) несет в себе право на существование, а признание права на существование есть одновременно признание нашей обязанности уважать это право. Они имеют это право вне зависимости от пользы для человека. Что касается скал, то наверное, их счастье состоит в том, чтобы оставаться такими, какие они есть.

Современная общественная забота о защите природы должна привести к присвоению участкам и неживым элементам дикой природы право на собственное сохранение. Нужно научиться уважать их за то, что они сами по себе представляют: независимые от нас, сложные, разнообразные, имеющие долгую историю эволюции и выживания.

Скалы или реки имеют кроме всего прочего ценность, происходящую от блага, содержащемся в целом (то есть природе), частью которой они являются. Существование скал, экосистем, участков дикой природы хорошо само по

себе, их существование есть добро, а мы должны стремиться не уменьшать количество добра в мире, а значит, стараться их сохранить. Как писал Новалис — “Разве скала не становится особенным Ты, когда я обращаюсь к ней?”

С точки зрения экологической этики нам следует защищать живую и неживую природу от уничтожения, скажем сельским хозяйством или промышленностью. Но экологическая этика не обязывает нас защищать природную жертву от ее природного хищника, а скалу от разрушения солнцем, ветром и водой.

Обладание правами на жизнь или существование предполагает судебную защиту. Точно так, как мы создаем “искусственные лица” (например, корпорации) и представляем им правовой статус, позволяя реальным физическим лицам представлять их интересы в суде, точно так же мы можем сделать это по отношению к муравью или горе. Это станет не более чем расширением существующей практики.

Жизнь, как процесс в эволюционном времени, поддерживает увеличение разнообразия и богатства. Живые существа и неживые участки природы имеют свою историю, независимую от человека, и поэтому — свою ценность. Кроме того, они обладают присущей ценностью и подлинным достоинством. Они живут и существуют ради самих себя, а не для удобства человека и не являются “ресурсами”. Их длительное существование в природе можно считать залогом неоспоримого права на существование.

Не следует верить, что человеческая жизнь является наивысшем и единственным благом. Напротив, определенное благо есть в жизни любого существа, в существовании любого природного объекта.

О красоте дикой природы

Открылась бездна звезд полна.
Звездам числа нет, бездне дна...

М. Ломоносов

Мне хочется сказать несколько слов о красоте свободной природы. Мне кажется, наше заповедное дело очень страдает от того, что мы не обращаем внимания, или стесняемся говорить вслух об эстетической ценности свободной природы. Наши искания природной красоты, наши стремления к природной красоте, наше слияние с природной красотой должно составлять половину нашей духовной жизни. При встрече с ней мы обязаны вести себя особо, ибо “нельзя пред вечной красотой не петь, не славить, не молиться”.

Красота — это обещание счастья. Обычное описание Рая — это картина дикой природы. Красота свободной природы есть совершенная красота, сверх красота и всекрасота, без начала и конца, без всякого изъяна — источник и прообраз всякой красоты и всех красот. Что может быть предивнее красоты дикой природы? Ее красота есть свет, по сравнению с которой свет солнца — тьма. Неизречимы и неописаны молниеносные блистания природной красоты, ни слово не может их выразить, ни слух вместить. Ее свет невыразим человеческим языком, но открывается способным видеть духовно.

Джон Рескин говорил: “Чистую любовь к природе всегда вызывает во мне природа дикая, то-есть места, совершенно естественные и, преимущественно, оживленные реками и морем. Тут чувствуется сила, и свободная, ничем не нарушаемая власть природы. Все, приближающееся к ней, стремится к красоте, все удаляющееся от нее, склоняется к безобразию”.

Метафизический смысл абсолютной красоты дикой природы всегда тождественен идеалу святости. В человеческом же мире красота дикой природы замутняется, умаляется либо отвергается вообще. Ибо все, к чему прикасается человек, теряет совершенство.

Красота дикой природы не знает границ. Переживание ее эстетической ценности подразумевает наличие неожиданных. Восход солнца может обладать внезапностью грома. Объекты же искусства часто имеют пространственные и временные границы.

Дикая природа всегда красива и никогда уродлива. Уродство — от человека. Очистите озеро и лилии погибнут. Причем, по настоящему красивым, как тут не согласиться с Кантом, бывает только то, что не имеет пользы. Природа должна цениться ради нее самой, а не возможной пользы. Уже просто ценить существование природной красоты — значит делать доброе дело.

Природа всегда хороша, в каком бы виде она не являлась перед нами. “Когда идет дождь, мне кажется, что я вижу прекрасную плачущую женщину — она кажется тем более прекрасной, чем более она печальна”, — сказал поэт.

Красота дикой природы врачует метящуюся душу. “Когда созерцаешь горные леса и бегущие по камням реки, сердце, замутненное мирской грязью, постепенно очищается”, — учили философы Поднебесной империи. Власть красоты дикой природы бывает так сильна, что заставляет забыть не только горе, но и любовь.

Американский экофилософ Юджин Харгроув считает, что красота природы имеет три категории: живописная (миловидная), красивая и величественная, последней дается наивысшая оценка. Такой может быть только природа дикая, не тронутая человеком. Атрибуты, предназначенные для Бога, должны применяться к величественным природным объектам, вызывающим чувство ошеломления, величия и благоговения. Кант писал: “Высокие дубы и уединенные рощи возвышены, цветочные клумбы, низкая изгородь и затейливо подстриженные деревья прекрасны”. Наиболее красивые дикие участки земли — это сочетание гармонии и хаоса. Величественное — эстетика бесконечного.

Бэрд Кэлликотт справедливо замечает, что “преобладающая среди населения сценическая или пейзажная эстетика “загоняет”, если так можно выразиться, природу в “галереи” — национальные парки для просмотра обычным лю-

дям, далеко от их дома. Мы толпами валим в Йеллоустон, Йосимит и Курилы поглядеть на природную красоту и затем, по возвращении домой, презираем наши местные болота и озера”. Но ведь в дикой природе часто за кажущейся красотой скрывается невиданное богатство. Олдо Леопольд говорил, что “наша способность воспринимать красоту в природе, как и в искусстве, вначале ограничивается красотостью. Мало-помалу, поднимаясь с одной ступени на другую, мы постигаем высшие ценности, для которых в языке еще нет слов. И красота журавлей, по-моему, заключается именно в этих высших качествах, пока недоступных словам”. Невозможно любить журавлей и ненавидеть болота.

Самая красивая природа — дикая. Самая прекрасная женщина — свободная. Красота дикой природы, как и красота женщины, не создается, а открывается. Она была, есть и будет независимой от человека. Нам же остается, как однажды сказала Сафо, лишь благоговеть “богомольно перед святыней красоты”.

У японцев природная красота имеет несколько различных понятий: “саби” — красота старого природного объекта — векового дерева, замшелого валуна; “юген” — красота и прелесть незавершенности; “ючэн” — красота невидимого, таинственного; “фуча” — красота покоя; “мудзе-ноби” — красота непостоянства, рождающаяся сама по себе в данный момент, когда на человека сходит дар божества красоты.

Красота дикой природы превращается в немое и каменное безмолвие без особо эстетически заметных диких видов. Что саванна без жираф и слонов, Гималаи без горных коз, африканские болота без аллигаторов? И тогда, как сказал Алкмен: “Горные вершины дремлют, долины, скалы и пещеры молчат”.

Эстетическое становится спорным, если делает жизнь не стоящий жизни. Окрашенная фабрикой в радужные тона заповедная речка не может считаться эстетически ценной, ибо заводские стоки убили в ней всю жизнь. Этические мотивы в природоохране должны управлять эстетическими оценками.

Некоторые истолковывают красоту свободной природы вместе с “рекреационным использованием”. У этих людей, верно, в жилах перетекает моча, а вместо глаз вращаются стеклянные шары. Красота свободной природы самоценна сама по себе. Как и красота милой, которую любят за эту самую красоту, а вовсе не за то, что она вкусно

варит борщ. Любоваться красотой можно даже просто так, без взаимности или ожидания чуда. Это тоже есть благо, и это есть правильно. Гомер, увидев прекрасную Елену, ослеп от ее красоты.

Восхищаться красотой дикой природы, особенно природы величественной, нужно осторожно: не много, не сразу, не часто. Бытует взгляд, что красота дикой природы создана только для восхваления Господа. Это не совсем так. Она существует и для восхваления любимых. Недаром только им дают имена цветов. “Так же как женские чары тем же влекут человека. Так и природы краса вечно призывна для нас”, — писал Андрей Петрович Семенов-Тан-Шанский. Мгновение, когда ты впервые увидел созвездие Южного Креста, северное сияние или глаза с раскосинкой — это новая эпоха в твоей жизни. Прав Владимир Соловьев: — “человечество захватывает только две лирические темы: вечная красота природы и бесконечная сила любви”.

Шелли писал: “Солнце тепло и море тихо; с улыбкой смотрит небо; синеву островов, снег гор увенчивает золотой блеск вечера. Как звездный поток, синева волн тихо плещет в край берега ... Прилив блестит искрами, как светящаяся руда, и в вечернем пожаре искры поднимаются к берегу... Да, здесь даже отчаяние мягко, как шум вечера, море и река; как усталое дитя, хотел бы я выплакать эту жизнь, полную досады, которую я переносил и должен нести...” Величайший лирик Англии увидел красоту свободной природы и пение возлюбленной зазвучало только для него одного.

Все, что в природе красиво — правильно. И все, что неправильно — некрасиво. Дикая природа олицетворяет собой добро, истину и красоту. Но без красоты добро и истина окажутся безжизненны. Утрата красоты дикой природы представляет собой утрату общего добра в мире. Поэтому сохранение идеальной сущности красоты как добра и истины может считаться важным подходом в защите эстетической ценности дикой природы.

Для того, чтобы любоваться красотой свободной природы, нужно дистанцироваться от повседневных личных нужд. Так и неземную красоту земной женщины может узреть лишь тот, кто обладает чистотой видения. Гельдерлин писал: “Как поток у бесплодных берегов, где ни один ивовый лист не отражается в воде, бежал мимо меня ничем украшенный мир; как волна океана обливает берег блаженных

островов, так обливало мое беспокойное сердце спокойствие божественной девушки”.

Сохранность красоты дикой природы есть накопление ее ценности. Ценность таких мест возрастает с каждым днем. Только люди это понимают слишком поздно.

Красота природы должна обладать правами. Почему река не может подать в суд на завод не только за загрязнение ее вод, но и за гибель ее красоты? Человек, незаконно срубивший липу, будет оштрафован, но если отрежет пару веток, лишив дерево красоты, то не попадет под статью. Справедливо ли это? Красивый лес из малоценных пород должен обладать большими правами, нежели некрасивый лес из ценных хозяйственных пород. Чем великолепнее скала, тем больше у нее права на существование.

Реальность теряет свою почву и грешную душу, когда на нее сходит небесное зарево красоты. Красота свободной природы является как внезапная истина, духовное прозрение, дающее единение со Вселенной. Она есть “жизненная энергия в высшем своем напряжении”. Александр фон Гумбольдт вспоминает: “Едва настала ночь, как море вокруг нас представило величественный, достойный удивления вид. Насколько можно было видеть, весь океан казался в огне. Каждая разбивающаяся волна освежалась на своей вершине ярким блеском, походившим на свет фосфора, а вдоль боков корабля набегающие волны освещали яркую, огненную линию... В этом явлении было нечто особое и величественное, так что нельзя было воздержаться, чтобы не думать с почтительным восторгом о Творце, всемогуществе которого производило это зрелище”.

Красота дикой природы ассоциируется со свободой, она является выражением свободы. Такую свободу она приобретает только в полных заповедниках. Дикую природу нельзя делать доступной. Потеряв пустынную, она растеряет красоту. Нельзя ее сделать и красивой, красоту можно только сохранить.

Красота свободной природы — это переменчивое благо, находящееся вне разума и чувства человека. Как далекие, постоянно меняющиеся облака, что “создают себя и уплывают”.

Несколько эстетических выводов в заключение:

1. Лягушка также прекрасна как ангел Серафим.
2. Желтый нарцисс улучшает мир одним своим существованием.
3. Мы будем счастливы до тех пор, пока не научимся “ловить” луну, звезды и солнце.

Метафизический взгляд на древние леса

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды.

А. Толстой

Наблюдая со стороны за полемикой, которая ведется рядом российских природоохранных организаций (Лесной клуб, Центр охраны дикой природы, Российское отделение “Greenpeace” и др.) с лесозаготовителями, решившими порубить старовозрастные леса в Карелии, я вдруг заметил, что друзья лесов практически не имеют своей идеологии. Или, вернее, их идеология убога, и основывается, по-старинке, на ценностях “развитого социализма”. Они ведут бой не на своем поле, а на поле оппонентов, и в основном, обороняясь. Все аргументы и контраргументы крутятся только меж трех ценностей карельских лесов: экономической, естественно-научной и экологической.

Такая идеология не позволяет увидеть за деревьями леса. Даже термин природоохранникам был навязан лесопромышленный — “старовозрастные леса”, и они его безропотно приняли. Не говоря о том, что он режет ухо каждого нормального человека, знакомого с Чеховым и Толстым. Этот жаргонный термин как бы нарочно упрощает проблему в пользу лесорубов (леса уже старого возраста, значит их нужно срубить и заменить молодыми). Я же назову эти леса иначе — древние леса. Древние леса — это богатство двух миров:

не только материального, но и духовного. Они — символ творения и терпимости, место мира и гармонии с Богом. В конечном итоге древний лес — значит мир.

Термин “древний лес” подчеркивает первозданную от Адама существовавшую природу, которая очаровывала людей и заставляла защищать ее. По моему мнению, он обеспечит звучную метафору для консолидации усилий по защите старых дремучих лесов.

Древними могут быть только природные леса, старовозрастными — плантации древесины. К древним лесам нельзя относиться как к объектам хозяйственного или экологического интереса. Они — сфера нашей моральной озабоченности.

Невозможно сравнивать экономические и идеальные ценности древних лесов. Во-первых, они не сравнимы. Во-вторых, это все равно, что оценивать Мону Лизу стоимостью холста и деревянной рамки. Нужно искать в древних лесах не только пользу. Как сказал Пол Саймон — “я предпочел бы быть лесом, нежели улицей”.

Еще Олдо Леопольд призывал прекратить думать о хорошей земле, как исключительно об экономической проблеме и начать рассматривать каждый вопрос с позиций того, что является этически и эстетически правильным, также как и что является экономически целесообразным. Чтобы спасти древние леса, мы должны научиться мыслить так, как мыслят они.

Очень жалко, что никто из лесозащитников не заинтересовался нашим российско-украинским проектом “Любовь к природе” (Гуманитарная экологическая инициатива), который мы разрабатываем вместе с московским экологом Евгением Симоновым. Одна из задач проекта — разработка идеологии охраны дикой природы. Суть подхода заключается в том, что человеческие поступки диктуются мотивами. Так, природоохранные действия определяются почти двумя десятками мотиваций. Чем больше затрагивается мотиваций, тем значительней и шире общественная поддержка природоохранного проекта.

Мотивации, в свою очередь, опираются на защиту тех или иных ценностей дикой природы. Так, эстетическая мотивация

исходит из желания спасти от гибели красоту природы. Если в защите лесов мы не задействуем ее, то определенное количество наших потенциальных сторонников, сердцу которых близка красота леса, скорее всего окажутся за бортом.

В начале 80-х годов я служил в Карелии, воочию видел это чудо — древние леса. Поэтому неплохо знаком с предметом полемики. Более того, в своем эссе я хотел поднять вообще проблему защиты различных древних лесов — и Карпат, и Урала, и Сибири, и Кавказа, и белорусского Полесья (взяв карельские только для примера), причем с использованием более широкого набора аргументов, чем это обычно делается. Я заведомо опускаю экономические, естественно-научные и экологические ценности — о них уже сказано достаточно и без меня.

Надеюсь, что мои заметки будут способствовать разработке идеологии охраны древних лесов, без которой трудно остановить бойню бензопилы.

Древние леса как колыбель грез

От первозданных лесов веет правдой. Они — часть “географии надежды”. Они — способствуют появлению мечты. Они — блаженство для многих существ.

В древних лесах прячется экологическая мудрость, добро, истина и красота. Они — критерий гармоничности, морального совершенства, и имеют метафизическое значение. Вильям Водсворт верил в моральные импульсы, излучаемые древними лесами. “Только в лесах можно обрести мир” — сказал Микеланджело. “Есть удовольствие быть в древнем лесу, в нем как в обществе, где все равны”, — заметил Байрон.

Эмерсон писал: “У врат леса изумленный человек света вынужден оставить свои городские оценки большого и маленького, мудрого и глупого. Ноша обычаев падает с его спины с первым шагом, который он делает в эти пределы”.

В древних лесах царит дух миров и предрассудков. Тысяча лет здесь может показаться днем. Однажды один мо-

нах слушал пение птиц в древнем лесу три минуты и обнаружил, что за это время истекло триста лет.

Первозданные леса представляют собой место, где мы встречаем явления из другого, более вечного мира, который нарушает течение времени в нас самих. Перефразируя Генри Торо — в древних лесах находится сохранение мира. Они — источники жизни.

Самый короткий путь во Вселенную — через девственные леса. Правильным отношением к ним будет не лесоповал и превращение в целлюлозное кладбище, а восторженное уважение.

Счастье — это дикий, древний, неуправляемый лес.

Древние леса как историко-культурные музеи

“...Свободная природа во всех своих нетронутых человеком участках есть великий синтетический музей, необходимый для нашего дальнейшего просвещения и умственного развития, — музей, который, в случае его разрушения, не может быть воссоздан руками человека”, — писал пионер охраны природы А.П. Семенов-Тянь-Шанский. Древние леса, кроме природной ценности, сохраняют еще следы культуры времен и народов. В них царит дух благочестия перед древностями. Следы древних городов, культурные захоронения, народные лесные промыслы, сказания, легенды, связанные с конкретным местом и отражающие какие-то грани жизни человека прошлого — имеют необыкновенную культурную ценность. Уничтожение древних лесов — это гибель культуры многих народов.

Культурная ценность объектов — важный аргумент в их охране. Возраст (древность) культурных элементов значительно повышает ценность природных объектов. Их утрата должна восприниматься не только как коллективная, но и персональная утрата. Для многих людей очень важно, что на этот пейзаж или древний лес смотрели люди на

протяжении веков — это дает им культурный опыт. Такой возврат к древним временам позволяет почувствовать единство с природой и временем.

С другой стороны, древний лес и сам по себе имеет историческую ценность, благодаря особому типу преемственности с прошлым. Первозданный лес — это исторический документ, исток информации о человеческом прошлом. В нескольких квадратных метрах древнего леса содержится больше информации высшего порядка, сложности и комплексности, чем во всех библиотеках человечества.

Эта лежащая в основе история обеспечивает подлинность древних лесов. Когда мы восхищаемся древним лесом, мы восхищаемся и ее историей. Таким образом, древние леса представляют историко-культурную ценность двумя путями: культурным и природным.

Необходимо восстановить культ древних лесов.

Древние леса как родовое наследие и символ

Древние леса — родовое наследие карелов. Наследие, которое досталось им по праву рождения, и мы обязаны помочь им передать его в сохраненном виде будущему. Древние леса Карелии являются символом этой республики. С ними связаны карельское искусство, фольклор, язык.

Древние леса как вместилища красоты

Ни литература, ни живопись средних веков не воспевали красоту леса. Только в XIV веке Петрарка первый открыл и почувствовал его поэзию. Стихами, полными преклонения перед лесной красотой, он звал туда сограждан.

Родоначальником лесного пейзажа считается итальянский художник Фра Филиппо Липпи.

Древний лес не может существовать без мертвых деревьев, придающих ему особую красоту. Один путешественник писал: “Вид мертвых деревьев, возвышающихся над темными водами озера, производит волшебное впечатление, а главное — выглядит очень красочно. Мертвые деревья, уходя корнями глубоко в расщелины, похожи на джинов, сидящих на берегу и охраняющих священные воды”.

Многие нации успешно используют природную эстетику древних лесов в моде, рекламе, музыке, дизайне, танцах, песнях и т.п. Сохраняемая в древних лесах красота превращается в мощную производительную силу особого значения, которая оказывает огромное влияние на материальное и духовное развитие человека.

Она влияет и будет влиять на религию, философию, искусство, науку, спорт. К девственным “лесам, где колыбель грез” будут стремиться за вдохновением поэты, художники и композиторы.

Придет время и окажется, что сохраняемая древними лесами природная красота превратилась в бесценный эталон, меру и критерий прекрасного, великого учителя и вдохновителя муз. В таинственном молчании глухих древних лесов будут зарождаться наиболее возвышенные произведения, создаваться красивые поэтические образы.

Надо отметить, что красота карельских лесов особенно выдающаяся и мало имеет себе равных, так как сопряжена со множеством чистых озер и холмистой местностью. Что ни пейзаж там, то свой мятеж цветов и звуков”.

Пионер охраны природы Е. Тимонов писал, что “для непрерывного роста национальной культуры каждый народ должен оберегать ее корни в первоначальной природе”. Корни национальной карельской культуры находятся в древних лесах Карелии. Утрата же красоты природы отрицательно сказывается на духовном здоровье народа, способствует распаду духовных основ нации.

Красота, данная дикой первозданной природой — ее высокий и самый прекрасный дар. Именно в красивом лесу Будде открылись четыре великие истины.

Как море, древний карельский лес всегда красив. Каждый сезон украшает его по-своему. Необходимо добавить, что лес нельзя считать только элементом красоты, ибо он сама красота. И эта красота тем выше, чем меньше человек притрагивается к первозданному лесу. В древних лесах Карелии есть нечто такое прекрасное, что лучше оставить невысказанным.

К сожалению, современные кампании по защите древних лесов в основном сформулированы на языке экологии и защиты биоразнообразия. Но что понятно биологам, вряд ли будет ясно большинству населения. Именно ошеломляющая красота древних первозданных лесов заставляла бы многих людей сказать свое слово в их защиту. Она представляет собой эстетическое добро, и образует часть общего добра, которое существует и должно существовать в мире. Требовало и требует нашей защиты.

Древние леса — это чудо бытия.

Древние леса как колыбель и дом нации

Карелы — лесная нация, она родилась и живет в лесах. Леса — это ее дом. Топор, который ударяет по дереву, становится топором, который будет бить по всей нации. Еще Александр фон Гумбольдт заметил, что национальный характер во многом зависит от географических влияний.

Культуролог Симон Чама писал о древних еловых германских лесах как воплощении военного духа, широколиственных английских как проявлении вольностей и свободы, горных лесах Америки как ощущении трансцендентальной связи человека с создателем, о дубовых Польши как воплощении борьбы за национальную свободу.

Немецкий этнограф Г. Риель полагал, что немецкая “деревня без лесов подобна городу без исторических зданий, без памятников, без художественных музеев, без театра и музыки, вкратце без социального и художественного стилизования (...). Немецкий народ нуждается в лесах так же, как человек нуждается в вине”... Риель провозглашал: “Мы должны сохранять лес не только для того, чтобы очаг не остывал зимой, но также для того, чтобы Германия оставалась Германией”. А Бисмарк назвал “высокий лес” национальным символом Германии.

Как еще не вспомнить и высказывание американского писателя У. Стегнера, который утверждает: “Мы безусловно лишимся многого как нация, если дадим умереть дикой природе”.

Многие немногочисленные коренные народы привыкли жить в древних лесах. С их уничтожением они погибнут.

Сохранение древних лесов нельзя не связать с такой вещью как патриотизм. Английский философ Дж. Рескин говорил: “Может быть в этом созерцании разных картин природы заключается источник многих великих идей, руководящих миром, и основа так называемого патриотизма”. Карелию нельзя представить без величественных древних лесов. Без любви к ним невозможна любовь к Карелии. Думается, в республике Карелии имеется достаточно национальных обществ, патриотов своего края, которые смотрят на свои древние леса не только с точки зрения экономической выгоды.

Лечебно-рекреационная ценность древних лесов

Учеными давно подмечена терапевтическая ценность лесов, в том числе древних. Известны случаи, когда тяжелые болезни вылечивались общением с первозданным лесом, благодаря включению психосоматических механизмов саморегуляции и поддержания тонуса. Недаром ма-

ри-язычники считали, что “не через молитву и церковь оздоравливается и очищается человек, а непосредственно через природу”.

Возможно, обновление души и тела — величайшая услуга древних лесов, ибо что стоят материальные вещи, если карелы теряют характер и качество народа, который суть души Карелии?

Дикие леса, не испорченные человеком, благоприятно влияют на больного трижды: во-первых, вызывают положительные эмоции; во-вторых, снимают стресс, восстанавливают силы; и в-третьих, усиливают производительные “познавательные функции высокого порядка”.

Посещение древних лесов делает человека не только здоровее, не только лучше, оно делает его новым. Отдых в древних лесах становится совсем другим, чем в городе. Здесь нет места шумным развлечениям. Туда стремятся в поисках одиночества и медитаций, или для того, чтобы уйти от мира. Ценность отдыха в глуши древних лесов измеряется не цифрами, но полнотой переживаний.

Особенно хороши и привлекательны леса в июле-августе, пору грибов и ягод, а также в феврале-марте, когда наступают время лыжников. Охота, санаторное лечение — вот сильная сторона древних лесов Карелии. Не к топору, а к организации национальных парков, охотничье-рыболовных хозяйств, туристических маршрутов, курортов и лечебниц должно склоняться руководство Карелии.

В силу своего геополитического расположения, Карелия может и должна стать всероссийской здравницей для европейской части России.

Приходите в древние леса только за добрыми вестями.

Древние леса как храм

Древние леса своим величием, своей таинственной тенью производят возвышающее впечатление на каждого входящего в них и возбуждают в его душе мысль

о близости божества. Древний лес — это то редкое место, где может быть найдено религиозное вдохновение или сам Бог. Взгляд на дикий и древний лес поднимает человека к религиозным мыслям, которые служат связям между ним и бесконечным, и крепче привязывают нас к его чудесам и красотам. Такой лес становится своего рода храмом, местом покоя, вдохновения и молитв. По крайней мере именно так ощущали древний лес многие язычники.

Исследователь священных мариийских роц Н. Морохин писал, что для мари такие древние священные рощи являются “непорочными посредниками” в общении с высшими силами. Мари говорят о таких местах: “Дивный был пенек, вместо напоя нам служил. Дивное было лесное озеро, вместо золотой купели нам служило..., вместо блестящей церкви служил густой лес. Деревья служили вместо золотых подсвечников..., с причтом лесные птицы воспевали”.

Древние леса пробуждают нашу тягу к религии и понимание того, что мы должны быть довольны тем, что имеем.

Многие писатели описывали посещение древнего леса как священного места (“святоощущения” природы), где их чувства достигали экстаза и представляли значимые переживания в их жизни. Когда дикий, старый лес порождал впечатления “расстроганности духа, которые вдохновляют и прокатываются через все сущие вещи”.

Многие старинные соборы очень похожи на древний лес. Их гигантские колонны будто вырастают из земли и стремительно взмывают ввысь, вплетаясь в бесчисленное количество линий и разветвлений. Огромные окна рассекают стены, являясь источником таинственного света. Все это — архитектурное подражание первозданному лесу с его загадочными рисунками, никогда не умолкающей листвой. Звучащая в соборах органная музыка является ничем иным, как отображением дивной музыки девственного леса, выражая благоговение перед двумя величиями — Богом и его творением — диким лесом.

О такой важной ценности древних лесов как религиозная не надо стесняться говорить. Есть люди, чувств которых не затрагивает церковь: они являются пантеистами и язычниками. Они исповедуют натуралистическую религию. Такие люди не любят литургию в помещении, предпочитают одиночество в старых лесах. Чем древнее лес, чем меньше трогала его рука человека, тем лучше.

Поскольку Конституция защищает религиозную свободу, то до тех пор, пока древние леса способствуют таким религиозным проявлениям, их следует охранять.

Древние леса — это “страна Бога”.

Древние леса как крепость Отечества

Никогда нельзя забывать оборонного значения больших высокоствольных массивов. Партизанская война с французами в 1812 году лишила Наполеона надежды на победу. Партизанские края в Брянском лесу, Путивльских и Белорусских чащах, Кавказском, Воронежском и Крымском заповедниках стоили немцам немалой крови. Зеленые крепости древних лесов никогда не были сданы врагу.

Охрана древних лесов ради них самих

Внутренняя ценность древних лесов и по сей день не числится в аргументах наших природоохранников. А жаль.

Древние леса имеют врожденное право на существование. Это моральная категория. Она существует независимо от нас, нашего сознания, как, скажем, законы математики. Древние леса имеют внутреннюю ценность как сообщества дикой жизни, вне зависимости от ее полезности для

людей. Они ценны сами по себе. Признание внутренней ценности древних карельских лесов требует создания там новых и обширных заповедников.

Мы должны научиться ценить и уважать древние первозданные леса не только за их красоту и нравственность, но и за их дикость, вызов и противодействие. Древние леса не должны существовать лишь ради удобства человека, они не являются ресурсом, так как обладают присущей ценностью, независимой от людей и подлинным достоинством.

Древние леса являются частицей той Матери-Природы, из которой вышел человек. Сыновий священный долг — заботиться о ней. И наши моральные обязанности перед природой, как и перед древними лесами, не могут являться предметом торга.

Древние леса как место обретения мудрости

В древних лесах начались многие великие учения и религии. В Индии существует специальная категория древних лесов — "танован" (лес самонаказаний), где мудрецы пребывают в поиске истины. Под их охраной находится все живое. Даже цари, нарушавшие святость в своем охотничьем азарте, должны быть наказаны.

Традиция поселяться в дремучем лесу с целью обретения мудрости существовала среди монахов и отшельников и в России.

Права древних лесов

Лесное право требует своего расширения в сторону этической защиты древних лесов. Дело в том, что любые живые организмы, так же как и их сообщества, в том числе деревья и леса, имеют свои собственные интересы, независимые и непроецируемые от человеческих интересов. Значит, таким объектам могут быть предостав-

лены дополнительные законные права. Леса имеют право на жизнь, на возобновление, на воду и свет, полноценную почву. Чем старше леса, тем больше у них прав. Вместе с тем это не означает, что леса или отдельные деревья должны обладать теми же правами, что и люди.

Точно так, как мы создаем "искусственные лица" (например, корпорации), и предоставляем им правовой статус, позволяем реальным физическим лицам предоставлять их интересы в суде, точно так же мы можем сделать это по отношению к лесам. Это будет не более чем расширение существующей правовой практики.

Если мы при помощи правовой процедуры можем защищать счастье людей, то почему точно так мы не можем встать на защиту счастья древних лесов?

Неосознанные ценности древних лесов

Еще очень много в мире находится вне человеческого опыта, и ценность этого не всегда можно измерить. Без сомнения, перечисленные ценности древних лесов не охватывают всех их "полезностей". Например, американский экофилософ Холмс Ролстон III называет еще такие как ценность разнообразия и единства, сакраментальная ценность, ценность стабильности и спонтанности, диалектическая и отрицательная ценности.

Продвигаясь в девственные леса, человек уничтожает все: деревья, цветы, птиц, зверей, поэзию. Когда рубят живое дерево, оно становится всего лишь древесиной.

Какой толк в том, чтобы завоевать древний лес только для того, чтобы потерять его — завоевать экономически, как кубометр древесины, чтобы потерять с духовной, культурной, эстетической, рекреационной, научной, этической, религиозной точек зрения? Потерять страну чудес, и в этой сделке, может быть, и часть своей души?

Переизобретение традиций: священные рощи — заповедники будущего?

Сначала надо навести порядок
в почитании демонов и духов,
а затем уже заниматься заповедным делом.

В. Борейко

И в посеидонову сосновую рощу
Вступает он с благочестивым страхом.

Шиллер

Где можно обнаружить источники экологической духовности? Духовности, что утверждает ценности, поощряющие жизнь; сакральность земли, уважение ко всем травам и тварям, сострадание к слабым и отверженным? Эти идеальные ценности, обряды и поведенческие установки порой считаются “суевериями”, и запрятаны они глубоко в памяти народа. В его “языческой прапамяти”.

Американец Бэярд Кэлликотт насчитал четыре вида народной экологической мудрости: 1) утилитарная охрана; 2) религиозное понимание; 3) экологическая осведомленность; 4) экологическая этика. Они представляют собой ролевую модель, которую мы можем использовать и попытаться превзойти.

При помощи народных традиций, фольклора, религии мы постараемся познать метафизическое откровение дикой природы, благодаря чему развить с ней новые взаимоотношения, основанные на восхищении, уважении и признательности.

Язычники, приближаясь к дикой природе, когда идут через нее, или когда ловят рыбу, охотятся, рубят деревья, прежде просят разрешения у духов земли, гор, лесов, ручьев и зверей. Они не берут у природы больше, чем нужно, и не берут

без спроса. Они также стараются всегда вернуть природе, что берут, выплачивая свой долг. Окружающая их дикая природа священна, а разливы рек, игра рыб и прилеты птиц становятся танцем Божиим.

В ситуации, пока наша мораль и законы не могут обеспечить сохранение дикой природы, стоит попробовать обратиться к испытанному “бабушкину средству” — народным экологическим традициям и предрассудкам, мифам и легендам, которые по сей день имеют огромное влияние на общественную психику.

Н. Морохин пишет: “Весьма конкретные знания об окружающей человека среде даст сказка и предание. Лирическая песня ориентируется на эстетическое восприятие среды, окружающей человека. Легенда и миф заставляют задуматься об общих законах функционирования Пословица, примета, обрядовое действие формирует экологически оправданное поведение (...). Эпическая песня о природе повествует о жизни зверей и птиц, будит обращенные к ним эмоции, утверждает их ценность и уважение к ним, закрепляет передаваемые экологические табу”.

По мнению североамериканских индейцев, вся их земля, каждая ее крупица, была священна. На вопрос “Насколько она священна? они отвечали: — “Настолько, насколько она освящена богами”.

Они воспринимали Землю как живое существо, святую в каждом уголке. Индеец Черный Лось говорил о земле: “Каждый шаг, что делаем мы, должен быть сделан с молитвой о тебе”. Индейцы считали всю природу священной, но знали особые места, где ее духовная сила проявлялась наиболее ощутимо. Это были участки, где происходили значительные события истории рода. Они ассоциировались с особыми существами, которых нельзя вызывать до тех пор, пока человек не будет готов принять от них энергию.

В Древней Греции и Риме возникла несколько иная концепция святого места, которая оказала затем всестороннее влияние на мышление Запада. Идея ограниченного, за частую стеной, святого места. Это были храмы. Для них выбирались места, почти всегда отличающиеся определенными особенностями природы: зияющая пещера, красивое озеро, группа старых деревьев, горная вершина. Часто это были поразительной красоты пейзажи. В границах такого святого места запрещалась охота, рубка деревьев, сельхозработы. Это и был древний храм. В его стенах поселялся бог

и становился видимым. Здесь беженцы находили приют, больные — исцеление, жаждущие — мудрость.

Другой вид священного пространства представлял собой сельскохозяйственный участок под опекой духа или бога. Здесь выращивались плоды, которые затем шли в жертву покровителям. Учреждение “Божий акр”, как считает Д. Хьюз и Д. Сван довольно долго действовало в Европе.

Даже в древних городах имелись святые места, где охранялась природа. Храмы Вавилона были увенчаны зелеными рощами, египетские храмы окружались священными озерами и садами, в афинском Акрополе были священные пещеры, ручейки и кипарисы. Эти святые места были огорожены стенами для защиты от переполняющих улиц.

К сожалению, светское государство склонно отклонять религиозную суть священных рощ и других “народных” религиозных охраняемых природных территорий. Поэтому современное заповедное дело в странах СНГ игнорирует религиозную мотивацию, как один из возможных и значительных факторов усиления роли заповедных объектов в современном мире. В месте с тем религиозное влияние на создание и поддержание охраняемых природных территорий в странах СНГ огромно, так как глубоко связано с национальной историей, ландшафтом и культурой. Оно поддерживается словесной записью предписаний, очевидностью, суждениями несколько тысяч лет. Светское признание религиозных мотивов в заповедном деле может стать запоркой надежной охраны участков дикой природы в будущем.

Практика показывает, что светская политика заповедного дела не всегда находит понимание и поддержку на местах, где люди руководствуются религиозными мотивами. В связи с этим встает вопрос о религиозной классификации охраняемых природных территорий. Религиозная классификация может иметь мощный эффект на человеческое восприятие и позволяет распределить природные объекты по символическим нуждам человека. Хочется надеяться, что религиозная классификация достигнет законодательного уровня на светской арене политики и практики заповедного дела.

Несомненно, разработка религиозной классификации охраняемых природных территорий — дело будущего, а же для примера приведу религиозную классификацию для лесных заповедных объектов, предложенную индийскими и американскими специалистами М. Чандракантом и Д. Ром-

мом. По их мнению эта классификация имеет четыре уровня: 1) отдельные религиозные деревья; 2) храмовые (монастырские) леса; 3) священные рощи; 4) духовные ландшафты.

Отдельные религиозные деревья

Они символизируют целый ряд специфических человеческих положений, возможностей и ожиданий. Они могут являться проявлениями бога, отдельными представителями планет и звезд, символами природных элементов — энергии, воды, земли, воздуха, каждый из которых имеет свой собственный независимый и относительный смысл. Как источник социального сплочения, непрерывности и контроля, религиозные деревья влияют на человеческие действия. Некоторые деревья имеют связь с божествами, духами, являются тотемами. Религиозное “наполнение” дерева может зависеть от его природы, возраста или размера.

Священные рощи

Священной роща может рассматриваться благодаря месту, сути, истории или отношениям с другими социальными функциями. Священные рощи представляют собой скопления лесной растительности, охраняемые по религиозным мотивам. Эти рощи могут приравниваться к божествам, обеспечивать убежище духам, быть живым посланием предков, защищать освященные места от эксплуатации. Они могут содержать или нет отдельные религиозные виды деревьев. Священные рощи могут защищать похоронные места или формы живой природы, окруженные монументами предков. Иногда рощи обретают святость от священных источников, которые они защищают, от целебных свойств местности, или от диких священных животных, укрывавшихся в них. Как правило, они привлекают внимание во многих местах потому, что стали видимы среди расчищенных мест.

Храмовые (монастырские) леса

Эти леса также охраняемые, так как являются составной частью храмов и других религиозных институций.

Как правило, храмы сохраняют эти леса, как символ разделения светской и священной власти. Храмовые леса существуют для поддержания установленных функций храма и его ритуалов. Леса выращиваются и сохраняются вокруг храмов для повышения их чистоты и силы. Храмовые леса могут использовать качества религиозных деревьев и священных рощ в соответствии с концепцией храма.

Духовные ландшафты

В данном случае леса сохраняются с целью достижения форм ландшафта, устанавливающего гармоничное отношение человека и природы. Такие духовные ландшафты, как пример, имеются в южном Китае. Например Лонг Шан (Горный Дракон), Фенджинк Лин (Живописный лес), Иньянг Лин (Лес Иньянг), Фен Шуй (Вода-Ветер). Основой их является то, что различные ландшафты могут влиять на человеческое добро и зло.

Священные рощи в жизни и мифах

Я часто задаюсь вопросом: почему государственные природные заповедники, создаваемые государством по закону “навсегда”, на самом деле периодически прикрываются тем же государством, а местное население и власти ведут с заповедником перманентную гражданскую войну? Почему священные языческие рощи, такие же заповедные уголки, несмотря на все политические бури и засилье иных религий, существуют уже сотни лет и всячески оберегаются местным населением? Не потому ли, что религия и заповедное дело — две стороны одной монеты? Можно ли использовать туземные ценностные ориентации и механизмы языческих традиций в заповедном деле?

Священный заповедный лес вызывает у язычников благоговение и страх, с ним связывается целый свод строжайших табу, под его сенью происходят сокровенные родовые обряды, и жрецы узнают тайны мироздания. Лес становится прообразом храма, где колоннами служат стволы деревьев, а листва в своем полумраке и радужном свете — витражами.

Современные мариетцы так сравнивают свою священную рощу с церковью: “Дивный был пенек, вместо напоя нам служил. Дивное было лесное озеро, вместо золотой купели служило..., вместо блестящей церкви служил густой лес. Деревья служили вместо золотых подсвечников..., с притчем лесные птицы воспевали”.

Путешественник Е. Вейденбаум описывал священные рощи кавказских народов: “(горец) под страхом смерти не смеет похитить ни одной ветки, не унесет листка; на сучках вековых деревьев развешано оружие, принесенное в дар святыне; какой-нибудь давно отживший воин воткнул здесь в ствол дерева кинжал свой, и кинжал остался никем не тронут; дерево между тем ширилось и уже запустило кору свою по его рукоятку. Нечего и говорить, как богата растительность подобных рощ, так свято хранимых религиозным настроением жителей гор”.

И по сей день в Северной Осетии пассажиры, проезжая мимо священной рощи Хетага встают, снимают головной убор и кланяются в сторону народной святыни, добавляя: “Да будет святой Хетаг твоим другом и покровителем!”.

Эта заповедная роща издавна является особо оберегаемым местом, с которым осетинский народ всегда связывал верность духу единения, клятве побратимства и мужской чести.

По мнению известного этнографа Дж. Фрэзера, священные рощи созданы “самой природой для чистоты помыслов и мирного раздумья”, совмещая в себе религиозные и моральные ценности. Язычники использовали уединение в священной роще для погружения в Абсолютную красоту, Совершенное добро и Окончательное единство.

Люди народа чикула, живущие в Калифорнии, говорили о рощах красного дерева, что эти святыне леса являются воплощенными духами. Особенностью этих деревьев, по мнению индейцев, является то, что они затрагивают внутренние струны души человека. Человек ощущает здесь себя в безопасности и лишен гордыни. “Наше существование обретает смысл. Вот почему мы говорим, что лес красных деревьев подобен церкви, деревья обладают властью и живут”, — говорят индейцы. Святая роща с кельтского переводится так “чистое место в лесу”.

Интересно, что создание заповедных природных объектов поощрялось не только язычеством, но и в той или иной степени многими мировыми религиями — индуизмом, буддизмом, и в особенности исламом. Исламская концепция “химы” (защиты определенных зон) существуют со времен пророка Мухаммеда. Под “химой” подразумевается защита особых “ничейных” территорий. Там нельзя строить, пахать, разрабатывать полезные ископаемые. Считается, что мусульмане очень нуждаются в подобных заповедных территориях. Причем охране подлежат те области, которые нужны широкой общественности, а не отдельным лицам.

“Харин” — другая древняя “прозаповедная” мусульманская религиозная традиция. Это — ненарушаемая зона, которую нельзя использовать. Она часто ассоциируется с колодцами, источниками, подземными водами, реками и деревьями, посаженными на бесплодной земле. Этими заповедными объектами, как завещал Мухаммед, следует управлять с особой осторожностью.

В Китае народ дайцы имеют свой аналог священных рощ, которые именуются как священные холмы или “нонг” на их языке. Согласно традиционной концепции этого народа святой холм является поросшим лесом небольшим возвышением, где обитают боги. Все растения и животные, населяющие святой холм — либо компаньоны богов, либо святые существа в божьем саде. Кроме того, дайцы верят, что духи великих и почитаемых старейшин после ухода из мира живых отправляются на святой холм. Святые холмы являются важным визуальным элементом в современном ландшафте данной провинции Китая и встречаются повсюду вокруг деревень народа дай (примерно так, как это обстоит с современными священными марийскими рощами в Нижегородской области России), так же как рисовые поля, домашние сады и леса для получения топлива. В провинции Ксихуангбанна, где живут дайцы, насчитывается около 400 священных холмов, занимающих площадь от 30000 до 50000 гектаров (от 1,5% до 2,5% общей площади провинции).

На святых холмах от посягательства людей охраняется вся растительность, фауна и источники воды. Собирачество, охота, рубка деревьев, сельхозработы здесь зап-

рещены народными традициями. Дайцы даже не хоронят здесь своих умерших. Нарушения традиций могут повлечь гнев богов. Старинный священный дайский текст гласит: “Деревья на святых холмах рубить нельзя. В этих лесах вы не имеете права рубить деревья и строить дома, если не захотите злить духов, богов или Будду”.

Существует два вида святых холмов. Первый, Нонг Ман — холм с естественной лесистостью, от 10 до 100 гектаров, которому поклоняются жители близлежащей деревни. Там, где несколько прилегающих друг к другу деревень образуют единую, большую структуру, имеется другой тип, называемый Нонг Менг. Лесистые холмы этого второго типа занимают намного большую площадь, часто сотни гектаров, и они почитаются всеми людьми этих соседних деревень. Свое уважение к святым холмам дайцы проявляют не только поддержанием их святости, но и регулярными подношениями в надежде на то, что это умилюстит богов и защитит их здоровье и мир.

Вместе с тем в последнее время часть святых холмов повреждена разрастающейся промышленностью или на них посажены каучуковые деревья.

Сенека писал о священной роще: “Если вы наткнетесь на рощу старых деревьев, которые выше обычных, и заслоняют небо мраком своих спутанных суков, то вы ощутите там некий дух, настолько величественны деревья, так одиноко место, так удивительна густая непробиваемая тень”.

В Польше священная роща называлась роком или урочиском, и когда в страну вторгались захватчики, по всем селам развозились ветви из этой священной рощи, что объединяло поляков в борьбе с врагом, подобно горящим крестам в Шотландии.

О священных рощах поэт Иоллер писал:

“В таких зеленых дворцах царили первые короли
Спали в их тени и развлекали ангелов.
Советами таких старейшин они пользовались
И посещая святые рощи они становились мудрее;
Здесь им не мешали свет и шум.

По легенде Будда умер в священной роще: “Затем он вер-

нулся в Кучинагару, и вошел в священную рощу деревьев сал; здесь ремесленник по имени Чанда дал ему пищу, от которой ему стало плохо. Утром он повернулся на правый бок, головой на север. И деревья-сал склонились над ним, покрыв его тело. В таком положении он перестал дышать”, — сказано в священных текстах.

Город Вена был построен вокруг священной рощи, и последнее дерево которой — почитаемый дуб, долго росло в центре города.

У остяков порой за священную рощу считалось всего семь больших лиственниц. В славянских священных рощах в честь Перуна поддерживался вечный огонь. Древние германцы хранили в своих священных рощах боевые знамена. В Бенгалии люди не понимают, зачем для божества строить дом, если для этой цели есть священная роща. В Индии присутствие святого человека, отшельника в священной роще гарантировало защиту всего живого вблизи его жилища.

О многих священных рощах существуют красивые легенды. В районе Кавказского заповедника, на реке Белой, была у черкесов священная роща. О ней говорили: “Если хочешь сорвать цветок, не рви его там, где рождаются воды Белой реки. Не добывай там ни зверя, ни птицы и не строй своего жилища поблизости. Пусть рука человека не коснется ничего, что живет и находится в этом лесу — это место священо на вечные времена”. В противном случае проступок карался всенастигающим гневом духов и богов.

Иногда рощу специально освещали молебном и кропили водой (такой обряд бытовал среди православных священников) тогда роща становилась “обреченной Богу” и называлась божелесьем, “гай-богом”, “божницей”, “праведным лесом”, “святибором”, “богатырским местом”, “завечным”, заветным или обетным (Богу) лесом. В. Даль так описывал обряд заповедания: “Заповедать лес, запретить в нем рубку; это делается торжественно: священник с образами, или даже с хоругвями, обходит его, при народе и старшинах, поют “Слава в вышних”, и запрещаю́т въезд на известное число лет”.

Священные заповедники создавались в X—XV веках в Средней Азии и Казахстане. На территории Кокандского

ханства бытовал специальный термин — “курус”, что означал заповедная девственная природная территория.

Широко известен священный лес ханты и манси в верховьях рек Конды и Сосьвы — “Ен-амы-унт-ун-так-лазе” (Лес такой густой, как у собаки шерсть). Нынче там государственный заповедник.

Любопытно было бы сравнить процент заповедности при язычниках и сейчас. Наверное, сравнение выглядело бы не в нашу пользу. Так, в древней Индии 6% земель охранялись как священные рощи. Это больше, чем отведено под заповедники в современной Индии. Я уже не говорю об абсолютной заповедности.

Глубоко исследовал сущность, идеологию и историко-культурное значение удмуртских и марийских священных рощ этнограф В. Налимов (отец которого сам был языческим шаманом): “Рощи связаны с культом творческих сил природы, сознанием органической, генетической связи с природой, единства своей группы. Кратко воззрение их можно формулировать так: — бог — творительная сила, отражающаяся в природе; в живой текучей воде, придавая ей прозрачность, текучесть, неиссякаемость, — в растениях, в животных и в человеке. Эта творческая сила едина, но она разветвляется и каждая отдельная сила, органически связанная с единой силой (как притоки реки связаны с главной рекой), имеет свою индивидуальность. Отсюда, — бог территории; люди, живущие на ней, органически связаны между собой и богом, составляя каждый только часть единого целого. Влияя на одну часть, можно влиять на целое. Загрязняя, например, воду, приносишь вред растениям, животным, человеку, богу, т.е. производительной силе. Недостойное поведение отдельного человека оскверняет не только его физическую природу, но и вредит всей производительной силе природы. Отсюда — общий интерес группы людей, растений, животных, воды, бога, т.е. творческой силы.

Творческая сила страдает от грязи, нечистоты, болеет. Вредно на нее действуют выделения человека, сквернословие, зависть и т.д. Таким образом, бог — творческая сила не всемогущ. В будничной повседневной жизни очень трудно сохранить природу в чистом виде. Поэтому выделяются рощи, ключи и оберегаются от загрязнения. Здесь творческая

сила спасается от преследующей грязи, нечистоты. В известное время года творческая сила, когда ее мощь достигает максимума, как, например, во время цветения ржи, приняв образ бабочки, вылетает и распространяет свою благодать (т.е. силу).

Вокруг таких заповедных рощ объединяются целые роды, люди, живущие иногда за десятки, сотни верст. Через каждые три года происходят моления с общей трапезой; совместная еда является символом заключения союза, дружбы. Есть рощи, в которых моления происходят в чаще, и которые объединяют меньшую группу людей. Наконец, для сохранения творческой силы служат и отдельные священные деревья, специальные храмы (куа, куала), как семейные, так и родовые. Храм — небольшая деревянная постройка, часто без окон, потолка, только с крышей и земляным полом; по своему внешнему виду он напоминает северную охотничью избушку”.

Следует добавить, что марийские села или даже отдельные семьи, имевшие свои священные рощи, являлись более уважаемыми, чем те, у которых таких заповедных участков не было.

Иногда священными рощи становились по причине соседства с монастырем, церковью, кладбищем или даже капличкой. В современной Эфиопии земля вокруг христианских церквей считается священной. На определенном расстоянии от церкви нельзя рубить деревья, срывать с них листья, запрещается возделывать землю, пахота здесь приравнивается к кровопролитию, осквернению. Обширные земли монастырей и узенькая полоска у сельской церквушки считались святой землей. В результате вокруг многих церквей живут дикие животные, в иных местах почти истребленные. Здесь устраивают свои улья дикие пчелы и им никто не мешает, кругом на церковной земле гнездятся лесные птицы. Леопардам не только позволяется жить рядом с храмами, но считается, что этот зверь настолько добр, что, если при встрече с ним ляжете на левый бок и скажете, что больно, он вас не тронет. Люди приписывают эти феномены внутренней святости земли и ее обитателей.

Священные рощи, по-видимому, были одной из первых форм сакрализации пространства с постепенным его суже-

нием и локализацией, концентрированием на почитаемом объекте. По мифическим представлениям высшей ценностью обладает та точка в пространстве, где совершался акт творения. Именно с ней ассоциируется мировая ось, мировое дерево, священная роща, она осознается как центр мира, “пуп земли”. Благополучие такого места означало благополучие самого мира. Удмуртские священные рощи имели три вписанных друг в друга круга, но максимумом сакральности (абсолютной заповедностью) обладал лишь внутренний круг, посещать его имели право только жрецы.

Часто “священные” рощи, родники и т.п. возникали благодаря “откровениям”. Например, в каком-то приметном месте шаману или обыкновенному человеку открылся живущий в этом месте дух, сначала в сновидении, обещая помощь и требуя жертвоприношение. Часто человек осознавал, что обязан сделать что-либо богоугодное, считал, что избран для этого дела богами. В таком случае “объявление” им какой-либо рощи “священной”, с учетом всех религиозных канонов данного народа, осознавалось как одно из важных богоугодных и высоконравственных дел. Побудительным мотивом к появлению новых священных рощ могла быть также удачная охота или обнаружение дерева, на котором в течение нескольких лет вьет гнездо орел.

В литературе по заповедному делу и по сей день дискусируется вопрос о посещении отдельных категорий охраняемых природных территорий. Для многих все более становится ясным, что поставленное на поток (как в США), массовое посещение национальных парков, не только губит дикую заповедную природу, но и ведет к самой девальвации принципов заповедного дела.

Но почему бы нам не взять на вооружение языческий принцип посещения священных рощ? Ведь язычники тоже в них ходят. Но не все. И не всегда. Один-два раза в год. Только пешком, и только избранные. На несколько часов. В чистой одежде, помывшись в бане. В священной роще запрещено сорить, ругаться, ссориться. Ибо здесь место общения с высшими силами. Язычники ходят в священные рощи не для использования их в хозяйственных целях (сбор грибов и ягод), а чтобы переживать их духовно. Не ради этого ли нужно посещать и национальные пар-

ки? Пусть посещение их станет религиозным ритуалом. Национальные парки — это священные пространства. Поэтому путь туда должен быть открыт не туристам, а паломникам. Туристы стремятся в национальные парки ради развлечения. Паломники же придерживаются более духовной миссии.

Множество местных языческих религий имеют своим центром конкретное место — река, роцца, гора, зависят от такого святого места. По-видимому, как считает киргизский эколог Э. Шукуров, в каждом природном ландшафте имеются особые ключевые точки и объекты, значимые независимо от нашей воли и сознания. Именно там и возникают святые места. Причем эти объекты могут быть одновременно значимыми для разных народов и религий.

Как правило, посещение святых мест улучшает здоровье и дарует благоразумие.

Любые святыни требуют своего почитания и своих святителей. Без этого заповеданный язычниками природный объект не будет восприниматься как священный. И большое значение в этом имеют не только религиозные табу и былички о духах, но и словословия, гимны в честь священных роцц, островов, гор. Все это определенным психологическим образом настраивает человека на благоговение перед объектом. Образуется своеобразный социорелигиозный пояс табу, который окружает священные рощи.

Вот пример бурятского словословия в честь священной горы Бархан Ундэр: “Вершина горы устремлена в сияющую сферу неба, ее основание покоится на сверкающей тверди драгоценной земли, сверху над ней — балдахан плотных облаков в ожерельях золотых вспышек молний, раскаты грома разносят ее славу на сто сторон. В средней части горы тихо моросит благостный дождь, подножие окружено деревьями с нектарными плодами, реками, вода которых обладает восемью качествами совершенства. Ее недра таят сокровища всевозможных драгоценностей, растительных и минеральных лекарств. Ее поверхность, обильная стадами красивых горных коз всех видов; оглашаемая эхом клеточка медленно парящих орлов, облачена прекрасными разноцветными покровами цветов, опоясана шарфом чарующей радостной радуги, украшена красотой, преисполненной всех

признаков совершенства. Внутри горы — огромный дворец царства драгоценностей, сияющий мириадами лучей, как солнечный день, это огромное пространство охраняет могущественный царь тэнгэриев, царица, принцы, все духи горной тайги, горных ущельев, перевалов, скалистых гор, лесистых холмов, ручьев, родниковых озер, травянистых склонов и долин, пастбищ и священных мест”.

В Орловской губернии России неприкосновенными считались рощи, выросшие на церковницах — местах старых церквей. Рубить лес там запрещалось: — “Все равно что в церковь залезть, бревно там вырубить” — бытовала такая поговорка-табу.

Народные табу оберегали священные рощи лучше стражи и законов: “Один бедуин положил под охрану священной рощи мешок овса. Пришли две козы и съели овес. Тогда священная роцца послала на их след волка, который наказал согрешивших животных”, — приводил пример Дж. Фрэзер.

Священные рощи имеют большой набор разных ценностей. Люди верили, что добрая сила рощи приносит утешение, решение проблем, помогает исцелиться. Часть заповедных священных роцц воспринимается туземцами более утилитарно, с конкретной пользой для человека: здесь лечат людей, молятся о ниспослании добра и благодати, иные священные рощи выполняют роль охотничьих рассадников. То есть местное население в любом случае и по разному было заинтересовано в существовании священной рощи.

Но в одном и главном священные рощи походили друг на друга — это в поддержании в них абсолютной заповедности. Все деревья священной рощи считались неприкосновенными: люди верили, что отрубленный сук или сорванный листок лишают жизни только одного святотатца, срубленное дерево влекло за собою уничтожение всей его фамилии, а истребление рощи — гибель всего села, которому она принадлежала. Там не разрешалось рыбачить, охотиться, пахать, косить траву, собирать грибы и ягоды, хворост, если домашний скот случайно забредал в роццу, люди останавливались у заветной черты и ждали, покуда он возвратится. Порой даже запрещалось попадать под тень священного дерева. Заходить в священную роццу можно было не всем, да и то всего несколько раз в год.

У удмуртов за рубку деревьев в священной роще до революции взымали штраф 1 рубль или арестовывали на 2—3 суток, отводя в волостное управление. Рощи огораживались, за них отвечали специальные люди.

У хантов и манси за священную рощу отвечал шаман и хранитель места. Священная роща Вулкана у этрусков охранялась собаками. Священные рощи германцев были ограждены рвами, за ними следили жрецы — друиды. Такие рощи были круглыми или продолговатыми, большими и маленькими.

Считалось, что всякий, кто без позволения входит в священную рощу Зевса в Аркадии, сперва теряет свою тень, а затем умирает. В священных рощах остяков запрещалось пить даже воду. В древнегреческих священных рощах охотничьи собаки не осмеливались преследовать добычу, а стояли снаружи и лаяли.

Среди психологических механизмов, поддерживающих заповедность священных рощ, особое место занимает обряд прощения у рощи прощения или возмещения ущерба. Этнограф Н. Маторин писал: "... я слышал рассказ о татарине, который имел дерзость помочиться в куале (священной роще под Казанью — В.Б.). За это дух покарал его — у татарина разболелся виновный орган. Выздоровел он лишь тогда, когда вместе с вотяцкими старостами принес жертву в куале оскорбленному духу".

Такие покаяния еще больше усиливали представления о священной роще как о пространстве, находящемся во владении святого, как о пространстве, где святость и заповедность явлены в самой непосредственной и чистой форме. В том и ином случае охрана священных рощ опиралась на страх и совесть каждого.

Что заставляло язычников заповедать рощи, объявляя их священными? Возможно, красота и дикость первозданного леса. Рощи и боры своим величием, своей таинственной тенью производили возвышающее впечатление на входящего и возбуждали в его душе мысль о близости божества. Даже порой одинокое вековое дерево, порожавшее своей мощью и величественной красотой, представлялось под особым покровительством.

Известный психолог и философ Уильям Джеймс считал,

что "религиозное чувство возвышенного — это особое содержание, какое мы испытываем в ночную пору в лесу или в горном ущелье; только в данном случае оно порождается мыслью о присутствии сверхъестественного. (...) Божество должно означать для нас кроме этого такую первичную сущность, к которой нельзя относиться иначе, чем торжественно, без возможности проклятий и насмешек".

"В небесах торжественно и чудно!", — сказал в своем бессмертном стихотворении Лермонтов... Именно "торжественность реагирования", по мнению У. Джеймса, является причиной религиозного отношения, в том числе к дикой природе. Причем это торжественное настроение никогда не бывает простым и однородным. Оно всегда включает в себе некоторую долю противоположного себе настроения. Так, торжественная радость содержит в себе некоторую горечь в своей сладости, считает автор.

Реформа законов, экономические изменения, прогресс науки, усиление роли экопросвещения и пропаганды явно недостаточны для улучшения заповедного дела. Нам необходимы культурные практики, которые нашли бы старые добрые языческие традиции и заново бы сделали дикую природу священной. А сохранить эти традиции для природоохраны мы можем единственным способом — все время изобретая новые.

В одном священном писании сказано:

Алтари их разрушьте,
Столбы их сокрушите,
Вырубите священные рощи их (Исход 34:13)

Не дай Бог чтоб такое повторилось...

Кроме всего прочего священные рощи — уникальные культурные учреждения по охране местного биоразнообразия. Даже будучи небольшими по размеру, они сохраняют, как правило, больше биоразнообразия, нежели соседние несвященные урочища. По данным индийских орнитологов, в священных рощах Индии обитает гораздо больше видов птиц, чем в соседних лесах, не считающихся местным населением. В марийских священных рощах (Нижегородская область России) священные рощи хранят основные места произрастания редких орхидей.

Ода вековому дереву

Я был рожден минералом,
а потом стал растением...

Каждое дерево имеет право на жизнь. Чем старше дерево, тем у него больше права. В Йосемитском национальном парке США туристы в течение 20 лет катались через туннель, проделанный в старой секвойе. Затем дерево рухнуло. Туристы попросили администрацию парка проделать новый туннель в другой секвойе. Им ответили: "Мы не должны увечить величественные старые деревья для развлечения, уважайте их жизнь".

Каждое вековое дерево — это красивейший памятник природы, требующий своего почитания и заповедания. Несчастный, кто не понимает красоты старых деревьев! Несчастный, кого не охватывает сладкое волнение при виде такого удивительного творения как вековой дуб! У японцев есть специальный термин — "саби", — что означает естественную красоту давно существующего природного объекта — древнего дерева, замшелого валуна.

Русский пионер охраны природы А.П. Семенов-Тянь-Шанский писал в 1913 г., что надо: "Старые деревья охранять с прежней тщательностью до последней возможности как живых свидетелей давно минувшего, как прекрасные памятники русской истории. Эти богатыри чрезвычайно живописны в своем величественном угасании". Действительно, старое разрушающееся дерево может обрести новое значение в этом процессе разрушения. В книге Осии в Библии сказано: "И будет красотой, как красота маслины", то-есть выше красоты старой маслины ничего нет.

Известный английский философ и искусствовед XIX века Джон Рескин писал о дереве как о символе общества: "Ес-

тественная история деревьев — моральная история. История государства — это тоже история дерева". Буддийские народы чтут индийскую смоковницу у развалин "Тысячи столпов" на Цейлоне, где Будда погружался в блаженство. Такие деревья — древней самых памятников старины. Они учат "познавать постижимое и тихо почитать неисповедимое". Это очень важная сфера, которую дарят человеку вековые деревья. Это сфера исторического времени, воспоминаний и поэтических ассоциаций. Исторические воспоминания и поэтические ассоциации — это то, что очеловечивает старые деревья в наших глазах, что составляет их суть и особенность. Не только поэты должны понимать вековые деревья.

Парефразируя славянское изречение: "вековое дерево есть мир, ветви — языки, и птицы — апостолы". Обыкновенный трехсотлетний дуб или бук — это легендарное мировое или первосвященное дерево. Он высится до неба, а корень спускается в ад. В его густых ветвях и корнях сокрыты диковинные птицы и змеи. В стволе упрятана жизнь и ее высшая цель — бессмертие. Вековое дерево вводит всему меру и порядок: в нем заключены три высшие ценности, четыре стороны света, четыре времени года и элементы мира. Оно — ось земли и стоит в середине мира, ибо именно в этой самой священной точке пространства и времени совершался акт творения. Вековое дерево — вместилище сакрального, оно — свидетельство единства космоса и принадлежит золотому веку, оно — символ духовных корней.

Вековое дерево поражает своим постоянством, надежностью и великодушием. Кажется, оно остается преданным высшим идеалам своих предков.

Вековые деревья — деревья мудрости и справедливости, даже тень их обладает разумом. Посидев под кроной старого дерева можно найти решение трудной проблемы. Будда получил прозрение под вековой папайей, Ньютон открыл закон всемирного тяготения под древней яблоней.

Вековые деревья ценны не только тем, что они представляют сейчас, но и тем, чем были и среди кого росли. Временная перспектива, сокрытая в них, не менее важна, чем перспектива зрительная. В принципе, если вековым деревьям не мешать, они могут дорасти до неба.

Древние деревья вызывают у человека чувства, характерные для эстетической категории возвышенного — вос-

торг, страх, почтение. Они — отражение векового отношения к ним, результат деятельности многих поколений. Необыкновенная ценность старых деревьев заключена в них как важнейшей части ландшафта. Они срастаются с ним в одну эстетическую целостность, что очаровывает нас. Они придают “малой родине” своеобразность, красоту, неповторимость. Вековые деревья — настоящие живые чудеса света, поражающие своей высотой, размером кроны, толщиной ствола, уверенностью и мощью. Они шепчут речи столетий.

От вековых деревьев веет истиной. Они входят в понятие родового наследия и духовного состояния. Они — живые свидетели минувших веков, и связывают прошлое с будущим через настоящее. Их история не менее интересна и поучительна, нежели история людей. Индусы верят, что вековые деревья в своих предшествующих жизнях были великими философами.

Древние деревья привязывают человека к своей религии, культуре, истории, традициям, памятникам и красоте, к всему тому, что питает нашу мораль и патриотизм. “Встретишь старое дерево — сними шляпу”, — говорят чехи. “Есть две вещи, недоступные даже для Бога: сотворить старое дерево и родовитого дворянина”, — считают французы. Теоретик пейзажного искусства А. Поп писал: “Старое дерево более благородный объект, чем сам принц в своем коронационном одеянии” и “лучше сжечь собственный дом, чем срубить вековое дерево”.

Под древним деревом укрывается истина. Недаром в старом дубе князь Андрей Волконский узнал себя.

Вековые деревья — это особый дар Провидения, пробуждающие “готическое” настроение, они — символ космоса, жизни, мудрости и молодости.

Свободный рост векового дерева — знак свободы человеческой мысли и мемориальная достоверность прошлого. Как заметил Джордж Моррис — “Если бы у нас не было древних замков и легенд, которые смогли бы поведать нам о прошлом, с этим прекрасно справились бы древние деревья, старые, как мир, знающие все об античной жизни”.

Вековые деревья представляются лучшими, наиболее откровенными посредниками и посланниками из природы, наиболее близкими ее сердцу. Во все века древние деревья давали приют справедливо и несправедливо преследуемым.

Вековые деревья не могут защищаться, когда на них посягают. Их конечности неподвижны. Они — наиболее беззащитные в отношении человека создания, и люди обычно не признают за ними достаточный уровень одушевленного чувствования, и поэтому могут без зазрения совести уничтожить. С таким же успехом мы можем начать губить произведения мировой поэзии, все до последней строки и последней копии — в финальном погребальном костре (книги тоже не чувствуют), — и считать, что мы после этого будем иметь более богатую и счастливую жизнь.

Беречь вековые деревья, как и древние здания, надо любой ценой. Имя векового дерева, отягощенное памятью, всегда мемориально. Древние деревья — настоящие “часовые века”.

Ярослав Мудрый повелел охранять огромные вековые дубы, о чем было записано в “Русской Правде”. Петр I нашел в Кронштадте два старых дуба и обнес их изгородью. Огромные вековые деревья у многих языческих народов почитались и охранялись как священные. Плиний Старший восхищался старыми дубами — они “не тронуты веками, они одного возраста с миром, они поражают своим бессмертием, как одним из чудес света”. Ксеркс во время похода на Грецию любовался древним священным платаном в Ливии и велел его покрыть золотыми украшениями и приставить стражу на вечные времена из отряда бессмертных.

В Латвии, вплоть до XV в. у подножия наиболее больших дубов оставались подношения, и старший священник, или “крайв”, возглавлял иерархию из не менее 17 служителей культа вековых деревьев.

Пушкин воспел 700-летний дуб в Тригорском:

Гляжу ль на дуб уединенный
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный
Как пережил он век отцов.

Ему вторил Мицкевич:

Деревья милые! Увижу ли вас снова —
Друзей-приятелей далекого былого?
(...) Деревья старые, вас меньше год от году,
И вырубают вас стяжательству в угоду!

На территории римского форума охранялся платан, под которым волчица вскормила Ромула и Рема. Гибель дере-

ва в 58 году была воспринята римлянами как знак гибели Рима, что вскоре и произошло.

Платон благоговел перед одним старым чинаром: "Как он раскидист и высок, этот чинар. Он в полном расцвете теперь, наполняя все это место благовонием. И что за чудесный родник течет под чинаром! Как холодна его вода — и ногам заметно. Куколки привешены и другие приношения — видно, здесь теперь святиня нимф или Ахелоя".

Очень чтут вековые деревья в Германии. На их гибель в журналах помещаются некрологи. В Галиции глава греко-католической церкви митрополит А. Шептицкий в 30-х годах стоял у истоков движения за охрану вековых деревьев.

В американском городе Клирвотер, дабы при строительстве церкви не пострадал старейший дуб Сэма с размахом ветвей в 42 метра, организовали пересадку, длившуюся несколько месяцев. Уникальная операция по спасению векового дерева весом несколько тонн занесена в книгу мировых рекордов Гиннеса.

В Чехии наиболее старым и известным деревьям посвящают марки, в Турции и Канаде деревья награждают медалями, в Таиланде производят в "духовный сан".

У всех времен и народов вековые деревья признавались священными. А священная вещь — не подлежит оценке.

О почтении памяти пионеров охраны природы

И прославил
я мертвых —
что умерли
давно — более,
чем живых —
что живут
поныне.

Экклезиаст

Русский публицист А. Меньшиков писал в 1912 году: "Нигде в мире не умирают так основательно, как в России. Зарыт — забыт!" Горькая правда...

Небрежение к истории природоохранного движения, от кого бы оно не исходило, есть небрежение к великой истории нашей страны, к ее традициям. Нужно быть слепым и глухим, иметь никудышнюю память и совесть, чтобы с завидным постоянством забывать о них.

Низкий поклон вам, пионеры охраны природы! За все, что сделали, за все, что не успели, А если и были ошибки, винить мы не имеем права. Ведь вы — первые. Мы могли бы их не повторять, а если и совершаем, то это не от большого ума. И не от крепкой памяти.

"Кто старое помянет, тому глаз вон!" — вбивали в нас с детства. А вот о второй части народной мудрости — "кто старое забудет — тому вон оба", — запомнили. Но ведь кто не помнит своего прошлого, осужден повторять его.

"Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности", — сказал Пушкин.

Древние египтяне считали, что имя, сохранившееся на

надгробном памятнике, обеспечивает вечную потустороннюю жизнь. И наоборот, худшей мезью врагу было уничтожение надписей на надгробиях.

В природоохранном движении до сих пор не все хорошо с памятью. Иные пользуются у нас памятью о пионерах, как старым бабушкиным сундуком. Понадобится — откроют, вытащат что надо. И испробовав, опять надолго захлопнут сундук.

Как слепые котята тыкаемся мы нынче в разные стороны, повторяя ошибки прошлого. И одна из причин видится мне в пренебрежении историей, накопленным, но забытым опытом, прошлым, которое “помогли” забыть. Идеями, что успели окаменеть, растерять четкость граней в мареве времени.

Человечество обязано поддерживать пионеров. Ибо их стимул — биологически обусловленная жажда знания с детства. Без нее невозможен прогресс в науке, культуре и общественной жизни.

Первые рыцари природы вызывают к себе уважение. Зная, что занимаются непрестижным, практически безнадежным и опасным делом, не бросали его. За что расплачивались уютом, карьерой, жизнью. История, память о них нужна, чтобы восстановить связь времен, прерванную нетерпимостью и невежеством.

Постепенно возвращаются из небытия имена тех, кого почти век не рекомендовали упоминать. Их книги, поступки, идеи. Отработавшие по несколько жизней на неблагоприятном поле природоохраны, они составили плохо скрываемую оппозицию тоталитарному режиму. Плоды их труда — величайшая победа человечества прежде всего в моральном плане.

История охраны природы — это, по сути, мартиролог, летопись боли и героизма. По моим подсчетам только на Украине репрессиями уничтожено 40% деятелей природоохраны, еще 10% были вынуждены эмигрировать в гражданскую или в Великую Отечественную войну. Таким образом, вырублен каждый второй. Примерно такая же картина — в России.

Это время навсегда ушло от нас и навсегда останется с нами.

Традиции природоохраны современности заложили они — горстка пионеров, появившихся на грани двадцатого века. Память о них имеет сейчас для нашего времени не мень-

шее значение, чем их живое присутствие. Память — основа нашей совести и нравственности. “Для того, чтобы быть услышанными людьми, надо говорить с Голгофы, запечатлеть истину страданием, а еще лучше — смертью” — заметил Лев Толстой. Они заплатили за свои идеалы, за право быть услышанными сполна.

Новое время заставляет нас по-иному взглянуть на их дела и поступки, осмыслить и дать оценку.

Не тех, что щедро увенчанный судьбою,
Нередко получал награду сверх цены,
Но тех, кто душу нам отдав, с ее красою,
Забыт, молчит и спит, мы поминать должны, —

просто и мудро сказал один из них — Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский.

На грани стремительного века не все, кто был достоин всенародной памяти и любви, получили признание. Дело потомков — восстановить звенья, связывающие сегодняшний день с началом. Иначе и наши дни станут ненужным грузом для внуков, равнодушных к памяти. Ценность истории — в попытке распространить временные рамки нашей памяти за пределы жизни человека. История — это воскрешение.

Если о человеке перестают помнить, он исчезает, даже еще существуя, перестает быть. Память рождается знанием, и чтобы многое помнить, нам нужно очень многое знать. Нам нужно о них знать все. Пусть о пионерах охраны природы будет больше хороших очерков, книг, пусть ширятся чтения и конференции их имени.

Необходимо создать культ “святых покровителей” отечественного заповедного дела — Вениамина и Андрея Петровичей Семеновых-Тянь-Шанских, Григория Александровича Кожевникова, Ивана Порфирьевича Бородин, Франца Францевича Шиллингера, первыми в России провозгласивших великое право дикой природы на существование.

Памяти нужны пристанища. Памяти нужны святылища. Давно пора создать музей охраны природы и заповедного дела, проводить дни памяти пионеров охраны природы Отечества. Пусть их имена носят заповедники и национальные парки.

Каждый должен что-то совершить для сохранения памяти пионеров природоохраны. Это наша обязанность, наш

святой долг. Последнее, что мы можем сделать доброго для них.

И еще. За нами идут молодые силы. Их надо воспитывать не проповедями, не нравучениями, но примером.

Память на время. Память на юбилей. Память на час. Давайте же помнить наших пионеров охраны природы не только в праздники, носящие их имя. Благословен, кто вспоминает каждый день то, что забыто.

К сожалению, примеров нашей памяти и деятельной заботы о пионерах охраны природы не так уж много. Повезло Ф.Э. Фальц-Фейну, И.И. Спрыгину, П.Г. Смидовичу, Л.Г. Капланову, В.Л. Комарову — их имена носят заповедники. В Смоленском педуниверситете с 1992 года проводятся Международные чтения памяти профессора В.В. Станчинского. На здании Одесского университета открыта мемориальная доска И.И. Пузанову. Еще пара подобных примеров и, пожалуй, все.

Скажу и о такой важной вещи, как отечественная культура охраны дикой природы, созданная нашими пионерами. «Культура, — как писал поэт Николай Гумилев, — есть способность к накоплению знаний и ощущений и умение передавать или воспринимать их с помощью памятников, изустных преданий и общественных учреждений».

Пора осознать, что мы являемся продолжателями именно такой уникальной культуры природоохраны, накапливать и передавать в XXI век не только знания, но и ощущения, памятники, святыни и изустные предания.

Мы должны осознать, что эта культура выгодно отличает нас от коллег из других стран, и обязаны гордиться ей. Мы должны осознать, что будем восприниматься с уважением и на Западе и на Востоке только как носители именно своей природоохранной культуры, а не ловко заимствованной, но чужой.

Во времена пионеров заповедное дело и охрана природы являлись хобби. Сейчас это стало профессией. А у любой профессии, чтобы она была любимой, должны иметься свои источники вдохновения: профессиональная честь, профессиональное признание, профессиональная сплоченность, профессиональные традиции, идеалы, этика, герои. К сожалению, у профессии деятеля заповедного дела этого нет, или почти нет. Особенно нельзя мириться с отсутствием профессиональной этики природоохранника. У нас есть пока только свои герои, которых, опять же, мало кто знает.

Но профессиональная честь, профессиональные традиции основываются на той гордости, которую специалисты испытывают по отношению к выдающимся представителям своей профессии. Хорошей традицией мог бы стать свой профессиональный праздник (пусть пока не освященный государственным указом) — День заповедников, проводимый в начале января, когда в России был создан первый государственный заповедник.

Охрана природы и история особенно приближены к этике. Мы, деятели природоохраны конца XX столетия, должны видеть, что быть живыми в настоящем — значит нести прошлое в будущее. И поэтому эфемерными окажутся усилия тех, кто не видит ничего, кроме настоящего, ибо такие все равно что мертвецы. Мы же состоим из памяти и надежды, и правдой будет то, что не позволим забыть имена первых.

Дикая природа как лик Бога или любимой

В диких местах находится сохранение мира.

Генри Торо

Увы, мы никак не откажемся от постылого утилитарного взгляда на заповедные территории, как на места научного или рекреационного интереса. Забывая, что они — прежде всего сфера нашей моральной озабоченности, дивный оазис, где еще уцелели красота и чудо.

Ибн Сина прав: мирские блага могут повредить более возвышенному благу. Ни в коем случае наши заповедники и национальные парки нельзя сравнивать ни с научными институтами, ни со школами по экологическому просвещению, ни с лужайками для отдыха. Их задачи более светлы и возвышенны ...

Дикая заповедная природа обладает абсолютной, идеальной, присущей только ей внутренней ценностью. В ней заключается добро, истина и красота. Находясь среди деградированной природы, заповедники уже не имеют материальной ценности, ибо становятся моральным качеством. Заповедная дикая природа — это абсолютная истина, критерий гармоничности и морального совершенства.

Нельзя верить, что человеческое существование есть наивысшее благо. Наивысшим благом является существование всей дикой жизни на Земле. Природа всегда выше и лучше людей.

Шиллер писал: “Могущественная сила природы теряет свою возвышенность как раз настолько, насколько она является обузданной человеком, и немедленно вновь становится возвышенной, когда торжествует над его ухищрениями”.

Наиболее полной свободой, красотой и нравственным началом обладает дикая природа, оберегаемая в заповедниках. Территория дикой заповедной природы должна восприниматься как священное пространство.

“Дикость” является высшей идеальной ценностью заповедной природы. Языческие народы считали “дикость” в природе особой божественной категорией, охраняли ее в своих священных рощах, поклонялись и благоговели перед ней.

В мае 1997 г. со своим другом Николаем Морохиным я имел счастье посетить священную марийскую рощу Грозная в Тоншаевском районе Нижегородской области России. Она возвышалась на холме как храм, была видна из всех точек окрестности. Прав Морохин — этот нетронутый цивилизацией “чистый” лес воплощал непреходящую гармонию, самовозрождение и величие природы, веками вызывая любовь и преклонение у местных марийцев.

Я рассматриваю дикую заповедную природу как лик Бога. Как и божество, она есть сосредоточение традиционной триады: добра, истины и красоты.

Разве не в пустыне, не на лоне дикой природы Моисей, Будда, Иисус и другие великие пророки и учителя нашли свое просветление, видение и озарение?

Дикая природа — это то место, где противоположности сходятся и внутренний конфликт излечивается единством. “Прежде” и “после” становится единым, и кажется бессмысленным ценить что-либо, кроме мгновений.

Прямое общение с дикой природой, как и с Богом, есть самостоятельное непреходящее благо.

Дикая природа может вызывать ужас или запугивать. Но существовал ли когда-нибудь Бог, который не обладал бы властью вызывать ужас в такой же степени, как выражать любовь и сострадание?

Кант утверждает, что вера в идею Бога является необходимым условием моральной жизни. Он говорил, что идея Бога является существенно важной для моральных законов. По аналогии с этим можно рассматривать дикую природу как трансцендентальную сущность, когда вера в идею дикой природы также становится необходимым условием существования морали.

Как и Бог, заповедная дикая природа не позволяет подменить религию идеальных ценностей: истины, добра и кра-

соты религией земных нужд. Она возвращает нас к духовности и вере.

Присутствие Бога является важнейшей характеристикой дикой природы. Величественные ландшафты свободной природы — это те последние редкие места, где у человека больше всего шансов, чем где-либо, мельком увидеть лицо Бога. Ищите его на вершине горы, в пропасти, в водопаде, в закате, в грозном облаке, в радуге, в северном сиянии.

Дикая природа, как колыбель грез, обладает божественным предназначением, а ее дикость всегда связана с творением. В самом имени дикой природы содержится религия.

Виктор Гюго сказал: “Я был один вблизи волн, в звездную ночь, ни облака в небе, ни паруса в море, и леса, и горы, и вся природа казалось, вопрошали смутным шопотом волны моря, огни неба. И золотые звезды, бесконечные легионы, то громким, то тихим голосом с тысячью мелодий говорили, склоняя свои огненные венцы, и голубые волны, ненаправляемые и несдерживаемые говорили, сгибаая свой пенный хребет: — “Это Господь Бог, Господь Бог!”.

Я рассматриваю дикую заповедную природу как лик любимой.

Дикая заповедная природа в своей изумительной красоте и величественности, как и лик любимой, вызывает удовольствие, удивление, изумление, даже благоговение.

Она обладает силой нравственного притяжения. Эмерсон сказал: “За эстетически прекрасным скрывается высшее идеальное начало”.

Заповедная природа, как и любимая, всегда права. Она обладает особым благом, имеющим этические и эстетические стороны. Не находя в обществе своего идеала, мы обращаемся к дикой природе как к любимой. Ибо для духовного совершенства необходимо присутствие идеала, к которому можно и нужно стремиться, идеала, находящегося “впереди” и “выше”.

В любимой женщине, как и в дикой природе, порой можно любить отдельную черточку (например, глаза с раскосинкой), а из-за этого любить ее всю.

Красота дикой природы, как и любимой — внесловесна. Ее трудно, даже невозможно выразить словами.

Великий Байрон писал: “Как часто мы забываем время в уединении, в восторге перед величественной природой, когда из леса, воды, луга и света ее дух так мощно

говорит нам: разве не живет гора, звезда, и разве волны не одушевлены? Разве свод пещеры не имеет чувства, когда из него проступают тихие слезы? Без сомнения они зовут нас в свои сферы, освобождают от пыли времени и погружают душу в недра мирового целого”.

Забота о дикой природе, как и о любимой нам необходима. Она заложена в наших генах и имеет неземную основу.

Наше удовлетворение и счастье достигается через оценку дикой природы, как и любимой за пределами самого себя, а не из-за признательности за то, что она дает нам, а во имя ее самой. Это своего рода моральный парадокс. Еще Иисус говорил: “Ибо кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее”.

Эрнест Партридж, известный американский экофилософ, заметил: “Мы получаем дополнительные преимущества путем самопотери во благо дикой природы. (...) Ведь тот, кто влюблен в кого-то во имя этого человека, получает больше всего удовлетворения от того, что влюблен, и этот безоговорочный дар любви (между достойными, взаимно любящими личностями), приносит наибольшее взаимное удовлетворение.

Изменившая же любимая — нелюбима, как и оскверненная заповедная природа, она лишается своей чистоты и возвышенности.

Как и любимую, мы любим свободную природу еще и за ее загадочность.

Мы любим только то, чему названья нет,
Что, как полунамек, загадочностью мучит,
Отлеты журавлей, в природе ряд примет,
Того, что прозревать неведомое учит.

Изучите до конца сущность дикой природы, и она сразу станет неинтересна и нелюбима. Не должна отвечать природа на вопросы смертных.

Шатобриан писал: “Созерцая волны, я не видел Бога в величии Его творений. Я видел незнакомую женщину, и чудеса ее улыбки, красоты неба казались мне исходящими от ее дыхания: я отдал бы вечность за одну ее ласку. Я представил себе, что она трепещет за этой мировой завесой, скрывавшей ее от моих взоров. О, зачем было не в моей власти разорвать завесу, чтобы прижать этот идеал жен-

щины к моему сердцу, чтобы сгореть на ее груди в этой любви, источнике моих вдохновений, моего отчаяния и моей жизни”.

Несколько этических выводов в заключение:

1. Создавайте святыни. Где нет святынь, там нет этики.
2. Необходим союз философии с религией против свободы научного разума.

3. Требуется организовывать особые заповедники, где дикую природу наконец-то полностью предоставить самой себе. Где она будет обладать максимальной свободой и правом на самоопределение. Запретив там любую хозяйственную деятельность, любую науку и любое экопросвещение.

4. Идеология заповедного дела, основанная на самоограничении, самопожертвовании, чувстве святого и любви должна быть поддержана на Руси. Где юродивые и святые всегда в почете.

5. Защищая творения дикой природы, нам необходимо развивать и усиливать новые ценности, такие как самоограничение, биогуманизм, духовность, формулировать цели, такие как мир, свобода, достоинство, справедливость, права видов дикой природы, содействовать осуществлению таких идеалов как добродетель, альтруизм, любовь. Здесь простирается основа, общая для теологии морали и философии морали.

6. Нам нужна новая идеология, новая моральная структура, сеть признанных обязательств и обязанностей перед дикой природой. И тогда вопрос: “Какая польза от дикой природы?” станет таким же абсурдным, как и другой: “Какая польза от счастья?”.

Заповедники как национальный символ

Если в начале XX века к заповедникам и национальным паркам часто относились как к чудачеству, то сейчас все больше наций и стран осознает, что заповедные объекты являются бесценным достоянием, национальным символом, двигателем культуры, одним из атрибутов современного государства. Все больше людей понимает их роль в патриотическом воспитании, в поддержании существования нации, соглашается, что процент заповедности отражает степень цивилизованности страны, что заповедники или национальные парки такой же символ суверенитета как флаг, паспорт или парламент.

Возникновение общественного интереса к дикой природе — важнейшая черта современного стандарта жизни. Чаще всего это происходит при помощи памяти, мифа и символа. Жизнь любой группы людей, любого народа полна символов. Символ облегчает усвоение сложного путем замещения сравнительно простыми, запоминающимися знаками. В данном случае заповедные объекты становятся патриотическими, этическими, культурными, религиозными, духовными символами региона, государства, народа.

Для многих американцев национальные парки сохраняют память эры американской истории, и являются такими же монументами, подтверждающими национальное самосознание как Статуя Свободы или купол вашингтонского Капитолия, и обладающими таким важным качеством как “уверенность в постоянстве”. Любое нападение на национальные парки воспринимается в США не просто как оскорбление природоохране, но и американскому обществу в целом.

Дикая природа в Америке стала местом не только религиозного искупления, но и национального обновления,

критически важной для создания нации, памятником американскому прошлому и страховым полюсом для защиты будущего. Беречь дикую природу в США вполне реально стало означать охранять наиболее священный миф о происхождении нации. Созданный в Америке культ дикой природы способствует развитию американского заповедного дела, защищает от хозяйственников охраняемые природные территории.

Такая же ситуация в Канаде. В 1993—1994 годах там провели опрос с целью выяснить, что является символом этого государства. Национальные парки заняли третье место после флага и гимна Канады, обогнав даже известный во всем мире канадский хоккей. По-видимому, подобный результат мог быть получен и в других развитых странах — США, Англии, Австралии.

К сожалению, в России, Украине, других странах СНГ заповедники и национальные парки не являются в понимании широких масс населения национальными символами. Хотя в Белоруссии таким символом сам Бог велел стать Беловежской Пуще, в Украине — Аскания-Нова, в многонациональной России каждый народ должен иметь свой заповедник, национальный парк и почитать их как свой символ.

Практиковавшийся долгое время в СССР узко-биологический подход к заповедным объектам не позволяет взглянуть на них с общегуманитарных позиций.

Конкретный пример — в Законе Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях, принятом в 1995 г., нет ни слова о том, что заповедники и национальные парки составляют национальную гордость России. В подобном украинском законе, принятом тремя годами раньше — такие же огрехи.

Хотя на заре XX века многие пионеры охраны природы отечества призывали взглянуть на охраняемые природные территории как на национальный символ и достояние нации. В.Е. Тимонов писал в 1917 г.: “Однако, сильнее и плодотворнее всего стремление к охране природы там, где оно коренится в любви к ней и к родине (...). Для непрерывного роста национальной культуры каждый народ должен оберегать ее корни в первоначальной природе. Ни музеи, ни книги не могут заменить национального музея свободной природы”.

Недаром Крымский заповедник, созданный Крымским буржуазно-демократическим правительством в марте 1918

г., имел название “Крымский национальный”, Каневский в начале 20-х годов предлагалось назвать “Государственно-национальным”, Кавказский — Национальным парком.

У съезд Украинских естествоиспытателей и врачей во Львове в 1935 г. обратился к митрополиту А. Шептицкому с просьбой о создании Украинского национального парка природы, который станет “постулатом чести и престижа нации”.

Однако, в 30-х годах значимость заповедников в СССР свели к утилитарной хозяйственной и научно-прикладной полезности. Тезис украинского природоохранника Н.В. Шарлеманя, что дикая заповедная природа “служит основой для создания и развития национальной жизни” предали анафеме. Термин “национальный парк”, как националистический, был упрятан в спецхран.

СССР долгое время не стремился подписать Конвенцию об охране всемирного природного и культурного наследия. Ее идею о необходимости защиты заповедников и национальных парков как части общечеловеческого достояния долгое время не могли понять не только в глухой сибирской деревушке, но и в Кремле.

Ошибки нужно исправлять. Заповедные территории должны стать гордостью народа, престижными объектами страны, области и района. Отдельными лекциями или статьями в прессе здесь не отделаться. Нужны специальные проекты повышения престижа заповедных объектов. Необходимо стремиться к тому, чтобы заповедное дело перестало быть вотчиной только экологов, ботаников и лесников. Надо шире привлекать к нему философов, священников, политиков, журналистов, деятелей культуры.

С целью поднятия авторитета заповедных объектов можно организовывать их торжественное открытие, ввести красивую форму службы заповедников и национальных парков. Нужны конкурсы прессы, эстетичные пограничные знаки, единый знак заповедных объектов, государственный национальный праздник День заповедников, памятный знак “Отличник заповедного дела”, пришла пора создавать попечительские советы заповедников и национальных парков из влиятельных лиц, устраивать выставки картин и фотографий о заповедных объектах.

Важный момент — популяризация самой профессии работника заповедника и национального парка. И в этом большую роль могут играть книги на манер “Великие путешес-

твенники”, “Врачи Отечества”, “Знаменитые полководцы”, а также литературные конкурсы (на лучшую повесть, очерк и т.д.) о заповеднике и его людях.

Значимый социальный эффект даст освещение нового заповедника или национального парка церковью. Это широко практикуется в Польше, а в 30-х годах — на Западной Украине.

Вот как происходил праздник открытия кедрового заповедника им. митрополита А. Шептицкого на горе Яйцо в Горганах (теперь Ивано-Франковская область) 12 августа 1934 г.

На открытие собралось около 60 человек — представители Польского Госсовета по охране природы, Лиги по охране природы, воеводства, дирекции гослесов, староства, греко-католической церкви, Научного общества им. Шевченко во Львове, других научных, туристических, охотничьих организаций и также местные жители. Праздник начался служением в церкви соседнего села Пидлютое и освящением территории. Немногим позже выступили представители администрации и природоохранных органов.

Большое значение имеет официальное посещение заповедников и национальных парков первыми лицами государства, их поздравления с юбилеем заповедных объектов.

Другой возможный метод повышения престижа заповедника, национального парка или заказника — создание института общественных хранителей. Он организуется из людей, склонных к общественной работе. Им вручается “охранная грамота” на объект, удостоверения “общественного хранителя” заповедного объекта. На эту же идею работает и присваивание заповедным объектам имен людей, их организовавших.

Другой вариант — “усыновление” заповедником или национальным парком городского зоопарка, ботанического сада или аквариума, чем можно значительно усилить влияние заповедного объекта на городское население.

Стимулировать интерес населения к заповеднику можно путем проведения среди местных жителей конкурса “Что вы знаете о нашем заповеднике?” с поощрением участников.

Нельзя пройти и мимо специального мифотворчества, использования сказок, народных легенд и преданий. Любопытна идея Лапландского заповедника, мол если Дед Мо-

роз живет в Лапландии, то только на территории Лапландского заповедника, откуда под Новый год выезжает на оленьей упряжке с подарками в Россию. Этот миф придает особый колорит Лапландскому заповеднику.

Свою положительную роль в поднятии авторитета заповедных объектов играет и Марш парков, проводящийся ежегодно в апреле в России, Украине, других странах СНГ с середины 90-х годов.

Опыт Японии свидетельствует: каждый ученик за время обучения должен хоть раз побывать в японском национальном парке. В этой традиции заложена необычайная мудрость — повзрослев и став чиновником, бывший ученик обязательно будет содействовать заповедному делу.

Особое внимание требуется уделять поднятию престижа заповедных объектов среди местного населения, как правило больше всех с прохладцей относящегося к соседнему заповеднику или национальному парку. Нужно стремиться к тому, чтобы люди, живущие возле заповедника, гордились им, а живущие вдали — завидовали этим счастливым. Тогда охрана заповедной территории с оружием в руках будет восприниматься как мрачное средневековье.

Национальные парки могут стать своего рода “ристаллом муз” — местом сбора людей творчества — поэтов, журналистов, музыкантов, писателей — пусть они несут идеи заповедного дела в массы.

Нужно стараться, чтобы в создании заповедников и национальных парков были заинтересованы политические силы и социальные группы, имеющие огромное влияние на общество. Поэтому немалая работа по поднятию авторитета охраняемых природных территорий должна вестись с ними.

В заключении еще один важный момент. Авторитет любого заповедника как природоохранного учреждения напрямую связан с культом дикой природы. Нет культа дикой природы — не будет авторитета у заповедников и национальных парков. Добиваться престижа заповедников, не пропагандируя культ дикой природы — то же самое, что беспокоиться о театрах, не заботясь об авторитете культуры в целом.

Крохотки

Прощание с летом

Как-то среди отпускной суматохи мы совсем позабыли, что подходит к концу август. А с ним и лето.

Рыжим апельсином прокатилось оно по календарю. Оглянуться не успели.

Солнце уже не то. Ласковым котенком заберется в тучи и день-деньской мягкой лапкой рот моет.

Небо не безразлично-синее, а нежно-голубое. Как глаза у той маленькой, почти незнакомой девушки. Которая и не знает, что красива как богиня.

Минул яблочный Спас. Тихо в ветвях каштанов шумит прохлада. С дрожащих листьев кругом тяжелый сон ниспадает. Странная это пора — самый конец августа.

Безмолвие и лень, кажется, разлились по всему миру. Еле ворочаются стрелки на циферблате. Пахнет медом. Перепадает дождь. И дольше века длится остывающий день.

Безутешно промелькнул рыжий апельсин. Где-то позади осталась середина лета. Именно в такие дни и подкрадывается к нам осень.

Синее озеро

Согласитесь, в субботний день иногда хочется выбраться подальше от городской суеты. Скрыться от всех в осеннем тумане. И хотя бы пару минут побыть одному.

Мы встретились с Синим озером в день полуосени-полузимы. Ветер перебирал сухие листья и воспоминания о лете. Пустые пляжи слепили неожиданной чистотой.

Мы подарили Синему чуду колечко с бирюзой. По старинному обычаю. На счастье.

Редко теперь найдешь в Киеве места, где так возможно “светлое души уединенье”. Синее озеро, что в Киеве на Виноградарях — чуть ли не последнее. Другие, а их в Киеве более ста, почти все загублены. Вербное на Оболони засыпали мусором, берега Радужного превратили в авторынок, живописные ставки на Нивках и Голосеевские — в отстойники.

Но ведь каждое из озер — эпоха в жизни целого поколения. Где искать легендарное озеро Долобское, на котором собрался миротворческий съезд киевских князей? Кто рискнет искупаться в Совских прудах — бывшей гордости киевских градоначальников 19 века?

Но каким же чудом уцелела наша крошка-озеро? Почему никто не покусился на его девичью синеву?

Все просто. Реальность теряет под собой почву и грешную душу, когда на нее сходит небесное зарево красоты.

Янтарный берег

Мы приехали за янтарем. Геологи поведали, что где-то здесь, у села Старые Петровцы море то и дело выбрасывает куски древней окаменевшей смолы.

Янтарный берег встретил нас свежими красками молодых сосен, чистого песка и лазоревое моря. Ветер, волны и никого. В таких местах человек приближается к своему Творцу. Именно здесь находится берег нетронутой поэзии, здесь ищите гения чистой красоты.

Один из обрывов очень знаменит. Эти бурые полосы — следы всего четвертичного периода. В нескольких сантиметрах красного песка — почти вся история жизни на планете Земля.

Пока не поздно, обрыв следует взять под защиту, сохранить ради самого себя.

А янтара в этот раз мы так и не нашли. Зато увезли в своем сердце нечто более драгоценное.

Поездка в декабрь

Странные бывают встречи. Вышел тихий дирижер, заиграл Баха и все встало на свои места. Белый снег оглушил, усыпил.

Все что дорого, длится недолго. Теперь здесь негде и незачем вдвоем. Твердо ступила зима — роковая, неизбежная губительница.

Раньше тут дымился чумацкий шлях. Чумаки везли соль из Крыма и отдыхали под этими великанами. Во время революции монахи прятали в дубах-старожилах серебро-золото. А теперь мы встретились с ними, трогали деревья глазами и рукой.

Недавно эти вековые дубы стали заповедными. Теперь ничто не помешает им и дальше соединять прошлое с будущим. И конец времени не наступит никогда.

В синие сутробы уходил день. Тихо провожала нас вечеряющая природа.

Что-же делать, когда на душе пусто и муторно. Напиться, удариться в разгул? Нет. Просто надо уехать, уехать в декабрь.

Речка — девушка

Как известно, Киев основали три брата: Кий, Щек и Хорив. Каждый построил поселения на одном из киевских холмов.

Была у них еще и сестра, синеокая красавица Лыбедь. С глазами такими большими, что казалось, расплескались они на пол лица, как синие лужицы. В честь своей курносой сестренки нарекли братья речку, что “чистым телом звенела вся как звонкое кольцо”.

Киевляне любили Лыбедь, молились в зеленеющих по ее берегам священных рощах.

Но пришли иные времена, и речку заковали в бетон, сгубили чистую девичью красу. Надругались, обезобразили.

Нет, среди мусорных баков и канализационных люков не взрастет любовь к родине. Речка Лыбедь — святыня. Как Со-

фия и Лавра. Не только историческая, но и природная. Ее надо возродить.

Вдохнули ведь американцы жизнь в свои Великие озера, очистили немцы Рейн, появилась таки рыба в Москва-реке. А мы чем хуже?

Гидропарк

Вековые тополя здесь от сотворения мира. А березы обвенчаны с сентябрем. Тихо стерегут тайну заливов кувшинки. Видно, как заходит солнце. И купола церквей похожи на воздух в январе.

Таких чудных мест в Гидропарке все меньше. Без страха и упрека наступает цивилизация. Если так дело пойдет и дальше, киевлянам придется загорать на бутылках из под колы и пакетиках от воздушной кукурузы.

Зачем было пилить цветущий каштан, а на зеленой лужайке устраивать водный аттракцион?

Все меньше остается мест, где дышится легко.

Как же постареет Киев, если потеряет свой Гидропарк.

Святая криница

Говорят, сколько криниц на земле, столько звезд на небе. А если расчистить или выкопать новую, то на небе загорится новая звездочка. Один слепой так и сделал. Не знаю, появилась ли звезда, но он прозрел. И назвал криницу в честь святой Пятницы, что надоумила его во сне расчистить родник.

Святая криница, что у села Трубовщина Яготинского района на Киевщине существует уже несколько веков. В советское время ее несколько раз пытались засыпать бульдозером, но родник все равно находил дорогу к людям. Сейчас возле криницы стоит крест, капличка. Богомольцы кидают в целебную воду монеты, развешивают на соседние кусты тряпочки, чтоб оставить “хворобу”.

Ежегодно, летом, на десятую пятницу после Пасхи, к святой кринице съезжаются сотни страждущих, приходят священники, устраиваются молебны.

В этом роднике, бьющем из под каменьев, слышится голос ушедших давно поколений. У журчащей воды очень ясная память. Что не скажешь о нас, людях, так часто плюющих в колодец.

“Царские охоты”

Все мы из того самого прошлого, где давлело над нами два чувства — лжи и страха. И о многих срамных вещах нам даже не полагалось знать, не полагалось да и не хотелось.

Убийства животных ради развлечения всегда считалось в нашем перевернутом мире забавой. Особенно у сильных мира сего. Для них по всей Украине создали более трехсот спецсафари. В одной только Киевской области с десятком: Залесье было рассчитано на Брежнева и заморских гостей, Днепроовско-Тетеревское и Джидок считались вотчиной Совмина УССР, Панская Поляна обслуживала КГБ, Белоозерское — министров “средней” руки.

В Днепроовско-Тетеревском лесное озеро — все в сиянии. Дабы карася легче ночью снять с крючка. Урочища “Остров” и “Акация” — строго охраняемые зоны. Здесь приютились фешенебельные домики “Охотника” и “Рыбака”. Банкетные залы с коврами и шкурами. Дорогая посуда, хрусталь. Картины — “Ленин на охоте”, “Ленин на рыбалке”.

Урочища имеют бетонную бухту с волнорезами, пирсами, катерами и кораблями. Откуда бравые, вооруженные автоматами и пулеметами члены Политбюро отправлялись за уткой...

В начале 90-х “царские охоты” чуть было не закрылись. Но сейчас, превратившись в валютные, вновь стали процветать. Особенно “полюбляют” украинских косуль и оленей горячие итальянцы. Перебив всех диких животных у себя на родине, ринулись на Украину. Где их встречают хлебом и солью. За “зеленые”. Что будет завтра — никого не волнует.

Александрия

Осенний туман не скрывал красоты. Колоннада “Эхо”. Турецкий мостик. 18 век. Поздний классицизм. Палиева гора. 1300 видов трав и деревьев. Пестель обдумывал план восстания. Пушкин любезничал с хозяйкой усадьбы. Бывали Державин, Шевченко. Стоял лагерем Семен Палий.

Этот шедевр мировой ландшафтной архитектуры заложил в 1774 году граф Браницкий. В честь своей жены. Как же счастлива и горда должна быть та далекая женщина, если ради нее создали такое чудо!

Фонтан “Лев”. Вода в нем с запахом нафталина. Балка у Ореховой Поляны. В роднике не зеленый “тархун” — раствор шестивалентного хрома, свинца и кадмия. Чуть выше — еще родники. Они горят как в сорок первом. Поскольку истекают керосином. Всему виной — завод по ремонту военных самолетов, разместившийся по соседству.

Посещение Александрии раньше приравнивалось к визиту в театр, храм. Гостям выдавались специальные мягкие тапочки, дабы не мять травы. Максима Горького не пропустили из-за отсутствия парадной одежды.

Боже, неужели это время никогда не вернется?

Воспоминания о Райском саде

Раньше в Киеве имелось три ботанических сада: Центральный академический, университетский имени Фомина и Акклиматизационный. Последний за краски и изобилие плодов нарекли Райским.

Основал его в начале 20 века академик Кащенко. Ему удалось собрать со всего мира такое количество разных сортов плодовых деревьев, что позавидовал бы сам Мичурин.

В 1970-х какому-то умнику пришла в голову мысль построить на месте Райского сада скучное здание из стекла и бетона. В несколько ночей строители уничтожили всю красоту. Соорудив высшую партийную школу.

От всего сада чудом уцелел лишь 200-летний платан. Любимое дерево академика Кащенко. Наверное, любовь ученого и защитила вековое дерево. И сейчас поражает оно своей высотой, уверенностью и мощью. Прислушайтесь, это не шорох листьев. А шепот истины. Именно в таком старом дереве князь Волконский узнал себя.

Лысая гора

Лысая гора над Днепром — наверное, единственное место в Киеве, где сохранилась почти дикая природа. От Киевской Руси. Благодаря ведьмам, да еще военным, что два последних столетия стерегли тут свои арсеналы. Они ушли — дикая природа и ведьмы остались.

Здесь лес дремуч, непуганные птицы и слышно как растет трава. Сумасшествие цветов даже в октябре. Сохранился ковыль — седой свидетель истории славянства. И где-то рядом прячется добро, истина и красота.

Несколько лет назад Лысую гору взяли под охрану государства. Однако казенная бумага слабо защищает природно-историческую святыню. Кто пасет коз, рубит заповедные деревья или просто развлекается, разжигая костры.

Во многих столицах мира принято сохранять остатки дикой природы. В центре Токио зеленеет священная роща, в Москве — национальный парк “Лосиный остров”. А вот в Киеве городские власти переадресовали охрану дикой Лысой горы ведьмам да чертям.

Вечные курганы

Разве можно представить степи Украины без курганов? Все равно что пустыни Египта без пирамид.

Наши курганы, или, как их еще именуют в народе — могилы, наверное, самые древние творения рук человека на территории Украины. Им по 30 и более веков. Они единст-

венные памятники времен минувших, уцелевшие свидетели давних событий. И как дни ушедшие, принадлежат одной истории.

Многие из курганов являются последними убежищами дикой степной жизни. Здесь сохранились редчайшие травы — ковыль и астрагал.

Курган, что у села Переяславское Переяслав-Хмельницкого района на Киевщине один из самых красивых. На маленьком кусочке земли, представить трудно, в мае цветет около 200 видов диких трав! Осторожная лисица выводит потомство, бабочки всех красок основали свой город.

На беду, сельские жители часто не понимают ценности курганов. Распахивают их. За последние полтора века в Киевской области количество курганов уменьшилось в 10 раз.

По недомыслу и жадности губим мы национальное достояние, тревожим покой давно ушедших народов.

Но ведь еще в Святом писании сказано, что чернь “да не шевелит даром костями родичей, и прах, возвращенный земле, да покоится в мире”.

Запахи весны

Красота весенних запахов, как и звуков, имеет не только свою географию. Но и временную перспективу.

Ранней весной дразнящий запах тающего снега и мокрой земли смешивается со сладким ароматом цветущих ив.

Затем благоухают абрикосы, вишни, яблоки. В середине апреля к ним добавляется острый запах молодых листьев, особенно тополиных. Таких пахучих после теплого дождя.

В конце апреля окутывает аромат черемухи, с началом мая — сирени.

А затем вдруг ощущается два сильных запаха — лоха колючего и белой акации. Это значит — весна покинула нас.

Проект "Любовь к природе": опыт, цели и задачи

Никогда не давай полной воли своему воображению: оно производит чудовищ.

Пифагор

Отчего и как возник проект

Все началось с того, что мы вместе с моим московским товарищем Е. Симоновым принялись обсуждать: как активизировать механизмы побуждения людей к охране природы. Выяснили, что особая роль принадлежит мотивациям. Мы предполагали, что если человек ценит красоту цветка, то станет его охранять. Однако все оказалось гораздо сложнее: человек может его сорвать, ибо эстетика толкает его как на добро, так и на зло.

Тогда было предложено попытаться возродить духовность в природоохране (по мнению активного участника проекта профессора А. А. Никольского охрана природы для многих превратилась в технологию обеспечения жизнедеятельности человека, из нее вытеснили духовное начало). Поэтому мы решили пойти по пути популяризации народных экологических традиций, пропаганде идей отечествен-

ных классиков охраны природы, основателей этико-эстетического подхода в заповедном деле. Однако и этого оказалось недостаточно.

Во время работы над проектом вдруг стало видно, что акцент должен сдвигаться от рассмотрения практических механизмов природоохраны (мотиваций и др.) в этическую плоскость. До тех пор, пока вся деятельность человека, даже природоохрана, заповедное дело будут поражены антропоцентризмом, сохранить природу невозможно. Мы уже целый век топчемся на месте. Ведь в конечном итоге экологический кризис — это кризис ценностей. Непонимание людьми нематериальных и внутренней ценностей природы, оценка ее только ради науки и барышей продолжает стимулировать разграбление природы, сужает социальную и политическую поддержку природоохраны.

Все больше участников проекта приходят к выводу, что нужна новая мораль, религия и идеология, основанные на экоцентрических принципах. Необходимо повышать нематериальные и внутренние ценности природы. Причем особое внимание уделять не окружающей среде, не здоровью и экологической безопасности человека, не биоразнообразию и даже не охраняемым природным территориям, а дикой природе как таковой (сам термин "дикая природа" в отечественной природоохране все еще непривычен).

Кстати, в ходе проекта мы осознали, что его название "Любовь к природе" не вполне отвечает расширившимся задачам: ведь чтобы охранять природу, любить ее не обязательно. Достаточно природу ценить, восхищаться ей, гордиться, поклоняться или благоговеть перед ней (благоговение — страх, смешанный с почтением). Поэтому к первому мы добавили второе название — "Гуманитарная экологическая инициатива", хотя это вроде также не совсем то.

Краткие итоги проекта

С самого начала наш проект стал международным, к нему подключились украинские, российские и американские общественные и государственные организации различного профиля: ЭкоЦентр "Заповедники", Центр охраны дикой природы, Московское отделение ИСАР (Москва), Вашингтонское отделение ИСАР, культурологическое объединение "Китоврас" (Н. Новгород), Кольский филиал ЦОДП (Апатиты), факультет культурного и природного достояния Восточно-Сибирской госакадемии культуры и искусств (Улан-Удэ), географический факультет Днепропетровского университета, Каневский заповедник (Черкасская обл.), экостанция Костенев Ям (Московская обл.), издания "Заповестник" (Йошкар-Ола), "Живая Арктика" (Апатиты), активное участие приняли доктора биологических наук А.А. Никольский, В.В. Дежкин, Ф.Р. Штильмарк (Москва), Э.Д. Шукуров (Бишкек, Кыргызстан), В. Левченко (С.-Петербург), доктор филологических наук Н.В. Морохин (Н. Новгород), доктор исторических наук Д. Уинер (Тусон, США), кандидат географических наук М.Е. Кулешова (Москва) и др. Координацию действий взял на себя Киевский эколого-культурный центр.

За четыре года работы над проектом было издано более 20 книг (Этико-эстетический подход в охране природы и заповедном деле, 1997, 1999, Киев, КЭКЦ; Т. Горячева, 1999, Святые животные, Киев, КЭКЦ; Т.Н. Павлова, 1998, Биоэтика в высшей школе, Киев, КЭКЦ; Н.В. Морохин, 1997, Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья, Киев, КЭКЦ; Ф.Р. Штильмарк (сост.) 1998, Поэтическая экология, Киев, КЭКЦ; Л. Грэбер, 1999, Дикая природа как священное пространство, Киев, КЭКЦ; Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара "Трибуна-6", Киев, КЭКЦ и др.).

Важными событиями является выпуск "Гуманитарного экологического журнала", специального бюллетеня "Про-Эко", а также организация международного семинара в Киеве (1997), региональной школы в Московской области (1999), вечера памяти пионеров охраны природы в Москве (1999).

В рамках проекта проведены исследования историко-культурной ценности заповедников России, разработка методики эстетической оценки ландшафтов с целью их заповедания, изучение представления о природных ценностях у населения ряда городов Украины, разработка концепции эколого-просветительской работы в заповедниках и национальных парках России (утверждена в 1999), изучение этической целесообразности биологических исследований в заповедниках России, многочисленные фольклорные исследования в нескольких регионах России и Украины, а также перевод с английского, немецкого и польского языков более 50 томов книг и большого количества журнальных статей.

Материалы участников проекта активно публиковались в российских, украинских и зарубежных природоохранных изданиях: журналах "Охрана дикой природы", "Гуманитарный экологический журнал", "Беркут", "Заповідна справа", "Берегиня", бюллетенях "Живая Арктика", "Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні", "Русские природоохранные новости" (на англ. яз.), бюллетене Сети спасения тайги (на англ. яз.), "Степной бюллетень", "Заповедники и национальные парки", бюллетене Дальневосточного отделения ИСАР, бюллетене Московского отделения ИСАР, а также в сборниках семинаров и конференций.

Участники проекта стали инициаторами создания Международной группы по нематериальным ценностям ОПТ комиссии МСОП по заповедным территориям. Нарботки проекта обсуждались на курсах работников российских заповедников, организуемых ЭкоЦентром "Заповедники", различных семинарах и конференциях.

Цели проекта

1. Сохранение дикой и окультуренной природы на основе повышения значимости природных ценностей и эгоцентризма.

2. Активизация природоохраны и расширение ее социальной поддержки.

Задачи проекта

1. Анализ мирового опыта пропаганды эгоцентрических идей.

2. Осмысление природоохраны как части духовного опыта человечества, ее изучение как социального и культурного явления.

3. Развитие экологической этики, культурологии, теологии, этнософии, природоохранной эстетики и глубинной экологии.

4. Разработка эгоцентрической идеологии охраны дикой природы и заповедного дела.

5. Разработка этики дикой природы.

6. Создание культа дикой природы.

7. Развитие религии природоохраны.

8. Развитие и повышение нематериальных и внутренней ценностей дикой природы.

9. Пропаганда идеи дикой природы.

10. Внедрение эгоцентрического подхода в теорию и практику природоохраны и природопользования.

11. Внедрение эгоцентрических идей в политику, науку, культуру, экономику и религию.

12. Возрождение духовности в охране природы.

13. Разработка обязательств и обязанностей перед дикой природой.

14. Разрушение антропоцентризма.

Пути решения задач

1. Выпуск "Гуманитарного экологического журнала".

2. Издание литературы по экологической этике, культурологии, теологии, этнософии, природоохранной эстетике, глубинной экологии, перевод и издание зарубежных работ.

3. Выпуск электронного бюллетеня "Любовь к природе".

4. Проведение международных семинаров и региональных школ, организация активных дискуссий по обсуждаемым вопросам.

5. Создание единой библиотеки и аннотированных библиотечных списков в рамках проекта "Любовь к природе".

6. Установление рабочих контактов с зарубежными экофилософами и экотеологами.

7. Построение глобальной сети экологической этики на просторах СНГ, главная цель которой предоставление ее участникам возможности говорить и действовать.

8. Изучение оценки населением внутренней и нематериальных ценностей дикой природы.

9. Оценка воздействия различных природоохранных мотиваций на эффективность природоохраны.

10. Разработка конструктивных механизмов по повышению значимости внутренней и нематериальной ценностей дикой природы.

11. Разработка пилотных проектов по экологической этике для школьного и вузовского образования.

12. Разработка рекомендаций, направленных на внедрение экоцентрических идей в практику заповедного дела, охраны дикой природы, природопользования, природоохранное законодательство, а также в политику, науку и религию.

13. Разработка эффективных методов влияния на общественное сознание в природоохранных целях.

14. Поиск действенных эколого-этических идей и императивов в народных традициях, религиях, философских учениях.

15. Рассмотрение образов и метафор дикой природы в мировых культурах, философиях и религиях с целью их использования в природоохранных мотивациях. Создание мифопоэтических аргументов.

Нерешенные вопросы, трудности и сомнения

Проект "Любовь к природе" будет развиваться дальше, и естественно, ожидать от него со временем смену задач и приоритетов, возникновение новых проблем и трудностей. Некоторые ощущаются сейчас. Их можно разделить на внешние и внутренние. К первым относится неприятие проекта "Любовь к природе" кондовыми природоохранниками, которые только в экономическом и правовом регулировании видят панацею от всех бед экологического кризиса. До тех пор, пока хотя бы природоохранная элита не осознает важность перемены своей антропоцентрической позиции на экоцентрическую, наш проект не будет иметь успеха.

Среди внутренних проблем можно назвать некоторую информационную и интеллектуальную недостаточность. Так, в наших рядах до сих пор нет профессиональных философов, теологов и политологов. По-прежнему очень затруднено приобретение необходимой (в первую очередь англо-американской) литературы.

Имеются проблемы и теоретического плана. Например: действительно ли антропоцентризм может привести к самоуничтожению человека?

В самом начале 20 века в Российской империи появилось новое, доселе еще неведомое движение — в защиту памятников природы. Его пионеры сделали первый и смелый шаг: объяснили людям, что природу нужно охранять, потому что она полезна. Но не совершили второй, так и не заявив, что охранять природу нужно прежде всего потому, что она ценна сама по себе.

Сейчас, в самом конце 20 века, мы должны, наконец, на это решиться.

ИЗДАНИЯ КИЕВСКОГО ЭКОЛОГО-КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА

Серия: ИСТОРИЯ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

- Вып. 1.** В.Е. Борейко, 1994. Аскания-Нова: тяжкие версты истории (1826—1993), Киев, 157 стр.
- Вып. 2.** В.Е. Борейко, 1995. История заповедного дела в Украине, Киев, 183 стр.
- Вып. 3.** В.Е. Борейко, 1995. "Царские охоты": от Владимира Мономаха до Владимира Щербицкого, Киев, 48 стр.
- Вып. 4.** В.Е. Борейко, 1995. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860 — 1960), том первый (А-М), Киев, 191 стр.
- Вып. 5.** В.Е. Борейко, 1995. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860 — 1960), том второй (М-Я), Киев, 224 стр.
- Вып. 6.** В.Е. Борейко, 1995. Белые пятна истории природоохраны, СССР, Россия, Украина, т. 1, Киев, 224 стр.
- Вып. 7.** В.Е. Борейко, 1996. Белые пятна истории природоохраны, СССР, Россия, Украина, т. 2, Киев, 304 стр.
- Вып. 8.** Из литературного наследия Андрея Петровича Семенова-Тян-Шанского (1866—1942). Проза. Стихотворения. Эпиграммы. Авторы-составители В. Берлин, В. Борейко. 1996 г.
- Вып. 9.** В.Е. Борейко, 1996. Очерки о пионерах охраны природы. Т. 1. Киев. 207 стр.
- Вып. 10.** В.Е. Борейко, 1996. Очерки о пионерах охраны природы. Т. 2. Киев. 144 стр.
- Вып. 11.** В.Е. Борейко, 1997. История охраны природы Украины (Xвек—1980 г.), Т.2, (1941—1980), Киев, 192 стр.
- Вып. 12.** В.Е. Борейко, 1997. История охраны природы Украины (Xвек—1980 г.), Т.1, (X век—1941), Киев, 304 стр.
- Вып. 13.** Н.В. Шарлемань, 1997. Природа и люди Киевской Руси, сост. В. Борейко, Киев, 166 стр.
- Вып. 14.** Н.В. Морохин, 1997. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья, Киев, 224 стр.
- Вып. 15.** Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Из отечественных классических работ, 1997, сост. В.Е. Борейко, Киев, 208 стр.
- Вып. 16.** М.В. Поддубный, 1997. Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР в первой половине XX века, под ред. В.Е. Борейко, Киев, 112 стр.
- Вып. 17.** В.Е. Борейко, 1998. Иллюстрированная история охраны природы: СССР, Россия, Украина, Киев, 200 стр.
- Вып. 18.** Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Из отечественных классических работ. 1999, сост. В.Е. Борейко, издание второе, дополненное, Киев, 260 стр.

Серия: ПРИРОДООХРАННАЯ ПРОПАГАНДА

В.Е. Борейко, 1990. Методические рекомендации по использованию программы природоохранной пропаганды и информации "Трибуна", Киев, 26 стр.

- Вып. 1.** В.Е. Борейко, 1995. Без верби і калини нема України, Киев, 102 стр.
- Вып. 2.** В.Е. Борейко, 1996. Пути и методы природоохранной пропаганды, Киев, 208 стр.
- Вып. 3.** В.Е. Борейко, 1996. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов, Киев, 224 стр.
- Вып. 4.** О.Г. Листопад, В.Е. Борейко, 1996. Нетрадиционные методы в экологическом воспитании и образовании, Киев, 127 стр.
- Вып. 5.** В.Е. Борейко, 1997. Столетие природоохранной пропаганды (библиографический указатель отечественной литературы (1882 г.—1996 г.)), Киев, 80 стр.
- Вып. 6.** В.Е. Борейко, В.А. Бриних, А.Б. Климчук, 1997. К природе в гости (советы туристу, рыбаку, охотнику), Киев, 80 стр.
- Вып. 7.** В.Т. Скуратцвський, 1998. На криласах храму. Екологичні уявлення українського народу, Київ, 120 стор.
- Вып. 8.** Ф.Р. Штильмарк (сост.), 1998. Поэтическая экология, Киев, 200 стр.
- Вып. 9.** В.Е. Борейко, 1998. Пути и методы природоохранной пропаганды, Киев, 280 стр., издание второе, дополненное.
- Вып. 10.** В.Е. Борейко, 1998. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов, Том 1, издание второе, дополненное, Киев, 224 стр.
- Вып. 11.** Т. Горичева, 1999. Святые животные, Киев, 56 стр.
- Вып. 12.** В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко, 1999. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов, Том 2, издание второе, дополненное, Киев, 172 стр.
- Вып. 13.** О.А. Берлова, В.Е. Борейко, В.Б. Колесникова, А.Л. Кочинева, 2000, Как экологам работать со средствами массовой информации, Киев, 120 стр.

ОХРАНА ДИКОЙ ПРИРОДЫ

- Вып. 1.** В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко, 1996. Спутник юного защитника природы, Киев, 176 стр.
- Вып. 2.** В.Е. Борейко, 1996. Охрана вековых деревьев, Киев, 80 стр.
- Вып. 3.** В.М. Грищенко, В.Е. Борейко, О.Г. Листопад, 1996. Охороняйте лелек, Киев, 111 стр.
- Вып. 4.** В.ц. Борейко, В.ц. Мельник, В.М. Грищенко, О.Г. Листопад, 1997. Гордість заповідної Київщини, Киев, 128 стр.
- Вып. 5.** В.Е. Борейко, 1997. Введение в природоохранную эстетику, Киев, 95 стр.
- Вып. 6.** А.И. Рыжиков, 1997. Теоретические основы проектирования заповедных систем и их развитие во времени, под редакц. В.Н. Грищенко, Киев, 104 стр.
- Вып. 7.** В.Е. Борейко, О.Г. Листопад, В.Ф. Руденко, А.В. Подобайло, 1998. Охрана местных природно-исторических святынь, Киев, 144 стр.
- Вып. 8.** В.Е. Борейко, 1998. Святылища дикой природы, Киев, 112 стр.
- Вып. 9.** В.А. Нечитайло, Н.М. Стеценко, В.Ф. Руденко, А.В. Подобайло, 1998. Охрана и культивирование растений-символов Украины, Киев, 104 стр.
- Вып. 10.** Т.Н. Павлова, 1998. Биоэтика в высшей школе, Киев, 128 стр.

ВЫП. 11. В.Е. Борейко, 1999. Прорыв в экологическую этику, Киев, 128 стр.

ВЫП. 12. Линда Грэбер, 1999. Дикая природа как священное пространство, Киев, 56 стр.

ВЫП. 13. В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко, 1999, Спутник юного защитника природы, издание второе, дополненное, Киев, 304 стр.

ВЫП. 14. В.Е. Борейко, 1999. Введение в природоохранную эстетику, издание второе, дополненное, Киев, 128 стр.

ВЫП. 15. В.Е. Борейко, 1999. Священные горы, Киев, 56 стр.

ТЕЗИСЫ КОНФЕРЕНЦИЙ И СЕМИНАРОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ КИЕВСКИМ ЭКОЛОГО-КУЛЬТУРНЫМ ЦЕНТРОМ

"Зеленые" и средства массовой информации: грани контакта. Материалы ццц школы-семинара по программе "Трибуна", 1992, сост. В.Е. Борейко, Киев-Черновцы, 88 стр.

Неформальное экологическое образование детей. Материалы IV Международной школы-семинара по программе природоохранной пропаганды, "Трибуна", 1994, сост. В.Е. Борейко, Просвещение, Киев—Нижний Новгород, 92 стр.

Экологическое образование на базе заповедных территорий. Материалы международной школы-семинара ("Трибуна-5"), 1995, сост. В.Е. Борейко, Киевский эколого-культурный центр, Киев—Черновцы, 160 стр.

Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара "Трибуна-6", 1997, сост. В.Е. Борейко, Киев, 304 стр.

Материалы ццц конференццц молодых орнццтологццв Укращцни, 1998, Чернццвццц, 184 стор.

Пути участия экологических НГО Украины в выполнении Пан-Европейской стратегии биологического и ландшафтного разнообразия. Тезисы тренинга-семинара. Киев, 28—29 сентября 1998 г., Киев, 68 стр.

Создание экологических сетей как задание Пан-Европейской стратегии сохранения биологического и ландшафтного разнообразия. Тезисы тренинга-семинара. Киев, 18—19 мая 1999 г., Киев, 104 стр.

Про эко, 1996 г.

Информационный бюллетень ЗБЕРЕЖЕННЯ БЦОРЦЗНОМАНЦТТЯ Й ЗАПОВЦДНА СПРАВА В УКРАЦЦНЦ

ц1, березень 1997;

ц5, 1998;

ц2, червень 1997;

ц6, 1998;

ц3, вересень 1997;

ц7, квццтень, 1999.

ц4, грудень 1997;

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ц1, 1999.

БЕРКУТ

ц1, 1999.

Издания можно приобрести
в Киевском эколого-культурном центре

КИЕВСКИЙ эколого-культурный центр

Создан в 1989 г., является неправительственной организацией.

- ❖ *Разрабатывает и осуществляет природоохранные проекты на территории Украины;*
- ❖ *Оказывает информационную, методическую и консультационную помощь природоохранным инициативам, организывает семинары ("Трибуна") и др;*
- ❖ *Проектирует заповедные территории, имеющие природную и культурную ценность;*
- ❖ *Занимается природоохранной пропагандой и экологическим образованием, антимилитаристской работой;*
- ❖ *Исследует вопросы истории охраны природы Украины, России, СССР, разрабатывает проблемы экологической этики, эстетики, теологии и этнографии, проводит международный проект "Любовь к природе" (гуманитарная экологическая инициатива);*
- ❖ *Издает книги по охране природы, выпускает бюллетень и журналы "Гуманитарный экологический журнал" и "Беркут" (совместно с Союзом молодых орнитологов Украины).*

Центр является филиал-партнером Центра охраны дикой природы СоЭС, взаимодействует с различными общественными и государственными природоохранными организациями Украины; принимает пожертвования на природоохранную деятельность от частных лиц и организаций.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ:
Р/с 26007301901 в ГОУ ОПЕРУ
Проминвестбанка г. Киева,
МФО 300012, ЗКПО 24363925.

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
Vladimir @ kekz.freenet.viaduk.net
ТЕЛ./ФАКС: (8-044) 443-5262.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС:
02218, Украина, Киев, ул. Радужная, 31-48.

ББК 74.200.51

Б 33

Борейко Владимир Евгеньевич
ЭССЕ О ДИКОЙ ПРИРОДЕ

Серия: "Охрана дикой природы".

Вып. 16, 2000, 148 стр.

Киевский эколого-культурный центр

В книге поднимаются этические, эстетические, религиозные, культурологические вопросы охраны дикой природы.

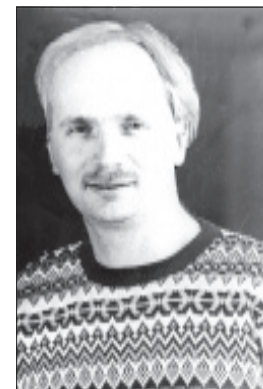
Компьютерное макетирование
Светланы Желясковой

В оформлении обложки использована картина К. Малевича "Черный квадрат"

ISBN 966—7555—06—2

© Борейко В.Е., 2000

© Киевский эколого-культур-
ный центр, 2000

Владимир Борейко,
директор Киевского
эколого-культурного
центра

"...Когда я вижу какой-нибудь уголок дикой природы, меня охватывает священный трепет, когда мне удастся добиться его заповедания, меня охватывает священный восторг".